

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КАРАГАНДИНСКАЯ АКАДЕМИЯ ИМ. БАРИМБЕКА БЕЙСЕНОВА

УДК 343.3/.7

На правах рукописи

**Актуальные вопросы противодействия актам
терроризма в Республике Казахстан: уголовно-
правовые и криминологические аспекты**

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ
НА СОИСКАНИЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ СТЕПЕНИ
МАГИСТРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК (6N0301)

Соискатель:

магистрант научно-педагогической
магистратуры (н. 2017 г.) ИПО
Карагандинской академии МВД
Республики Казахстан им. Б. Бейсенова
майор полиции
Кудабаева Ж. А.

Научный руководитель:

старший научный сотрудник НИИ
Карагандинской академии МВД
Республики Казахстан им. Б. Бейсенова
к.ю.н., подполковник полиции
Пенчуков Е. В.

Караганда, 2019

Оглавление

Нормативные ссылки	Ошибка! Закладка не определена.
Введение	3
Раздел 1 Терроризм как социально-правовое явление	7
1.1. Понятие, сущность и значение терроризм как негативного социального- правового явления. Понятие термина террористическая угроза.	7
1.2. Взаимосвязь и соотношение терроризма и организованной преступности	21
1.3. Антитеррористическое законодательство Республики Казахстан и государств – членов ОДКБ: вопросы соотношения, гармонизации и унификации	24
1.4. Анализ современных террористических угроз	33
Раздел 2 – Уголовно – правовые аспекты противодействия терроризму	43
2.1. Состояние, проблемы и перспективы совершенствования уголовного законодательства Республики Казахстан в вопросах противодействия терроризму	43
2.2. Сравнительный анализ и перспективы унификации уголовного законодательства Республики Казахстан и государств – членов ОДКБ в сфере противодействия терроризму	60
Раздел 3 Криминологические проблемы противодействия терроризму	70
3.1. Криминологический анализ современных террористических угроз	Ошибка! Загл
3.2. Взаимодействие правоохранительных органов государств – членов ОДКБ в сфере противодействия терроризму	76
Заключение	833
Список использованных источников	86

Введение

Актуальность исследования. В ежегодных посланиях Президента Республики Казахстан народу Казахстана, Концепции правовой политики и других государственных документов становится понятно, действующее законодательство, обеспечивающее функционирование правовой системы страны в соответствии с Конституцией Республики Казахстан, общепринятыми принципами и нормами международного права, требует дальнейшего развития, в частности, поэтапного совершенствования действующих законов в плане борьбы с терроризмом. Знание сил, влияющих на терроризм, имеет решающее значение для понимания того, как будет осуществляться террористическая деятельность, но важнее всего то, что это даст возможность прогнозировать будущие изменения в направленности террористических угроз.

Аналитики Stratfor выделяют основные факторы влияния на терроризм:

- идеология и теория терроризма;
- политическое и экономическое развитие;
- контртеррористические меры;
- технологии;
- освещение терроризма в СМИ.

Казахстан, впервые столкнулся с явлением терроризма в 2011 году. 17 мая, в городе Актобе, смертник, 25-летний Рихмжан Махатов, пронес взрывное устройство в здание департамента КНБ и осуществил самоподрыв.

В последующем в Казахстане было совершено еще 11 актов терроризма.

Второй президент Республики Казахстан – Касым-Жомарт Токаев высказался о том, что на современном этапе государственного и общественного развития крайне важно учитывать социально-экономическое состояние общества. Так как оно напрямую влияет на социально-политический климат в стране. А с учетом того, что идеологическую нишу, которую раньше занимала коммунистическое воспитание, стала активно занимать религия, необходимо увеличить меры борьбы с неформальными религиозными течениями, особенно учитывая не стабильную ситуацию в мире.

По итогам сессии Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности 14 октября 2016 г. главы государств - членов заявили, что «терроризм, располагающий ныне устойчивыми каналами финансирования, возможностями ведения эффективных пропагандистских кампаний, в том числе с использованием социальных сетей и информационно - коммуникационных технологий, структурами рекрутирования и подготовки боевиков, трансформировался в глобальную угрозу международному миру и безопасности»

Проблему терроризма невозможно решить усилиями одного государства, необходима координация действий разных, в первую очередь, соседних стран. В Концепции внешней политики в разделе IV говорится, что для Казахстана приоритетное направление имеет развитие сотрудничества в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом совместно с государствами постсоветского пространства.

Особую роль в вопросах совместного противодействия отводится ОДКБ.

В настоящее время в состав ОДКБ входят 6 государств: республики Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Российская Федерация, для большинства из которых проблема терроризма является актуальной.

Одним из основных факторов интеграции государств в рамках ОДКБ послужили возрастающие угрозы терроризма на их территории и соответствующее стремление совместными усилиями противостоять данным угрозам. Общаясь границы большинства государств ОДКБ, деятельность террористических и экстремистских организаций, одновременно запрещенная на территории нескольких государств – членов, постоянные террористические угрозы, исходящие с территорий Афганистана и Сирии, существующая тенденция перетекания терроризма и сопутствующих ему экстремизма, наркобизнеса, незаконной миграции из государства в государство, идеи построения единого исламского государства на территории центрально-азиатских стран ОДКБ и Российской Федерации, нерешенные религиозные и межэтнические конфликты, социальные проблемы внутри государств свидетельствуют об общих задачах обеспечения безопасности для государств – членов ОДКБ и необходимости налаживания более тесного сотрудничества в противодействии терроризму.

На сегодняшний день по оценкам экспертов сохраняется крайне тревожная в террористическом отношении ситуация в таких приграничных с Казахстаном государствах как Узбекистан, Киргизия. серьезный террористический потенциал также накапливается в близлежащих странах: Таджикистане и Афганистане (преимущественно за счет перегруппировки оставшихся сил террористической организации «ИГИЛ»).

Таким образом, Казахстан, в силу своего геополитического положения, оказался на сегодняшний день в условиях нарастающих угроз международного терроризма. Все указанные факты и обстоятельства, безусловно, подчеркивают высокую актуальность темы настоящего диссертационного исследования.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования. Проблемы противодействия терроризму разрабатывали в своих трудах многие ученые и исследователи: Ю.И. Авдеев, В.Ф. Антипенко, Ю.М. Антонян, И.И. Артамонов, Ю.С. Горбунов, С.И. Грачев, С.У. Дикаев, и др.

Уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия терроризму рассматривались в докторских исследованиях С.У. Дикаева, П. Емельянова, М.П.Киреева, А.Б. Мельниченко, и др.

Противодействие терроризму в отдельных государствах постсоветского пространства, в том числе в государствах - членах ОДКБ, в своих диссертациях рассматривали А.С. Базарбаев (2004), С.Т. Абдрахманов (2005), С.Х. Сафаров (2005), С.С. Веселовский (2007), В.И. Келехсаев (2007) и др.

Объектом диссертационного исследования является совокупность общественных отношений, складывающихся в связи с уголовно-правовым и криминологическим противодействием терроризму.

Цель диссертационного исследования состоит в разработке рекомендаций по совершенствованию системы противодействия терроризму на основе исследования правовых и криминологических аспектов антитеррористической

деятельности.

Для конкретизации поставленной цели сформулированы следующие основные **задачи диссертационного исследования**:

– определить понятие и сущность терроризма как социально-правового явления, а также взаимосвязь с родовыми смежными понятиями;

– выявить недостатки юридической конструкции ст. 255 УК Республики Казахстан, утанавливающей ответственность за акт терроризма; сформулировать научно обоснованные предложения по совершенствованию данной уголовно-правовой нормы;

– определить тенденции, и недостатки международного сотрудничества в сфере противодействия терроризму; сформулировать научно-обоснованные выводы по совершенствованию механизмов международного взаимодействия и сотрудничества в антитеррористическом направлении.

Методологическую основу диссертационного исследования составляет диалектический метод познания явлений и процессов. Основные положения и выводы основаны на комплексном использовании методов анализа и синтеза, системного метода, метода сравнительного правоведения, статистического, логического методов, метода аналогии, исследования документов и других социологических методов.

На защиту магистерской диссертации выносятся следующие положения:

1. С учетом тенденций повышения террористических угроз, усиления законодательных мер, направленных на противодействие терроризму, назрела необходимость выделения в Уголовном кодексе Республики Казахстан самостоятельной главы «Террористические и экстремистские уголовные преступления».

2. С учетом тенденций развития международного (транснационального) терроризма и нарастания соответствующих угроз в отношении Республики Казахстан, понятие «международный (транснациональный) терроризм» целесообразно закрепить в антитеррористическом законодательстве Республики Казахстан.

Под международным (транснациональным) терроризмом предлагается понимать деятельность, направленную на совершение одного или нескольких террористических преступлений на территории двух или более государств либо одного государства, при организации совершения деяния или руководстве его исполнением с территории другого государства, а равно при участии в совершении такой деятельности граждан другого государства.

Данное определение целесообразно закрепить в п/п. 5-1) Закона Республики Казахстан от 13 июля 1999 года «О противодействии терроризму».

3. Психическое отношение лица, совершившего террористический акт, к наступлению общественно опасных последствий, предусмотренных п. 2 ч. 3 ст. 255 УК, может быть только умышленным.

4. Понятие «экстремизм» является более широким и охватывает собой понятие «терроризм». Терроризм и совершение актов терроризма следует считать наиболее крайними проявлениями экстремизма, связанными с примени-

ем насилия, устрашением населения или причинением значительного материального ущерба.

5. Цели акта терроризма, закрепленные в ч.ч. 1, 4 ст. 255 УК (нарушение общественной безопасности, устрашение населения, оказание воздействия на принятие решений государственными органами Республики Казахстан, иностранным государством или международной организацией, провокация войны, осложнение международных отношений), не в полной мере отражают действительные намерения террористов при совершении актов терроризма.

Перечень целей акта терроризма в ч.ч. 1, 4 ст. 255 УК целесообразно дополнить целью провокации вооруженного конфликта и экстремистскими целями.

Апробация результатов исследования.

Основные положения и выводы, сделанные в ходе исследования нашли отражение в четыре опубликованных автором научных статьях.

Материалы диссертационного исследования внедрены в практическую деятельность подразделений по противодействию экстремизму ДП по Карагандинской области.

Структура и объем диссертационного исследования.

Работа состоит из введения, трех разделов, включающих восемь подразделов, заключения, списка использованных источников. Структура диссертации определена с учетом целей и задач проведенного исследования. Объем работы соответствует требованиям, установленным инструкцией ККСОиН Министерства образования и науки РК.

Раздел 1. Терроризм как социально-правовое явление

1.1. Понятие, сущность и значение терроризма как негативного социального-правового явления. Понятие термина террористическая угроза.

Терроризм представляет собой глобальную проблему, вследствие чего ему посвящены многочисленные исследования ученых разных стран. Данная проблема в последнее время приобрела особую актуальность. Однако ни одна существующая национальная правовая система не выработала универсальное определение терроризма, которое стало бы классическим для мирового сообщества.

Суть проблемы заключается как в нечеткости дефиниции «терроризм» в науке и законодательстве, так и в разнообразных подходах к ее пониманию. Следует отметить, что от правильно построенных дефиниций во многом зависит достоверность научных исследований, которые, в свою очередь, оказывают влияние на выявление детерминант, тактику и стратегию противодействия терроризму.

Классическим разделом любого труда по терроризму является формулирование определения [1]. Существующие сегодня понятия «терроризм» раскрывают его значимые черты и должны учитываться в последующих исследованиях.

Большинство исследователей солидарны во мнении, что терроризм – это явление. Авторы учебного пособия «Борьба с терроризмом: теория и практика» характеризуют терроризм как «сложное, многоаспектное и крайне негативное социально-политическое явление» [2]. Как сложное социально-политическое явление определяет терроризм и М.Ф. Мусаелян [3]. А. Кибальник, И.И. Артамонов указывают, что терроризм – это социальное явление [4], а А. Бриллиантов и В. Бурковская добавляют к этому, что положения соответствующих статей Уголовного кодекса Республики Казахстан следует рассматривать лишь как возможное его проявление [5].

Абдрахманов рассматривает терроризм как «явление глобального характера» и считает его «ключевой проблемой современной безопасности» [6]. З.Ш. Матчанова полагает, что «терроризм представляет собой настолько сложное, многоплановое явление, что формулирование четкого, оптимального определения понятия «терроризм» стало по-настоящему серьезной проблемой» [7].

Таким образом, терроризм, прежде всего, представляет собой явление социальной действительности, которое имеет свою историю развития [8].

Субъективизм при формулировании понятия и содержания термина «терроризм» носит повсеместный характер, и, как известно, один рассматривается как террорист, другой как борец за свободу [9]: «одно и то же действие даже в одной и той же группе может быть и преступлением, и подвигом в зависимости от того, какие переживания оно возбуждало в индивиде, кем выполнялось и против или в пользу кого оно было направлено» [10].

Универсальное определение терроризма отсутствует и на международном уровне, хотя в научной доктрине имеется мнение, что данный факт не является

непреодолимым препятствием в международной антитеррористической борьбе¹¹.

В настоящее время ни одна из принятых международных конвенций по борьбе с терроризмом не содержит понятие «терроризм». Тем не менее, конвенции находят свое применение на практике и предназначены для борьбы с конкретными проявлениями терроризма: захватом воздушных судов¹², бомбовым терроризмом^[13], актами ядерного терроризма^[14], актами против морского судоходства^[15], гражданской авиации^[16] и другими.

В последнее время используется так называемый «отсылочный» подход для определения «террористических» действий, т.е. путем привязки дефиниции к положениям существующих конвенций о терроризме. Например, в Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г. под «террористическим преступлением» понимается любое преступление, предусмотренное 10 конвенциями о борьбе с терроризмом^[17]. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г. в подпункте «а» п. 1 ст. 2 содержит аналогичный подход со ссылкой на 9 конвенций¹⁸. Резолюция 1566 (2004), принятая Советом Безопасности в 2004 г.¹⁹, также содержит ссылку на запрещенные действующими конвенциями действия, связанные с различными аспектами терроризма.

Подобный «отсылочный» характер в определении террористических деяний, в условиях отсутствия универсального международного определения терроризма, недостаточен для определения единого характера действий, который является подлинно террористическим. Кроме того, действующие конвенции не охватывают всего перечня деяний, которые подпадают под понятие «террористических» либо охватывают чрезмерно широкий круг деяний, которые, согласно конвенциям, можно отнести к террористическим. Так, Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов^[20], применяется в случаях совершения любых актов, которые могут поставить под угрозу или угрожают безопасности гражданского воздушного судна либо лицам и имуществу, которые находятся на нем, либо ставящие под угрозу дисциплину и порядок на борту судна.

Несомненно, указанные деяния могут являться действиями террористического характера, но их описание подобным образом предоставляет возможность для включения в данный перечень действий, которые не относятся к терроризму.

Следует отметить, что Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма и Европейская конвенция о предупреждении терроризма не содержат ссылок на Конвенцию о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов.

Примером в рассматриваемом аспекте может также служить определение захвата заложников, содержащееся в Международной конвенции по борьбе с захватом заложников. Дефиниция, имеющаяся в Конвенции, включает в себя все три характеристики, перечисленные в резолюции 1566 (2004) Совета Безопасности ООН.

Подобный подход к изложению термина позволяет государствам вольно толковать его содержание, злоупотребляя его использованием.

В условиях отсутствия международно признанного понятия терроризма²¹ постоянные призывы со стороны международного сообщества к борьбе с ним могут привести к негативным последствиям, связанным с нарушением прав человека и реализации принципа верховенства права, и, как следствие, неспособности международного сообщества адекватно реагировать на террористические угрозы.

В современной научной доктрине одним из важных и дискуссионных является вопрос соотношения и разграничения понятий «террор», «терроризм», «террористический акт».

В настоящее время указанные дефиниции, вероятно, обусловленные удобством лексического оборота, чаще всего используются как слова-синонимы, что открывает простор для произвольного их толкования. Иногда подобное смешивание сущностных характеристик не затрагивает принципиальных аспектов, в иных случаях расширительное толкование названных и иных терминов не позволяет выяснить истинный смысл самого понятия. Только с целью обозначения границ отделения от других видов насилия в политике эти понятия могут использоваться как единое целое.

Нередки случаи использования некоторыми авторами переносного значения слов, например «налоговый терроризм»[22], «экономический терроризм»[23]. Применительно к данным оборотам уместно использовать термин «терроризировать», под которым в научной литературе понимаются продолжительные враждебные действия с целью запугать или потеснить кого-нибудь, но не имеющие признаков уголовно наказуемого насилия[24].

Ряд специалистов, говоря о необходимости разграничения рассматриваемых понятий, акцентируют внимание на том, что терроризм является политическим противоправным насилием негосударственных структур, а террор – аналогичными действиями государственных сил в лице политических режимов[25]. Другие авторы[26] не различают дефиниций «террор» и «терроризм» либо склоняются к мнению, что проведение границ в данном случае не требуется, так как это создает терминологическую избыточность, а сами понятия обусловлены общими историческими корнями.

Отдельные исследователи в смысловом значении разделяют понятия «террор» и «терроризм», однако в своих трудах не придерживаются данного различия[27].

Террор и терроризм, следует разграничивать по следующим критериям[28]:

1. *по специфике действий:* террор представляет собой демонстративные, открытые действия, терроризм проявляется в нелегальных, конспиративных действиях;

2. *по субъекту, осуществляющему действия.* По вопросу понимания круга субъектов террора в литературе высказываются неоднозначные суждения. Ряд авторов придерживаются мнения, что террор относится к деяниям более сильной стороны, терроризм – более слабой[29]. Д.Д. Магомедов полагает,

например, что «субъектом террора может быть только государство в лице соответствующего политического режима, который там установился. Этот субъект, действительно, всегда и значительно превосходит в силах субъект терроризма. Круг субъектов терроризма значительно шире – индивиды, партии, движения, государство и т.д.»[30]. Термин «террор» понимается как показательные методы коллективного политического насилия со стороны государственных субъектов в пределах страны[31]. Изначально под терроризмом понимался государственный террор, однако в настоящее время, как правило, терроризм совершается лицами, не относящимися к государственной власти[32].

Таким образом, под террором понимаются действия легальной власти в отношении населения своей страны, терроризм же совершается представителями государственной власти, институтами общества или отдельными людьми в отношении субъектов, прямо не связанных государственно-властными отношениями.

Но террор не всегда является атрибутом только официальной (легальной) власти. Субъектом террора также могут быть структуры, которые, используя насилие, добились властных полномочий, т.е. стали властью нелегитимной;

3. *по объекту, на которого направлены действия.* Террор, как правило, направлен на лиц, объединенных по определенному признаку: национальному, этническому, религиозному. При этом в качестве воздействия на жертв террора используются репрессии либо могут использоваться такие методы, как провокация голода, духовное порабощение. Субъекты же терроризма легитимной властью над жертвами не обладают, объектом действий являются «случайные» или «адресные» люди, не имеющие связи с террористами;

4. *по конечным целям преступного посягательства.* Террор и терроризм, несмотря на использование похожих методов устрашения и насилия, отличаются своей нацеленностью: если терроризм в качестве цели ставит приобретение власти, террор ратует за ее сохранение.

Таким образом, террор и терроризм представляют собой явления разного уровня.

Оправданной представляется научная позиция С.У. Дикаева, который под террором понимает «социально-политическое явление, выраженное в использовании субъектами, обладающими государственно-властными полномочиями, институтов государственной власти для реализации преступной политики, содержанием которой является систематическое применение насилия, экономическое угнетение населения, развязывание войн, преднамеренное уничтожение гражданских объектов, геноцид, этноцид, насильственная депортация, а равно иные действия, совершаемые с целью вселения в население постоянного чувства страха перед властью»[33].

Но если рассматривать взаимное влияние двух феноменов, то они будут соотноситься следующим образом: в случае достижения посредством актов терроризма цели терроризма – власти – он вырождается в террор, с помощью которого может осуществляться дальнейшее преобразование государственного и общественного устройства[34].

Представленная теоретическая концепция соотношения понятий «террор» и «терроризм» не является однозначно понимаемой[35], однако сформировалась в разделяемой нами правовой доктрине[36].

Уяснение исследуемых понятий с представленных позиций дает ориентиры при правовой оценке конкретных ситуаций применения насилия и устрашения, а также при определении круга субъектов предупредительного воздействия.

Несмотря на множество имеющихся работ по проблемам террористической преступности, пока не дано исчерпывающей дефиниции терроризма, так как это явление давно вышло за пределы уголовно-правового понятия, что предопределяет его исключительный вред. Вышеизложенное актуализирует проблему выработки понятия «терроризм».

В правовой доктрине имеются разнообразные подходы к определению терроризма. Большинство авторов в своих исследованиях указывают, что дефиниции «террор» и «терроризм» происходят от латинского «terror», что в переводе означает страх, ужас[37], французское «terreur» и английское «terror» имеют аналогичное значение.

Также многие исследователи в своих работах ссылаются на определения, данные в словарях С.И. Ожегова и В.И. Даля[38]. С.И. Ожегов в Толковом словаре определяет терроризм как политику и практику террора, деятельность террористов, а террор как физическое насилие, вплоть до физического уничтожения и убийства по отношению к политическим противникам, тактику запугивания[39]. В словаре В.И. Даля терроризм рассматривается как «устрашивание, устрашение смертными казнями, убийствами и всеми ужасами неистовства»[40]. Авторы Большого юридического словаря придерживаются позиции С.И. Ожегова[41].

В научной литературе понятие «терроризм» рассматривается в кратком толковании. Так, американские исследователи Б. Дженкинс и У. Лакер независимо друг от друга пришли к похожим простым заключениям. Б. Дженкинс определил, что терроризм представляет собой применение или угрозу применения силы, которая направлена на достижение политических изменений[42].

У. Лакер предположил, что термин «терроризм» противоречив, а попытки выйти за рамки простого определения бесполезны. Терроризм, по мнению исследователя, следует понимать как незаконное использование силы против невинных людей для достижения политических целей[43].

Лаконичные дефиниции не решают проблему выработки определения «терроризм». Рассматриваемое явление настолько сложное и многоликое, что невозможно ограничиться рамками простого понятия. Современный терроризм проявляет себя не просто в устрашении и использовании насилия в политических целях, он представляет собой многогранное явление, укоренившееся в жизни и сознании людей.

В науке понятие «терроризм» формулируется также в широком и узком смыслах. Так, М.П. Требин указывает, что под терроризмом в широком смысле следует понимать «социальное явление, которое основано на использовании или угрозе использования насилия в виде террористического акта с целью на-

растания атмосферы страха и безысходности в обществе во имя достижения целей субъектов террористической деятельности»[44].

Терроризм в узком смысле, по мнению исследователя – это терроризм с политизированным оттенком в виде политических целей и политического насилия[45]

Заслуживающим внимания является подход к определению терроризма немецкого криминалиста А. Пфаль-Трауберга, раскрывающего суть дефиниции через обязательные элементы: политическая цель, использование насилия для устрашения, организованная структура, общественная изоляция субъектов террористической деятельности[46].

Через признаки предложил определять терроризм и С.А. Эфиров, выделив среди них насильственный акт, политическую мотивацию, отсутствие необходимых связей с вооруженной конфронтацией[47].

Известным исследователем терроризма Ю.И. Авдеевым отмечается, что мировая наука выработала два подхода к термину «терроризм»: социальный и биологический. Социальный подход является главенствующим среди подходов к формулированию дефиниций и разъяснению природы терроризма, отводя ведущее значение социальным процессам его возникновения.

Биологический подход раскрывает суть терроризма через насильственную сущность человека, естественное «стремлением людей угрожать интересам других и использовать любые доступные средства для достижения своих целей»[48].

Исследованные подходы к определению терроризма, как и многие иные, существуют в различных областях науки, отличаясь друг от друга формой и содержанием и рассматривая терроризм с какой-либо стороны: исторической, политической, правовой, психологической, социальной и т.д. К.Г. Горбунов относительно явления «терроризм» указывает, что «попытки объяснить его в социальных, политических, психологических или любых других научных понятиях, прежде всего, наталкиваются на гетерогенность феномена»[49].

Терроризм – сложное многогранное явление, поэтому верно, на наш взгляд, рассмотреть его определение как собирательный термин и подойти к выработке при помощи метода обобщающего анализа, который позволит провести декомпозицию существующих суждений о терроризме и определить его составляющие, которые в совокупности образуют понятие «терроризм»[50]:

1. Социально-конфликтная составляющая.

Терроризм, будучи сложным явлением, основан на социальных противоречиях, превращающихся в общественный конфликт.

«Терроризм вырастает на основе значимых противоречий и является ответной реакцией депривированных[51] социальных групп на длительное затягивание решения социально-политических проблем»[52].

Конфликты тесно связаны с терроризмом, являются его основой. При этом не все конфликты перерастают в терроризм, однако любой терроризм вырастает из конфликта.

Конфликт в терроризме может содержать в себе любую форму противоречий: между государством и обществом, отдельными ветвями власти, между

различными общественными группами, сюда же может быть отнесен конфликт между желаниями общества и ограничениями закона, отдельно взятым человеком и общественным устройством и т.д.

Условием превращения обычного конфликта в террористический и применения насилия является наличие у отдельной категории лиц, желающих одержать победу в конфликтной ситуации, определенной идеологии.

В литературе отмечено, что «термин «идеология» следует рассматривать применительно к терроризму более широко, поскольку терроризм сам является идеологией, при помощи которой разрабатываются тактика и методика совершения действий, направленных на насильственное изменение государственного, социально-экономического строя, общей политики государства путем совершения террористических актов»[53].

При этом В.Б. Княжев и М.П. Киреев отмечают, что определение терроризма «как идеологии насилия, связанного с устрашением населения и иными формами противоправных насильственных действий представляется малопонятным, поскольку под это определение попадает понятие идеологии любой формы преступления»[54].

2. Психологическая составляющая.

В.А. Соснин в своем исследовании указывает, что «одним из базовых источников терроризма является психологическое состояние общества»[55]. В условиях отсутствия стабильности у человека срабатывает инстинкт самосохранения, в основе которого лежат неуверенность в личной безопасности и чувство страха, что неизбежно приводит к дестабилизации в обществе. Формирование всеобщего чувства страха и паники является смыслом терроризма и его отличительной чертой, служащей средством достижения конечных политических целей.

3. Нормативно-правовая составляющая.

«В самом общем смысле терроризм – это преступная деятельность, выражающаяся в устрашении населения и органов власти с целью достижения преступных намерений»[56].

Внешнее проявление терроризма выражается в осуществлении насилия. Однако криминализировать насилие в целом невозможно, уголовная ответственность распространяется на различные его проявления: убийство, причинение вреда здоровью, истязания и т.п., либо угрозу применения насилия.

Реализация целей террористов осуществляется в террористических деяниях, представляющих собой «действия конкретных лиц или группы лиц, создающие угрозу жизни и безопасности людей, их здоровью, причинения значительного материального ущерба в целях принуждения органов власти к принятию решений и совершению действий, желательных для террористов, способные вызвать страх и панику среди широких слоев населения»[57].

Террористические деяния являются основанием уголовной ответственности и выражены в преступлениях террористического характера и террористической направленности, схожих друг с другом своим криминологическим характеристикам, но отличающихся от преступлений общеуголовного характера наличием политической цели.

Данное суждение, а также определение преступности, имеющееся в криминологической науке[58], позволяет нам говорить, что совокупность совершенных в определенный период времени террористических преступлений, имеющих количественные (состояние, динамика) и качественные (структура и характер преступности) показатели, именуется террористической преступностью.

В связи с вышеизложенным позиция исследователей, выделяющих «уголовный» терроризм[59], представляется неверной.

Любой терроризм является уголовно наказуемым, и никакого «неуголовного» терроризма не существует.

4. *Политическая составляющая.*

Ряд исследователей в качестве отдельной категории терроризма выделяют политический терроризм[60]. Однако политическая составляющая – неотъемлемая часть любого терроризма, без которой он превращается в обычное общеуголовное противоправное деяние, наряду с кражами, грабежами, нанесением вреда здоровью человека разной степени тяжести и т.д.

Терроризм представляет собой одну из форм[61] или один из наиболее агрессивных методов[62] насильственной политической борьбы. «Терроризм всегда имеет место только в сфере политических отношений вне зависимости от специфики его форм. Существование терроризма вне столкновения политических стремлений по своей природе невозможно. Он всегда направлен на достижение определенных политических целей»[63].

Таким образом, «терроризм по сути своей является исключительно политическим явлением со времен Великой французской революции»[64] и его деление на политический и иной, неполитический, представляется неверным.

При этом мы разделяем мнение, что не следует излишне политизировать термин «терроризм»[65], но необходимо учитывать, что «политическое звучание терроризма очевидно»[66], он применяется как средство при решении политических конфликтов с использованием насилия.

Насилие в политике обладает признаками жестокости, имеет закономерный характер и используется, когда с помощью других форм политической активности достижение целей становится малоэффективным либо невозможным.

Из вышеизложенного следует, что терроризм – политическое явление, наиболее тяжкое и основное преступление которого выражено в совершении террористического акта.

Например, причинение смерти человеку путем взрыва, поджога, стрельбы в местах массового скопления людей, отравления пищи или воды, которыми помимо потерпевшего пользуются иные лица, будет квалифицироваться как убийство, совершенное общеопасным способом[67].

Тем самым на законодательном уровне из понятия терроризма исключены цели, указанные в основных статьях, непосредственно предусматривающих ответственность за террористические деяния.

При этом, по мнению М. Андреева [68] имеется указание не на все цели, для достижения которых могут совершаться террористические акты. Например, «провокация войны, изменение репутации страны в международном обществен-

ном мнении и многие другие цели могут иметь место»[68]. Следует также отметить, что в судебной-следственной практике оговаривается необходимость документального отражения перечня органов власти, на которые виновные лица желали оказать воздействие[69], а исследователями акцентируется внимание на том, что решение должно быть выгодным террористам[70].

Рассмотренные составляющие терроризма – это отдельные элементы, их обобщенный анализ позволяет сформулировать термин «терроризм» как социально-политическое явление, находящееся в рамках уголовно-правового понятия.

Таким образом, на основе рассмотренных выше аспектов можно предложить следующее авторское определение понятия *терроризм* – это социально-политическое криминальное явление, основанное на идеологии и выраженное в создании всеобъемлющей атмосферы страха путем осуществления или угрозы осуществления общественно опасных уголовно наказуемых насильственных деяний, направленных на достижение конечных политических целей: негативного воздействия на деятельность и решения органов власти или международных организаций, мирное сосуществование государств и народов, либо направленные против интересов государства (группы государств).

В ходе проведенного нами социологического исследования большинство опрошенных нами сотрудников правоохранительных органов – 77,5 % – считают, что схожее определение наиболее точно отражает суть современного терроризма[71].

Современный терроризм представляет собой многоликое явление с множеством характеризующих признаков. Некоторые из признаков, такие, как наказуемость, историческая обусловленность, не имеют решающего значения при отграничении терроризма и его проявлений от иных асоциальных уголовно наказуемых явлений.

Другие признаки, например, политическая мотивация, масштабность, насильственная природа, наоборот, оказывают решающее значение при определении направлений профилактической деятельности и разработке соответствующих антитеррористических мероприятий.

Исследуя явление терроризма, необходимо, прежде всего, определить его соотношение с экстремизмом, так как «экстремизм и терроризм, как правило, неразрывно связаны»[72]. В первую очередь следует обратиться к нормативным правовым актам, определяющим эти явления.

Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. терроризмом признает:

а) какое-либо деяние, признаваемое как преступление в одном из договоров, перечисленных в Приложении к... Конвенции, и как оно определено в этом договоре;

б) любое другое деяние, направленное на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, а также нанести значительный ущерб какому-либо материальному объекту, равно как организация, планиро-

вание такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население, нарушить общественную безопасность или заставить органы власти либо международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения»[73].

В Конвенции представлено следующее определение экстремизма – это «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них»[74].

Анализируя название международного документа и содержащиеся в нем определения, следует констатировать наличие как связи между указанными понятиями, так и индивидуальных особенностей, что позволяет рассматривать их как объекты самостоятельного исследования.

В правовой доктрине преобладает позиция, согласно которой терроризм является крайней формой проявления экстремизма.

Так, по мнению Е.В. Галкиной, «крайним проявлением экстремизма считается терроризм»[75], С.В. Максиной – «терроризм – это одно из проявлений экстремизма, наиболее радикальное по своему характеру»[76]. Ю.С. Горбунов полагает, что терроризм представляет собой форму политического экстремизма[77], Ю.М. Антонян – что «терроризм является наиболее опасной формой экстремизма»[78]. Террористические акты рассматриваются также как метод действия экстремистов[79]. В.В. Устинов, говоря о проблемах соотношения экстремизма и терроризма, указывает, что «терроризм по сути является для политического экстремизма способом достижения власти незаконным, насильственным путем со всеми сопутствующими этому последствиями»[80].

По мнению А.И. Долговой, терроризм является одним из специфических видов насилия, используемых в том числе в процессе экстремистской деятельности[81], в то время, как «экстремизм – это мышление, а терроризм – это действие».

Авторы учебного пособия «Основы борьбы с террористической преступностью» указывают, что «терроризм является частью экстремизма, так как из широкого ряда его проявлений (мятеж, создание параллельных структур власти, выдвижение ультиматумов, акции гражданского неповиновения, вооруженное сопротивление конституционным органам и т.д.) выбрал в себя наиболее жесткие методы достижения политических целей, допускающие как физическое устранение государственных, политических, общественных деятелей, так и убийства рядовых граждан, уничтожение различных материальных объектов».

Позиция законодателя и мнения, доминирующие в научной литературе, позволяют рассматривать терроризм как наиболее радикальное проявление экстремизма, один из инструментов достижения его целей.

При взаимном воздействии двух явлений следует согласиться с мнением С. Фридинского о том, что «экстремизм» по своему содержанию значительно

шире понятия «терроризм», поскольку именно с помощью террора экстремистские организации достигают поставленных целей»[82], и рассматривать эти два явления общественной жизни следует как целое (экстремизм) и часть (терроризм).

Большинство опрошенных нами сотрудников МВД Республики Казахстан – 89,6 % – на открытый вопрос «какие факторы, по Вашему мнению, являются причиной распространения и усиления террористической угрозы в настоящее время?» в качестве основного фактора указали на экстремистскую идеологию, повсеместное распространение радикальных идей и взглядов.

Судебно-следственная практика также имеет твердую позицию по данному поводу, что «терроризм является наиболее опасной формой экстремизма, означающего приверженность к крайним взглядам и мерам.

В многонациональных и многоконфессиональных государствах, особую опасность представляют такие его разновидности, как этнический и религиозный экстремизм».

Таким образом, «угроза терроризма будет сохраняться до тех пор, пока существует система воспроизводства его инфраструктуры, основой которой является идеология экстремизма»[83].

Преступления экстремистской направленности, экстремистские мотивы которых входят в основной состав преступления, относятся УК РК к преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства, в то время как основные составы террористических преступлений являются преступлениями против общественной безопасности.

Отсюда следует, что экстремизм (целое) и терроризм (часть) как преступные деяния посягают на разную безопасность: государственную и общественную соответственно, что противоречит логике. Аналогичная позиция высказывалась и в научной литературе.

«Преступления против общественной безопасности – это умышленные или неосторожные общественно опасные деяния, причиняющие существенный вред или создающие реальную угрозу причинения вреда безопасным условиям жизни общества».

Безусловно, совершение деяний терроризма посягает на общественную безопасность, которая подвергается угрозе при непосредственном совершении преступлений, с помощью которых террористы желают добиться своих целей. И как отмечает В.В. Лунеев, «основной тенденцией терроризма на современном этапе является интенсивное повышение его общественной опасности»[84].

В качестве последствий террористических актов для общества в литературе указывается на:

1. большое число человеческих жертв;
2. создание атмосферы страха, тревожности и психологического давления;
3. большие материально-финансовые затраты, связанные с восстановительными мероприятиями;

4. значительные кадровые, финансовые и материально-технические затраты на обезвреживание террористических организаций и предотвращение совершения новых преступлений;

5. появление у людей чувства неизвестности и полной незащищенности, ощущения неизбежности совершения новых акций;

6. дальнейшее финансовое и кадровое укрепление террористических организаций, что осложняет борьбу с ними;

7. снижение авторитета государственной власти в глазах людей[85].

Авторы монографического исследования «Современный терроризм: социально-политический облик противника» общественную безопасность рассматривают как часть общественной психологии, «то есть ощущение состояния защищенности, общественное спокойствие, ощущение своей безопасности и безопасности других, неприкосновенности имущества, уверенности в нормальной работе государственных и общественных институтов... поскольку отсутствие страха, паники, неуверенности является необходимым условием функционирования и развития общества»[86].

Д.А. Бадушева указывает, что общественную безопасность «следует осмысливать через... общественное спокойствие и уверенность в достаточности принимаемых со стороны государства мер по защищенности жизненно важных интересов общества и личности в нем»[87].

А.В. Возжеников и А.А. Прохожев к жизненно важным интересам личности относят: обеспечение конституционных прав и свобод, интеллектуальное и духовное развитие, обеспечение достоинства, жизни и здоровья человека, личную и имущественную безопасность, минимум материальных и экологических условий существования.

Таким образом, нарушение общественной безопасности, выражающееся в дезорганизации общества, аккумуляровании панических страхов в сознании людей и неуверенности в завтрашнем дне, тесно связано с нарушением безопасности конкретной личности в связи с угрозой жизни и здоровью, материальному благополучию, конституционным правам и свободам при совершении террористических актов, психическому состоянию при насаждении идей терроризма и т.д.

В целом «человек (физическое лицо, индивид, личность) выступает исторически и массово первым объектом безопасности»[88].

Жертвы террористических актов в литературе подразделяются на первичных и вторичных жертв[89].

Первичные жертвы – это лица, находящиеся в эпицентре взрыва, выжившие и получившие травмы, а также родственники погибших в связи с моральными и нравственными страданиям.

В судебной практике встречаются случаи обжалования конституционности норм о возмещении вреда лицам, участвующим в борьбе с терроризмом.

Вторичными жертвами являются лица, получившие информацию о трагедии и её последствиях из средств массовой информации, которая может негативно повлиять на психику, вызывая неврозы, патологическую боязнь общественного транспорта и т.д.

Как показали социологические исследования, совершение террористических акций существенно влияет на состояние тревоги граждан относительно собственной безопасности, а также на доверие населения к властям.

Таким образом, достигается одна из целей совершения преступлений террористического характера – наведение страха, ужаса, неуверенности в собственной безопасности среди широких слоев населения.

Таким образом, в связи с совершением террористических актов доверие населения к властям падает, что, во-первых, вызывает необходимость выработки мер эффективного противодействия террористической угрозе и недопущения совершения новых актов терроризма, во-вторых, подрыв доверия к властям подрывает основы государственности.

Неслучайно в специализированной литературе в качестве жертв террористических преступлений, наряду с физическими и юридическими лицами, определенными социальными группами, так как «акты терроризма влекут за собой причинение крупного экономического ущерба, угрожают безопасности государства, дестабилизируют или разрушают основополагающие политические, конституционные, экономические и социальные структуры страны, подрывают веру граждан в свое государство»[90].

На то, что терроризм посягает на государственную безопасность, указывают многие специалисты и исследователи в данной области. Так, Ю.С. Горбунов полагает, что «пытаясь изменить охраняемые правом общественные отношения, субъект антиправительственных террористических посягательств таким образом затрагивает также государственную безопасность: территориальную целостность (к чему стремятся сепаратисты), конституционный строй (на что претендует религиозно-мотивированный терроризм) и т.п.».

А.А. Паненков указывает, что «основная цель террористов – нарушение безопасности, любой ценой отторжения земель и образования нового эфемерного государства «Всемирного исламского халифата», основанного на нормах шариата»[91]. Борьбу с терроризмом как важнейшее направление в обеспечении государственной безопасности определяет и А.А. Григорьев[92].

В судебно-следственной практике встречаются и весьма неординарные указания на категорию безопасности, нарушаемую при совершении террористических преступлений.

Кроме того, терроризм активно используется как инструмент во внешнеполитической деятельности государств: «борьба за зоны влияния и жизненные ресурсы нередко ведется... под предлогом установления демократии и борьбы с терроризмом»[93].

Особо остро давление ощущается со стороны западных государств. Анти-террористическая операция в Украине, деятельность антитеррористической коалиции в Афганистане, в Сирии – небольшой перечень примеров, демонстрирующих нарушение безопасности государства и отдельных субъектов[94]. «Вряд ли кто будет отрицать, что США в Ираке спровоцировали появление незагасающего очага терроризма и гражданской войны... Вторжение армии США было спланировано ради иракской нефти и американского доминирования в регионе»[95].

Экс-министр юстиции США Рамсей Кларк в отношении американской антитеррористической политики указал следующее: «В условиях падения экономических показателей в США война (по возможности крупномасштабная, но без больших людских потерь) становится все более необходимой для пошатнувшейся американской экономики.

И для этого ничего лучше придумать нельзя, чем так называемая борьба с терроризмом»[96].

Отсюда следует, что терроризм помимо внутренних угроз имеет внешние и используется как орудие вмешательства во внутренние дела отдельного государства или группы государств под предлогом благих намерений, что нередко осуществляется также через деятельность международных организаций, т.е. терроризм также нарушает и международную безопасность.

Таким образом, следует констатировать, что терроризм нарушает многообъектную безопасность: личности, общества, государства и международную безопасность.

При этом, по мнению В.С. Комиссарова, сама безопасность как социальная ценность «характеризуется состоянием защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства..., а также поддержанием такого уровня этой защищенности, которая является достаточной для их нормального функционирования»[97].

Кроме того, экстремизм, представители которого используют крайне агрессивные методы и совершают преступления, связанные с нанесением тяжких телесных повреждений и убийствами[98], вряд ли сегодня можно отнести к категории преступлений, нарушающих исключительно государственную безопасность.

Также как и терроризм, экстремистские преступления связаны с нарушением конституционных прав граждан, разложением общественных ценностей, массовым чувством паники и незащищенности, страхом за свою жизнь и здоровье, а также жизнь и здоровье своих близких, т.е. с нарушением общественной безопасности, а вместе с ней и безопасности личности.

В исследовательской литературе указывается на жестокость убийств, совершенных по экстремистским мотивам.

Таким образом, современный терроризм тесно связан с экстремизмом как часть и целое. Анализ научной литературы и судебно-следственной практики позволяет говорить, что оба явления посягают на безопасность личности, общества, государства и международную безопасность.

На основании вышеизложенного, в уголовном правовом пространстве назрела необходимость выделения преступлений экстремистского и террористического характера и направленности в отдельную главу Уголовного кодекса «Экстремистские и террористические преступления», определив ее в новый одноименный раздел кодекса.

Данное нововведение, во-первых, позволит правоприменителям верно определять объект преступного посягательства, во-вторых – структурировать Уголовный кодекс и избежать противоречий, имеющих на сегодняшний день. На территории постсоветского пространства опыт выделения преступлений

терроризма в отдельную главу имеется у Грузии, Уголовный кодекс которой в разделе 11 «Преступления против государства» содержит главу 38 «Терроризм».

1.2. Взаимосвязь и соотношение терроризма и организованной преступности

В научной литературе терроризм и экстремизм, помимо тесной взаимосвязи и увеличения исходящих от них угроз, характеризуются как форма опасной организованной преступной деятельности, имеющей сложную антигосударственную и антисоциальную направленность.

Современная организованная преступная деятельность «состоит не просто из какого-то количества отдельных преступлений. Все деяния совершаются по определенной схеме, тщательно планируются, укладываются в определенную систему»[99].

Одни авторы указывают, что организованная преступность представляет собой наибольшую или повышенную опасность для общества[101].

Другие, что «организованная преступность неуклонно превращается в стратегическую угрозу национальной безопасности»[102], нарушает безопасность общества[103] и политическую безопасность[104].

В настоящее время существует множество исследований, посвященных взаимосвязи терроризма и организованной преступности. В.В. Устинов, определяя характеристику современного террориста, указывает, что это уже не фанатики-революционеры, убийцы-камикадзе и боевики-одиночки. Современные террористы являются представителями мощных группировок с соответствующим финансово-экономическим оснащением[105].

На терроризм как проблему, связанную с организованной преступностью, указывает А.И. Гуров[106].

Также терроризм рассматривается в научной литературе как специфическая составная часть организованной преступности[107], самостоятельная форма организованной преступности[108].

По мнению В.В. Лунеева, в связи с низкой раскрываемостью «сделать обоснованный вывод о количестве терактов и других преступлений террористической направленности, совершенных организованными преступниками, невозможно...»

Хотя очевидно, что реально долю организованного терроризма можно оценить не менее 90 %»[109].

А.И. Гуров, говоря об истоках организованной преступности, подтверждает, что это явление не западное, а порождение нашего общества, вернее, царившей в нем командно-административной системы и ее теневой экономики[110], и выделяет 4 признака организованной преступности: 3 основных и 1 факультативный. Факультативным признаком, по мнению А.И. Гурова, является массовость. Основными признаками называются:

1. «наличие объединений лиц для систематического совершения преступлений. В таких группах наблюдается достаточно выраженная иерархия...»

жесткая дисциплина, основанная на устанавливаемых нормах поведения и дополненная уголовными традициями... Власть в группе концентрируется в руках одного или нескольких лидеров, а количество участников колеблется от 5 до нескольких сотен человек»;

2. «экономический, так как деятельность преступных групп направлена на получение крупных денежных сумм и материальных ценностей». Это стержень организованной преступности;

3. «коррупция, под которой следует понимать систему определенных отношений, основанных на противоправных сделках должностных лиц в ущерб государственным интересам»[111].

Коррупция в качестве основного признака организованной преступности рассматривается и иными исследователями.

Также А.И. Гуров выделяет 6 основных признаков, которые позволяют отграничить преступные организации от иных организованных формирований:

1. наличие материальной базы, что проявляется в создании общих денежных фондов для взаимопомощи и подкупа должностных лиц;

2. коллегиальный орган руководства, при котором управление организацией осуществляется группой лиц, имеющих равное положение;

3. устав в виде неформальных норм поведения, традиций и законов, санкции за их нарушение;

4. функционально-иерархическая система – разделение организации на составные группы, межрегиональные связи, наличие руководящего ядра, телохранителей, держателей касс, связников, контролеров и т.д.;

5. специфическая языково-понятийная система, которая включает жаргон, особенности письменной и устной речи;

6. информационная база – сбор различного рода сведений, разведка и контрразведка»[112].

И.С. Нафиков с криминологических позиций выделяет следующие признаки организованной преступности:

1. устойчивая, продолжительная по времени преступная деятельность, совершаемая на плановой основе;

2. общая корыстная направленность деятельности на получение максимальных доходов;

3. четкое распределение ролей и наличие соответствующих организационно-управленческих структур;

4. наличие определенного общего имущества, денег и материальных ценностей;

5. планомерное подавление различных форм социального контроля путем снижения правоохранительной и правовой активности, увеличения разведывательных функций;

6. конспирация деятельности путем маскировки преступных акций, создания явочных квартир, применения условностей в разговорах и т.д.;

7. внедрение во властные структуры и наличие коррумпированных связей;

8. выработка единых для участников норм поведения и санкции за отступление от них, поддержание строгой дисциплины;
9. активное распространение идеологии и морали преступного мира, формирование общественного мнения;
10. сращивание традиционной общеуголовной и экономической преступности;
11. расширение корпоративных связей между преступными группировками;
12. гибкая система приспособления к меняющимся условиям, тенденция к расширению сфер деятельности, хорошее знание конъюнктуры рынка;
13. способность к саморазвитию и самовоспроизводству»¹¹³.

А.А. Глухова в качестве признаков организованной преступности определяет следующие:

- «1) группа лиц, состоящая из двух и более лиц (включая руководителя), заранее объединившихся для совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений;
- 2) стабильность состава;
- 3) сложная внутренняя структура (наличие подразделений (подгрупп, звеньев и т.п.));
- 4) иерархичность (как минимум – наличие главаря);
- 5) согласованность действий;
- 6) наличие совместной цели – совершение преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды;
- 7) возможно объединение двух или более организованных групп с той же целью;
- 8) взаимодействие различных ее подразделений в целях реализации общих преступных намерений;
- 9) наличие возможной специализации в выполнении конкретных действий при совершении преступления;
- 10) наличие своеобразного «социального страхования» – «общака»;
- 11) осуществление мер по обеспечению безопасности (коррупционирование властных структур, организация внутренней контрразведки);
- 12) поддержание жесткой дисциплины;
- 13) легализация доходов, добытых преступным путем;
- 14) формирование по региональному, национальному или клановому признакам»[114].

Так, В., с целью подготовки совместно с А. террористических актов на территории г. Алматы, в период 2010-2011 гг. в сети Интернет изучал способы изготовления самодельных взрывных устройств на основе органических соединений, приобрел необходимые компоненты и хранил их у себя дома.

В последующем, после определения объекта для террористического акта, планировал изготовить самодельное взрывное устройство

В результате изучения нами уголовных дел обнаружить пример коррупции не представилось возможным, однако, опираясь на множество научных работ, определяющих коррупцию в качестве основного элемента существова-

ния терроризма, позволим сделать вывод, что она является обязательным признаком террористических формирований.

Рассмотренная характеристика незаконных вооруженных формирований террористической направленности Приволжского федерального округа имеет сложную структуру и иерархию, и во многом сходна с признаками классических организованных преступных группировок.

Изначально классическая организованная преступность была формой экономической преступности и зародилась в сфере экономики [115]. Кроме того, «специалисты ООН и большинство теоретиков в целях организованной преступности видят получение сверхприбылей незаконным путем» [116].

Получение доходов и прибыли как основная цель организованной преступности выделяется в научной и правовой доктрине Швейцарии, США, ФРГ, Италии [117].

Получение крупных выгод и обогащение – основная цель классических организованных преступных формирований.

Таким образом, в настоящее время можно говорить о наличии самостоятельной разновидности организованных преступных группировок – *организованных террористических группировках (ОТГ)* и, соответственно, о разновидности организованной преступности – *организованной террористической преступности*.

Террористические группировки отличаются от классической организованной преступности постановкой политической цели, экономические выгоды являются лишь промежуточным этапом деятельности.

Противодействие терроризму тесно связано с осуществлением противодействия организованной преступности. С.И. Иванова указывает, что «нельзя добиться успеха в борьбе с терроризмом и экстремизмом, не ведя активной и успешной борьбы с организованной преступностью...» [118].

1.3 Антитеррористическое законодательство Республики Казахстан и государств – членов ОДКБ: вопросы соотношения, гармонизации и унификации

Для Казахстана, с учетом общих проблем и схожих задач обеспечения безопасности, важнейший приоритет представляет межгосударственное сотрудничество в рамках региональных организаций, созданных на территории постсоветского пространства. Данное сотрудничество обусловлено «взаимозависимостью... национальных интересов в области экономики, обороны, защиты прав граждан, необходимостью противостояния центробежным тенденциям внутри самих... государств, преимуществами консолидированного выступления на международной арене»¹¹⁹. К сожалению, достижение полного единства в определенных сферах обеспечения безопасности всех государств бывшего СССР в силу исторических и географических особенностей, политических и амбициозных сложностей в настоящее время не представляется возможным.

Сходные задачи имеются у государств – членов ОДКБ, в компетенцию которой входит приоритетное направление – обеспечение безопасности. СНГ

стало платформой, на основе которой была создана ОДКБ, объединившая по-настоящему заинтересованные во взаимодействии страны [120].

Изначально ОДКБ создавалась как региональная организация военно-политического сотрудничества [121]. В настоящее время «ОДКБ как единственная на постсоветском пространстве специализированная региональная организация безопасности, не имеющая помимо борьбы с экстремизмом, терроризмом и наркотрафиком других задач (прежде всего, экономических), объективно отвечает сложившейся на современном этапе геополитической ситуации и имеет оптимистичные перспективы развития» [122]. При этом ОДКБ следует расставлять акценты деятельности на противодействии не только международному терроризму, как указано в большинстве правовых документов Организации, а формулировать приоритеты также в противодействии транснациональному терроризму, когда террористическая угроза реальна для нескольких государств – членов либо исходит с территории сопредельных стран.

Сравнительное правоведение – относительно молодое направление юридической науки, имеющее свой специфический предмет и метод. «Предметом сравнения является право...

Объектом исследования могут быть отдельные правовые системы, правовые семьи, отрасли права, отдельные их институты, нормы. В качестве основного метода их изучения выступает сопоставительный (сравнительный) анализ» [123].

Каждое государство-член ОДКБ на территории своей юрисдикции использует национальное антитеррористическое законодательство. В государствах приняты законы о противодействии терроризму и экстремизму, о борьбе с организованной преступностью, о противодействии незаконному обороту наркотических и психотропных средств и веществ и пр., установлена уголовная ответственность за совершение террористических и экстремистских преступлений, за сопутствующие терроризму преступные деяния.

Вне сомнений, на современном этапе государствам-членам ОДКБ удалось достичь определенных положительных результатов в сфере национального противодействия терроризму, однако следует отметить, что законодательство данных государств далеко от совершенства и отличается друг от друга.

«Такое положение настоятельно диктует необходимость... проведения сравнительного анализа антитеррористического законодательства различных государств и поиска путей... к сближению национальных законодательств» [124]. Одни авторы полагают, что условием повышения эффективности противодействия терроризму является унификация законодательства [125], другие – гармонизация [126].

Под унификацией в целом понимают сближение, приведение к единообразию. Применительно к законотворческой деятельности унификацию следует рассматривать как создание не аналогичных или похожих, а единых, идентичных норм. Унификация законодательства, по мнению И.Л. Бачило, – это «принятие законов, которые работали бы синхронно или максимально одинаково» [127]. Она «оказывает значительное влияние на форму и содержание права,

обеспечивает единообразный подход к правовому регулированию сходных процессов общественных отношений»[128].

Л.Л. Кругликов указывает, что «оптимальной можно назвать такую унификацию правового материала, когда уровень, направления, приемы и результаты единообразного регулирования полностью соответствуют потребностям правоприменительной практики, обеспечивают эффективное и согласованное действие всех норм отрасли...»[129].

Полностью унифицировать законодательство различных государств невозможно в силу определенных исторических, политических, социально-экономических, географических, культурных и иных причин и различий. Например, в СССР не существовало единого Уголовного кодекса, а действовали Основы уголовного законодательства, на основе которых, с учетом особенностей государственных образований, разрабатывались уголовные кодексы союзных республик.

Прототипом Основ уголовного законодательства в настоящее время является Модельный уголовный кодекс для государств – участников СНГ [130], являющийся рекомендательным законодательным актом, положения которого могут учитываться при разработке и внесении изменений в национальные кодексы.

В научной доктрине также выделяется понятие гармонизации.

С этимологической точки зрения понятие «гармонизация» происходит от греческого слова «гармония» – «стройная, соразмерная согласованность целого и входящих в него частей»[131].

Исходя из сути данного положения, гармонизация законодательства рассматривается как «процесс обеспечения согласованности правовых актов соразмерности объему полномочий принявших их субъектов, достижения целей, заданных государственными институтами»[132].

Уровень гармонизации законодательства государств – членов ОДКБ относится к региональному международно-правовому уровню и представляет собой значительное его сближение.

Данный вид гармонизации требует «системной проработки общих целей государств, объединенных в те или иные межгосударственные образования, и учета интереса государств в этих объединениях»[133].

Но в рамках сотрудничества государствам «зачастую приходится жертвовать узконациональными интересами ради общего блага»[134].

Если говорить о приемах гармонизации, то они связаны с «выявлением наличности правовой базы каждого государства, проведением сравнительного анализа, выявлением различий и противоречий, пробелов, оценки актуальности и преимуществ законодательства»[135].

При этом следует согласиться с мнением, что «надо активнее преодолевать различия, которые препятствуют сближению и сходному правовому регулированию мероприятий, противостоящих преступности, при этом сохраняя, конечно, национально-самобытное в собственном законодательстве»[136].

«Мировой опыт показывает, что наибольшего успеха в борьбе с терроризмом возможно добиться придерживаясь жесткой линии по отношению к не-

му. Однако эта работа должна проводиться в рамках четко обозначенного правового пространства»[137].

Необходимо понимать, что без гармонизации и унификации указанного правового пространства невозможно добиться серьезных результатов в противодействии террористической угрозе.

В антитеррористической деятельности «унифицированное правовое регулирование является необходимым элементом общего процесса повышения эффективности борьбы с терроризмом»[138].

Гармонизация и унификация законодательства в сфере противодействия терроризму в государствах ОДКБ необходимы еще и для устранения «двойных стандартов» в оценке терроризма, единого документирования террористической деятельности правоохранительными органами, оказания государствами правовой помощи по уголовным делам, что, в свою очередь, позволит сформировать правовую платформу для эффективного противодействия транснациональному терроризму.

Однако следует учитывать, что «цель – добиться согласованности, стройности, как минимум непротиворечивости... в законодательстве даже одного государства – достаточно сложная»[139].

Ст. 10 Устава ОДКБ оговаривает, что государства – члены сосредотачивают усилия на развитии договорно-правовой базы и гармонизации национального законодательства в области обороны, военного строительства и безопасности[140].

Правовая основа ОДКБ предоставляет свобода государствам-членам в определении направлений и глубины процесса гармонизации и сближения национальных законодательств[141].

Координирующим органом ОДКБ в вопросах унификации и гармонизации законодательства является Парламентская ассамблея ОДКБ[142].

Базовые основы антитеррористической деятельности государств ОДКБ закреплены в законах, которые называются по-разному: «О противодействии терроризму» в Республике Казахстан, Кыргызской Республике, Российской Федерации и «О борьбе с терроризмом» в Республике Армения, Беларусь, Таджикистан[143]. Направления антитеррористической деятельности в указанных государствах определяются следующим образом: в Республике Армения, Беларусь и Таджикистан борьба с терроризмом – это деятельность по предупреждению, выявлению, пресечению и минимизации последствий террористической деятельности, в Республике Казахстан, Кыргызской Республике, Российской Федерации понятие противодействия терроризму во многом соотносится с понятием, содержащимся в Модельном законе государств-участников СНГ «О противодействии терроризму»[144], и определяется как деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления, связанная с:

- предупреждением терроризма, в том числе выявлением и последующем устранением причин и условий, способствующих совершению актов терроризма (профилактика терроризма);

- выявлением, предупреждением, пресечением, раскрытием и расследованием актов терроризма (борьба с терроризмом);

– минимизацией и (или) ликвидацией последствий проявлений терроризма.

Следует отметить, что дефиниция «борьба с терроризмом», применяемая в законодательстве Республики Армения, Беларусь и Таджикистан, идентична дефиниции, имевшейся в утратившем силу Законе Республики Казахстан «О борьбе с терроризмом».

Наименование закона «О противодействии терроризму», по мнению Ю.С. Горбунова, обозначили «определенный водораздел, открывающий возможности для преодоления ряда негативных тенденций среди которых автор выделяет: повышение уровня социальной опасности терроризма; невозможность законодательства реагировать на возрастающие угрозы терроризма; толкование терроризма не как социально опасного явления, а как уголовного правонарушения с вытекающим противостоянием оборонительно-ответного характера, а не наступательно-упреждающего [145].

Замена в Республике Казахстан, Кыргызской Республике и Российской Федерации законов «О борьбе с терроризмом» соответствующими законами «О противодействии терроризму» отражает тенденцию перехода от борьбы с отдельными проявлениями терроризма к разработке единой системы противодействия терроризму – более емкого и широкого спектра деятельности, значительную часть которой составляют упреждающие превентивные механизмы.

«Унификация уголовного законодательства и криминологической профилактики в противостоянии транснациональной преступности предполагает четкое законодательное определение понятий и терминов» [146], поэтому одним из центральных мест в унификации антитеррористического законодательства государств – членов ОДКБ является разработка и закрепление в правовых актах единого понятия терроризма.

Анализ правовых актов показывает, что в рамках Организации отсутствует единообразно выработанное и документально закрепленное общепризнанное определение терроризма, а дефиниции терроризма, содержащиеся в национальных законах «О противодействии терроризму» («О борьбе с терроризмом»), хотя и основаны на осуждении любых его проявлений, в ряде случаев являются нечеткими, неоднозначными и противоречивыми.

Как идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения государственными органами, органами местного самоуправления или международными организациями определяют терроризм законодательные акты «О противодействии терроризму» Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Российской Федерации.

Понятие, представленное в законе России, полностью соотносится с понятием, изложенным в Модельном законе СНГ «О противодействии терроризму». Закон Республики Казахстан данное понятие дополняет угрозой совершения насильственных и (или) иных преступных действий, а также совершенно справедливо выделяет цель – причинение ущерба личности, обществу и государству. Законодатели Кыргызстана в качестве способа воздействия на принятие решений указали на насильственные или иные преступные действия, либо

призыв к таким действиям, а в качестве цели дополнительно выделили подрыв конституционного строя государства.

Закон Республики Таджикистан «О борьбе с терроризмом» содержит отдельную ст. 3 «Понятие терроризма» и дает нецелесообразно широкое толкование терроризма, первая часть которого содержит в себе признаки терроризма, а вторая перечисляет составы преступлений, подпадающие под соответствующие статьи УК республики.

Законодатели Республики Армения не включили в Закон «О борьбе с терроризмом» понятие «терроризм», но дали определение террористической акции, террористической деятельности и борьбы с терроризмом.

Проведенный сравнительный анализ дефиниций терроризма указывает на наличие «терминологической разноголосицы», «пагубно сказывающейся на правоприменительной практике» [147]. Терроризм – это, прежде всего, явление, основанное на определенной идеологии, выражающееся в совершении противоправного насилия и имеющее политические цели. Акцент внимания на терроризме как социально-политическом и криминальном явлении необходим с целью обозначения его как объекта криминологического противодействия, так как именно «криминологию можно рассматривать как науку о преступности» [148].

Наиболее правильной представляется позиция законодателей Республики Беларусь. В ст. 3 Закона «О борьбе с терроризмом» терроризм определяется как «социально-политическое криминальное явление».

Совершение конкретных действий в целях терроризма в рассматриваемом законе обозначено как акт терроризма.

Сравнительный анализ иных дефиниций, содержащихся в основных антитеррористических законах государств – членов ОДКБ (см. приложение 18), показывает, что, несмотря на некоторую имеющуюся схожесть, идентичность и гармонизированность как основа данных понятий отсутствует.

Прежде всего, следует отметить тенденцию по разграничению в большинстве законов понятий «терроризм» и «террористический акт» («террористическая акция», «акт терроризма»), что представляется верным, так как терроризм является родовым понятием по отношению к террористическому акту (террористической акции, акту терроризма) и, помимо последнего, может выражаться в иных деяниях, предусмотренных соответствующими статьями уголовных кодексов государств.

Некоторые из закрепленных в законах понятий различаются по формулировке, но схожи по сути.

Это такие дефиниции, как «террорист», «контртеррористическая операция» («антитеррористическая операция»), «зона проведения контртеррористической операции» («зона проведения антитеррористической операции»), «заложник».

Ряд из имеющихся понятий содержится в законодательных актах всех государств: «контртеррористическая операция» («антитеррористическая операция»), «террористический акт» («террористическая акция», «акт терроризма»). Иные понятия содержатся только в законах отдельных государств.

Так, например, в В Законе «О противодействии терроризму» Республики Казахстан имеется, на наш взгляд, значимое определение «идеология насилия». В Законе Российской Федерации содержится определение «антитеррористическая защищенность объекта (территории)», Закон Республики Беларусь закрепляет понятие «гражданин», нормы Закона Кыргызской Республики отдельно оговаривают понятие «поддержка или иное содействие террористической деятельности», содержащее перечень деяний, преследуемых по закону.

Таким образом, налицо несогласованность, неточность и наличие пробелов в понятийном аппарате основных антитеррористических законов государств – членов ОДКБ.

Далеки исследуемые понятия и от применения слова «гармония» по отношению к понятийному перечню, содержащемуся в Модельном законе государств – участников СНГ «О противодействии терроризму».

На практике подобное положение порождает различное толкование производных от терроризма и соотносимых с терроризмом понятий, отрицательно сказываясь на формировании правовых основ совместного противодействия ему. Именно поэтому унификация понятийного перечня и его содержания необходима и целесообразна.

При формировании унифицированного понятийного аппарата государствам-членам следует обратить внимание на закрепление дефиниций международного и транснационального терроризма.

Закон Кыргызской Республики «О противодействии терроризму» содержит определение «международный терроризм», а наряду с Законом Республики Беларусь – понятие «международная террористическая деятельность». В указанных дефинициях смешивается понятие международного терроризма, посягающего на международную безопасность и международный правопорядок в целом, и транснационального терроризма, имеющего целью дестабилизацию общественного порядка на территории нескольких государств.

Представляется целесообразным разграничение данных понятий не только в антитеррористических законах указанных стран, но и в законах всех государств – членов ОДКБ.

Это позволит реализовать идею построения трехуровневой системы противодействия терроризму, состоящей из международной, транснациональной и национальной ступеней, и применения, с учетом специфики, различных механизмов и методов к каждому из уровней.

На основе положений национального антитеррористического законодательства, согласно международным договорам и межведомственным соглашениям, все государства – члены ОДКБ выразили готовность сотрудничать в сфере противодействия терроризму (борьбы с терроризмом) с иностранными государствами, компетентными международными организациями, правоохранительными органами и специальными службами.

Кроме того, Закон Кыргызской Республики «О противодействии терроризму» подробно оговаривает принципы, цели, задачи и формы международного сотрудничества в области противодействия терроризму, регулирует вопросы

выдачи лиц, виновных в совершении преступлений террористического характера.

Закон Республики Казахстан «О противодействии терроризму» предусматривает возможность для государственных органов, осуществляющих противодействие терроризму, в соответствии с ратифицированными международными договорами осуществлять оперативно-розыскные мероприятия на территории как самой республики, так и иностранных государств.

Законы Российской Федерации и Республики Беларусь в рамках международного сотрудничества ограничивают пространство преследования причастных к терроризму лиц только своей территорией.

Более подробно следует остановиться на существующих различиях в организации деятельности по предотвращению конкретных проявлений терроризма, содержащихся в национальных законах «О противодействии терроризму» («О борьбе с терроризмом») государств ОДКБ.

Так, общее руководство борьбой с терроризмом Закон Республики Таджикистан возлагает на Правительство, Республики Беларусь – на Президента и Совет Министров, Республики Казахстан, Республики Армения, Кыргызской Республики и Российской Федерации – на Президента и Правительство.

Субъектами, непосредственно осуществляющими противодействие терроризму, являются органы национальной безопасности совместно с органами исполнительной власти.

В Республике Беларусь, Кыргызской Республике и Республике Таджикистан субъекты подразделяются на непосредственно осуществляющие противодействие терроризму (борьбу с терроризмом) и участвующие в противодействии терроризму (борьбе с терроризмом).

В Российской Федерации и Республике Армения для руководства контртеррористической операцией создается оперативный штаб, руководитель и состав которого определяются Президентом.

Законом Республики Беларусь создание оперативного штаба отнесено к компетенции Комитета государственной безопасности, и в зависимости от преобладания в контртеррористической операции компетенции того или иного органа возглавляет штаб представитель Комитета государственной безопасности или Министерства внутренних дел.

В Кыргызской Республике оперативный штаб создается Антитеррористическим центром Государственного комитета национальной безопасности, руководитель которого назначается Председателем Государственного комитета национальной безопасности.

В Республиках Казахстан и Таджикистан с целью осуществления контртеррористической (антитеррористической) операции также предусмотрено создание оперативных штабов, однако законы указанных государств не оговаривают, к чьей компетенции относится формирование штаба, назначение его руководителя, не устанавливают основания деятельности штабов.

Законодательство всех государств – членов ОДКБ предусматривает возможность привлечения оперативным штабом необходимых сил и средств для проведения контртеррористической (антитеррористической) операции. К уча-

стию в антитеррористической операции, проводимой оперативным штабом Республики Казахстан, могут привлекаться подразделения специального назначения иностранных государств.

Вместе с тем, на наш взгляд, очевидным недостатком антитеррористического законодательства Республики Казахстан является отсутствие определенного на законодательном уровне понятия «международный (транснациональный) терроризм». Тем более, что в других нормативных правовых актах термин «международный терроризм» употребляется. Например, в Концепции внешней политики Республики Казахстан на период с 2014 до 2020 года, утвержденной Указом Президента Республики Казахстан от 21 января 2014 года № 741, в разделе IV говорится, что для Казахстана приоритетное направление имеет развитие сотрудничества в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом совместно с государствами постсоветского пространства.

Под международным (транснациональным) терроризмом предлагается понимать деятельность, направленную на совершение одного или нескольких террористических преступлений на территории двух или более государств либо одного государства, при организации совершения деяния или руководстве его исполнением с территории другого государства, а равно при участии в совершении такой деятельности граждан другого государства.

Данное определение целесообразно закрепить в п/п. 5-1) Закона Республики Казахстан от 13 июля 1999 года «О противодействии терроризму».

Правовые акты Республик Армения, Беларусь, Казахстан, Таджикистан и Кыргызской Республики предоставляют руководителю оперативного штаба право ограничения доступа представителей средств массовой информации в зону проведения операции, ограничения объема информации, доступной для общественности, и установления запрета на распространение определенного перечня информации.

В отличие от остальных государств, Закон Республики Таджикистан не регулирует вопрос ведения переговоров с террористами в период проведения контртеррористической операции и не включает в себя положений, определяющих момент начала и окончания операции.

Возмещение вреда, причиненного в результате террористического акта, в соответствии с Законами Республик Армения и Беларусь, осуществляется из средств государственного бюджета, Республики Таджикистан – из средств государственного бюджета с последующим взысканием с причинителя вреда. Принципиальным отличием Законов Российской Федерации и Кыргызской Республики является возмещение вреда, в том числе морального, за счет средств лица, совершившего террористический акт, а также за счет средств его близких родственников. Исковая давность на требования о возмещении вреда не распространяется.

В Республике Казахстан возмещение вреда происходит в порядке, установленном Правительством, компенсация морального вреда осуществляется за счет лиц, совершивших террористический акт.

В законах всех государств – членов ОДКБ предусмотрены основания социальной и правовой защиты лиц, участвующих в противодействии терроризму

(борьбе с терроризмом), однако размеры компенсаций и перечень льгот определяются различно.

Во всех государствах правомерным признается причинение вреда террористам и их имуществу при пресечении террористического акта.

Контроль за осуществлением деятельности, направленной на противодействие терроризму, в государствах ОДКБ осуществляется по-разному: в Республике Армения в порядке, установленном законодательством, в Республике Казахстан – Президентом, Жогорку Кенеш и Правительством, в Республике Беларусь – Президентом совместно с Советом Министров, в Республике Казахстан – государственным уполномоченным органом по координации деятельности в сфере противодействия терроризму.

Надзор за исполнением законов и их единообразным применением в сфере антитеррористической деятельности в Республике Казахстан, Республике Беларусь и Кыргызской Республике осуществляет Генеральный прокурор.

Законы Российской Федерации и Республики Таджикистан контрольные и надзорные полномочия государственных органов не оговаривают.

Таким образом, наличие в национальных Законах «О противодействии терроризму» («О борьбе с терроризмом») государств – членов ОДКБ различных подходов к нормативному правовому регулированию антитеррористической деятельности.

С целью повышения эффективности деятельности государств в антитеррористической сфере необходимо сосредоточить усилия законодательных органов стран на создании целостной, упорядоченной и гармонизированной правовой базы как эффективной платформы взаимодействия правоохранительных органов, специальных служб, а также органов исполнительной власти.

Особо актуальным данное направление представляется ввиду перспективной возможности ОДКБ осуществлять оперативное руководство антитеррористическими операциями.

1.4 Анализ современных террористических угроз.

В современном мире одной из наиболее опасных угроз безопасности отдельных государств, региональным конгломератам стран и мировому сообществу в целом является терроризм, что подтверждается событиями, происходящими на Ближнем Востоке, активной деятельностью террористических организаций в Сирии, совершением в последнее время резонансных террористических преступлений в Бельгии, Германии, Египте, Ливане, Пакистане, Тунисе, Турции, Франции и других государствах.

По итогам сессии Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности 14 октября 2016 г. главы государств – членов заявили, что «терроризм, располагающий ныне устойчивыми каналами финансирования, возможностями ведения эффективных пропагандистских кампаний, в том числе с использованием социальных сетей и информационно-коммуникационных технологий, структурами рекрутирования и подготовки боевиков, трансформировался в глобальную угрозу международному миру и безопасно-

сти».

Проблему терроризма невозможно решить усилиями одного государства, необходима координация действий разных, в первую очередь, соседних стран. Как уже было отмечено Концепцией внешней политики Казахстана развитие международного сотрудничества на постсоветском пространстве является одним из приоритетных направлений.

Особую роль в вопросах совместного противодействия отводится ОДКБ.

В настоящее время в состав ОДКБ входят 6 государств: республики Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Российская Федерация, для большинства из которых проблема терроризма является актуальной. Наибольшее количество террористических преступлений зарегистрировано в Российской Федерации.

Наблюдаемые процессы, подкрепленные статистическими данными за 2011-2015 гг., позволяют говорить, что озабоченность вызывает также ситуация в республиках Казахстан и Таджикистан, где произошло увеличение числа зарегистрированных преступлений террористического характера и экстремистской направленности.

Не менее напряженная ситуация складывается в Республике Кыргызстан, где остается высоким показатель зарегистрированных преступлений экстремистской направленности, указывающий на нахождение страны в зоне повышенного риска активизации террористических проявлений.

Одним из основных факторов интеграции государств в рамках ОДКБ послужили возрастающие угрозы терроризма на их территории и соответствующее стремление совместными усилиями противостоять данным угрозам.

Общность границ большинства государств ОДКБ, деятельность террористических и экстремистских организаций, одновременно запрещенная на территории нескольких государств - членов, постоянные террористические угрозы, исходящие с территорий Афганистана и Сирии, существующая тенденция перетекания терроризма и сопутствующих ему экстремизма, наркобизнеса, незаконной миграции из государства в государство, идеи построения единого исламского государства на территории центрально-азиатских стран ОДКБ и Российской Федерации, нерешенные религиозные и межэтнические конфликты, социальные проблемы внутри государств свидетельствуют об общих задачах обеспечения безопасности для государств - членов ОДКБ и необходимости налаживания более тесного сотрудничества в противодействии терроризму.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования. Проблемы противодействия терроризму разрабатывали в своих трудах многие ученые и исследователи: Ю.И. Авдеев, В.Ф. Антипенко, Ю.М. Антонян, И.И. Артамонов, Ю.С. Горбунов, С.И. Грачев, С.У. Дикаев, и др.

Уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия терроризму рассматривались в докторских исследованиях С.У. Дикаева, П. Емельянова, М.П. Киреева, А.Б. Мельниченко, и др.

Противодействие терроризму в отдельных государствах постсоветского пространства, в том числе в государствах - членах ОДКБ, в своих диссертациях рассматривали А.С. Базарбаев (2004), С.Т. Абдрахманов (2005), С.Х. Сафаров

(2005), С.С. Веселовский (2007), В.И. Келехсаев (2007) и др.

Стратегия и тактика террористических атак постоянно меняется в ответ на предпринимаемые контрмеры и изменения в геополитическом пространстве и экономике. Эта игра террористов и спецслужб бесконечна, а побеждает в ней тот, кто быстрее овладевает технологиями, в том числе и технологиями прогнозирования.

Технологии.

Усиление мер безопасности вынуждает террористов использовать новые средства для проведения атак.

Яркий пример - изготовление бомб. Использование боевиками динамита, удобрений из нитрата аммония и т.п. вынудило власти вести строгий контроль за их продажей и распространением. Террористы в свою очередь начали использовать другие виды топлива, вплоть до алюминиевого порошка и сахарной пудры.

Борьба с контрабандой бомб на борту самолета вызвала аналогичные изменения. Если в 1960-е годы бомбы были довольно простыми, то сейчас их маскируют среди невинных предметов: от детских кукол и обуви до нижнего белья и портативных компьютеров.

Однако сложность организации взрыва на борту самолета привела к тому, что террористические группировки все чаще стремятся атаковать мягкие цели в самом аэропорту: либо в районах вылета, либо прибытия. Эти теракты создают почти такой же резонанс, как и непосредственное нападение на самолет, но организовать их гораздо легче.

Тактика. В результате усиления мер безопасности боевики вынуждены выбирать качественно другие объекты для нападений - мягкие цели

Многие группировки отказались от попыток атаковать хорошо защищенные структуры и вместо этого сосредоточились на нападении на отели, кафе и туристические объекты. Во многих местах гостиницы в ответ повысили свою безопасность.

Тогда террористы обратились к еще более уязвимым объектам - нападения на ночные клубы, рестораны, торговые центры и школы стали их новой тактикой.

Логистика.

Повышение уровня контроля проездных документов, биометрии и компьютерных баз данных привело к тому, что террористы перешли к концепции бесконтактного сопротивления

Идеологи джихадистов поощряют рядовых боевиков, живущих на Западе, проводить простые атаки с любым оружием, доступным там, где они живут, и не пытаться пройти обучение в тренировочных лагерях на Ближнем Востоке.

В результате уровень их подготовки гораздо ниже, чем у профессиональных террористов.

Поэтому они атакуют мягкие цели, но часто с меньшей точностью и, следовательно, с меньшим успехом.

Коммуникации. Пристальное внимание спецслужб к используемым террористами каналам связи вынудило последних серьезно пересмотреть меры безопасности и усилить шифрование

Многие лидеры Аль-Каиды, скрывающиеся в Пакистане, были отслежены и арестованы благодаря слишком простым методам общения.

Выявление и отслеживание сетей связи джихадистов было настолько успешным, что вынудило Усаму бен Ладена вообще избегать электронных коммуникационных устройств, полагаясь вместо этого на человеческих курьеров как на единственный канал связи с внешним миром.

Использование спецслужбами дронов для разведки и нанесения ударов снова заставило террористов значительно изменить свою деятельность.

Высокопоставленным боевикам пришлось изменить способы коммуникации и передвижения.

Даже рядовые члены должны были обучаться по-новому: иракские силы обнаружили подземную учебную базу во время повторной операции по освобождению Мосула, показывая, насколько изобретательными могут быть террористы, когда дело доходит до защиты их бойцов от обнаружения и нападения.

Финансы и дипломатия.

Дипломатия и финансовые рычаги с успехом применяются и к терроризму.

Например, дипломатическое и экономическое давление на Судан привело к тому, что страна изгнала Усаму бен Ладена и многих из его помощников из «Аль-Каиды» еще в 1996 году.

В 2000-х годах иностранное финансирование джамаатов в Казахстане и России было прекращено благодаря действиям силовиков, реорганизации исламских школ и запрету арабских НКО.

Боевики перешли к самообеспечению через криминал (типична ситуация, когда обычная ОПГ подвергается ваххабизации).

Во многих отношениях финансисты, обслуживающие боевиков, оказались настолько же изобретательными, как и подрывники.

Но, в конечном счете, и планирование террористических атак, и их предотвращение - игра, в которой победы с обеих сторон часто бывают временными из-за быстро меняющейся динамики.

Технологии для руководителей террористических организаций одинаково важны и в борьбе с контртеррористическими силами, и для запуска новых видов атак, к которым цели не будут готовы.

Например, известно множество успешных попыток использовать новые технологии для контрабанды бомб на самолеты.

Многие инновационные конструкции бомб предусматривают разнообразные технологии, включая таймеры «e-cell», барометрические переключатели, цифровые часы и сотовые телефоны. Миниатюрная электроника, инфракрасные лучи и множество других систем помогли еще больше усовершенствовать искусство бомбардировки.

Однако передовые технологии доступны обеим сторонам: магнитометры, сканеры КТ, рентгеновские аппараты с обратным рассеиванием, детекторы сле-

дов взрывчатки и сканеры тела были использованы властями для предотвращения терактов на объектах гражданской авиации.

Другие технологические инструменты, которые могут быть использованы в дооперационном наблюдении, распространении пропаганды и террористических атаках, широко известны.

Например, для джихадистских группировок в Ираке и Сирии таким инструментом стали небольшие и дешевые дроны.

Многое было сделано из-за угрозы использования беспилотных летательных аппаратов для совершения атак, но на сегодняшний день при нанесении ударов исламисты использовали обычные, но модифицированные вручную боеприпасы: 40-миллиметровые гранаты или взрывчатые вещества военного назначения, размещенные на местных складах. «Хезболла» также применяла беспилотники для атак с использованием военных боеприпасов, поставляемых Ираном.

Следовательно, для создания боевых дронов террористам необходимы боеприпасы, которые сложно достать за пределами активных зон военных действий. Поэтому нанесение ударов дронами, созданными в домашних условиях, маловероятно на данный момент.

Интернет дает широчайшие возможности не только рядовым пользователям и спецслужбам, но и террористическими организациями. Поэтому использование этой технологии будет рассмотрено более подробно.

Террористы всегда стремились использовать новые технологии для распространения идеологии и привлечения новых последователей.

Ранние террористы считали, что их нападения являются главной формой пропаганды - то, что они называли «пропагандой делом».

Однако, использование интернета, благодаря наличию огромной аудитории пользователей, дешевизне, слабому контролю и быстрому распространению информации, открыло перед ними массу новых возможностей.

Террористические сайты в большинстве своем не акцентируют внимание на предпринятых насильственных действиях.

Вместо этого, независимо от идеологии и местоположения, большинство сайтов подчеркивает две проблемы: правительственная цензура и тяжелое положение последователей, являющихся политическими заключенными.

Эти проблемы находят мощный отклик среди их сторонников и сочувствующих. В аудитории противника террористы, подчеркивая антидемократический характер предпринимаемых против них действий, пытаются посеять чувство неловкости и стыда.

Используемая риторика:

Насилие – единственный возможный способ сопротивления.

Террористическая организация изображается как постоянно преследуемая: ее лидеры подвергаются попыткам убийства, последователи избиваются, свобода выражения ограничена, последователи арестовываются.

Эта тактика, изображающая организацию маленькой, слабой и преследуемой мощью сильного государства, превращает террористов в слабую сторону.

Враг движения или организации - настоящий левиафан, множество сайтов подчеркивают: «Наше насилие ничтожно по сравнению с его агрессией». Террористическая риторика перекладывает ответственность за насилие на противника, который обвиняется в демонстрации зверства, жестокости и безнравственности.

Демонстрация ненасильственных действий как контраст общепринятому мнению о зверствах.

Многие сайты утверждают, что их группы находятся в поиске мирных решений, что их окончательной целью является дипломатическое урегулирование, достигнутое посредством переговоров и международного давления на репрессивное правительство.

Ни одна среда не способствует такому глобальному распространению и воздействию террористической пропаганды, как сочетание интернета и соц. сетей.

Исламское государство, в частности, превратилось в высококвалифицированного пользователя социальных сетей в невиданных ранее масштабах, что значительно мешает контртеррористическим органам препятствовать распространению идей джихада.

Вербовка в социальной сети «ВКонтакте». Осенью 2014 года интернет-журнал «Apparat» опубликовал сведения о существовании целой вербовочной сети, функционирующей на базе социального сервиса «ВКонтакте».

Осваивать популярную социальную сеть вербовщики Исламского Государства начали после того, как их аккаунты в Twitter и Facebook были заблокированы. Через крупнейшее сообщество под названием «ShamToday», посвященное ИГИЛ, пользователи «ВКонтакте» финансировали деятельность организации.

Непосредственная вербовка в ряды ИГИЛ происходит в социальных сетях, зачастую через мелкие сообщества, насчитывающие, как правило, всего несколько десятков подписчиков.

Именно в таких группах действующие бойцы Исламского государства объясняют потенциальным сторонникам, как через общину в Турции можно попасть напрямую в Сирию.

Анализ аккаунтов лиц, примкнувших к ИГИЛ в результате вербовки в социальных сетях, показывает, что одним из активных направлений вербовки являлся Казахстан. Это в частности подтверждают опубликованные в СМИ материалы спецоперации «Жусан» по выводу и возвращению на родину гарждан Казахстана, ранее завербованных в ряды террористических формирований на территории Сирии.

Следует отметить, что после публикации расследования «Apparat», администрация сети «ВКонтакте» заблокировала все группы и страницы ИГИЛ, содержащие агитационные материалы и призывы к террористической деятельности.

Twitter отличается от всех других медиасервисов наибольшей интерактивностью и скоростью распространения информации. Примечательно, что

муджахиддины, зарегистрированные там, легко идут на контакт, свободно отвечают на вопросы, дают советы.

В целом, их поведение в Twitter отличается особой открытостью и даже своеобразной теплотой: публикация домашних фотографий с детьми, животными и моментами маленьких повседневных радостей вроде поедания шоколада.

Бойцами ИГИЛ даже создан отдельный Twitter-аккаунт, посвященный исключительно публикации фотографий с котятами, называемыми братьями-джахиддинами. Эффект от подобных действий трудно переоценить.

Во-первых, все это еще более отдаляет ИГИЛ от стереотипного образа исламистских дикарей-варваров.

Во-вторых, очевидно, что люди, способные к самоиронии («Исламское государство Котов»), не могут быть сумасшедшими фанатиками, так как чувство юмора традиционно воспринимается как маркер определенного психического благополучия и адекватности.

Главным оружием в сегменте Twitter выступают так называемые «твиттер-бомбы».

Суть данного приема состоит в том, что нужные хештеги выводятся в топ с помощью приложения «The Dawn of Glad Tidings». Так, во время штурма Моссула появилось более сорока тысяч постов, поддерживающих бойцов ИГИЛ, в результате чего в топ Twitter вышли хештеги «# ISIS», «# AMEyesOnISIS», «#Iraqwar».

Тем не менее, одних соцсетей мало - боевики остаются отделены от своих инструкторов временем и расстоянием.

В конце 1800-х годов анархистские газеты приводили статьи с основными инструкциями по изготовлению бомб, предназначенных для вооружения людей и небольших помещений для проведения собственных взрывов.

А уже в конце 80-х годов Аль-Каида издала собственную полноформатную Энциклопедию Джихада. В последние годы Исламское государство распространило множество подробных видеороликов о том, как синтезировать взрывоопасные смеси в домашних условиях, а затем использовать эти самодельные взрывчатые вещества для сборки бомб.

С точки зрения преподавания основ диверсионной деятельности, интернет - идеальная площадка для обучения новобранцев тактике и методам, и ее использование - часть естественного прогресса в истории терроризма.

Развитие технологий видеоконференцсвязи привело к огромному взрыву в интернет-образовании, начиная с кибер-начальных школ и заканчивая онлайн-университетами.

Группы джихадистов вскоре начнут использовать эти же инструменты для создания «онлайн-университета джихада», если уже этого не сделали. Это будет интерактивная учебная среда в так называемом darknet, где опытные террористы смогут встречаться и обучать новобранцев по надежно зашифрованным линиям видеоконференцсвязи.

Современные интернет-поисковики позволяют террористам получать информацию анонимно и без особых затрат. Пособие Аль-Каиды, найденное в

Афганистане в 2003 году, гласит: "Используя общественные источники открыто, без применения незаконных средств можно собрать о враге как минимум 80% требуемой информации".

Боевики, как и многие другие пользователи, имеют доступ не только к картам и схемам потенциальных целей, но и данным мерах, обеспечивающих безопасность этих целей. Один из обнаруженных компьютеров Аль-Каиды сохранил информацию о проектировочных и структурных особенностях дамбы, полученную в сети, и позволяющую их инженерам моделировать последствия атаки.

На этапе выявления готовящихся террористических атак интернет - бесценный инструмент, поскольку позволяет начать масштабное наблюдение еще до времени планирования операции.

И хотя интернет-разведка не заменит физическое дооперационное наблюдение, но может дать спецслужбам часть необходимой информации и поможет сократить процесс.

Смартфоны с функцией аудио- и видеосъемки, а также веб-камеры, которые можно использовать для наблюдения за жильем или офисами потенциальных целей, без необходимости размещать на улице оперативников, значительно сэкономят время и ресурсы.

На протяжении всей истории люди убивали гражданских лиц для достижения политических целей, но уникальная форма насилия, известная как терроризм, неразрывно связана со средствами массовой информации.

На самом деле концепция терроризма возникла только после появления средств массовой информации, когда прогресс в области технологий позволил быстро и широко распространить новости.

Технологические достижения подняли глобальную осведомленность о новостных событиях до невиданного ранее уровня, полностью меняя концепцию освещения новостей.

Рост числа СМИ также привел к большей конкуренции за долю рынка и внимание аудитории. Что в свою очередь способствовало появлению понятия "сенсационности" и в попытках увеличить продажи положило начало желтой журналистики.

Эти драматические изменения в средствах массовой информации не остались незамеченными для радикальных политических идеологов, которые наблюдали за тем, как средства массовой информации смогли усилить влияние их атак. В результате, уже к 1885 году анархист Йоганн Мост сформулировал ключевое для террористической деятельности понятие "пропаганда делом".

Цифровые СМИ и социальные сети.

Интернет и приложения в социальных сетях быстро становятся основными, если не первичными, источниками информации для людей.

Газеты и новостные телепрограммы больше не имеют контроля над информацией, которым они обладали ранее.

Террористические организации быстро адаптировались к этим изменениям.

В обход гейткиперов традиционных СМИ они теперь могут обращаться к населению напрямую - через каналы социальных сетей, веб-сайты и интернет-журналы.

Свободные и нефилтрованные СМИ привели к взрывному росту общедоступной террористической пропаганды.

До эпохи интернета большинство людей никогда не столкнулись бы с пропагандистской брошюрой террористической группы, аудиокассетой или видеозаписью.

Но сегодня террористы могут записывать свои атаки на цифровые камеры, чтобы выложить их в сеть - простой акт, который может быть выполнен кем угодно, где есть интернет-соединение.

Несмотря на обилие форм взаимодействия террористов с медиапространством, наиболее известными широкой общественности остаются шокирующие видеозаписи казней, распространяемые ИГИЛ. Основной особенностью этих записей выступает тот факт, что представленные на них казни являются постановочными действиями с четкой режиссурой и мизансценами.

Съемка с нескольких точек, яркий и артистичный язык тела палача, драматургически правильная речь жертвы, а главное - отсутствие в кадре самого акта казни, заставляют многих сомневаться в подлинности происходящего на экране.

Однако все сугубо эстетические, на первый взгляд, элементы имеют вполне определенный функциональный смысл.

Итак:

Достаточно интересная режиссура и эстетика делают процесс казни приемлемым для восприятия, разрушая до некоторой степени клише о диких нравах исламистов, ведь западный зритель привык видеть террористов исключительно непривлекательными, боролатыми стариками, которые что-то агрессивно кричат в пещерах.

Известная приемлемость визуального ряда обеспечивает «медийность» формата, легкость вхождения и распространения записей не столько в нише маргинальной информационной среды, сколько в широком медиапространстве, ориентированном на массового зрителя.

Отсутствие самого момента убийства - ключевой фактор тиражируемости видео, так как позволяет транслировать записи в новостных передачах, идущих в дневной время, а также не дает оснований для удаления записей с сайтов типа youtube.com.

Добавим, что поначалу в записях присутствовали кадры, запечатлевающие окровавленное тело казненного, однако в дальнейшем деятели ИГИЛ отказались и от этого, создав тем самым парадоксальный феномен жанра «видеоказни». Этот жанр, несмотря на свое содержание, обладает формой, пожалуй, более нейтральной и социально-приемлемой, чем большинство роликов из рубрики криминальных новостей в дневных телевизионных программах.

Документальное кино как способ пропаганды.

Нельзя недооценивать силу воздействия кинематографа. Яркий пример - снятые представителями ИГИЛ документальные фильмы.

Фильмы сняты грамотно, как в плане режиссуры, так и в плане операторской работы, а потому привлекают зрителей подобно голливудским блокбастерам.

Первый из документальных фильмов ИГИЛ - «Звон мечей» воспевает военную мощь Исламского государства, демонстрируя кадры уничтожения военной техники врагов, кровавые расправы с неверными и захват пленных.

Второй фильм - «Пламя войны» во многом продолжает идеи «Звона мечей» но снят настолько качественно, что его вполне можно представить идущим на крупных западных каналах типа «Discovery».

Необходимо отметить, что и в фильмах, и в видеоканнах использована цветовая палитра и светофильтры, типичные для современного американского кино - оранжево-синяя. Такая тонкая подстройка под западную культуру еще более облегчит восприятие медиапродуктов аудиторией врага.

Многоплановость и высокий качественный уровень позиционирования ИГИЛ в медиапространстве обеспечивают эффективность работы по вербовке их сторонников. Непрерывающийся поток добровольцев позволяет с уверенностью заключить, что стратегия самопрезентации избрана верно. На это же указывают и количественные показатели - статистика просмотров видеоматериалов ИГИЛ. Еще одним примечательным фактом, говорящим в пользу медиастратегии ИГИЛ, является тот факт, что на данный момент никто из специалистов в области профайлинга не может составить портрет среднего (типичного) представителя этой организации.

Контент, производимый деятелями ИГИЛ чрезвычайно многообразен и создает практически универсальное смысловое поле: от фотографий с котятками до видео с обгоревшими трупами. В результате ряды сторонников Исламского Государства пополняются людьми самых разных профессий, возрастов и психотипов.

Вывод: Тактика и стратегия терроризма никогда не прекращает меняться: они постоянно развиваются, чтобы реагировать на внешние силы, которые дают возможности или ставят ограничения, или воздействуют на них иным образом. Важно помнить, что ни один из пяти перечисленных факторов (идеология, политика и экономика, контртеррористические меры, технологии и СМИ) не работает изолированно - мир устроен иначе. Все они взаимосвязаны и почти всегда работают вместе (или в перекрестных целях) на изменение динамики терроризма.

Раздел 2. Уголовно – правовые аспекты противодействия терроризму

2.1. Состояние, проблемы и перспективы совершенствования уголовного законодательства Республики Казахстан в вопросах противодействия терроризму.

За последнее десятилетие в Республике Казахстан проведена значительная работа по переработке и укреплению законодательных основ противодействия терроризму. С уверенностью можно констатировать, что действующая система антитеррористического законодательства в целом является достаточно эффективной и отвечает высоким мировым стандартам [1].

Вместе с тем, отдельные правовые нормы, регулирующие общественные отношения в сфере противодействия терроризму, не лишены недостатков. В частности, речь идет о ст. 255 Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее – УК), устанавливающей уголовную ответственность за совершение акта терроризма. Данная уголовно-правовая норма является важнейшим правовым инструментом противодействия терроризму, так как устанавливает прямой запрет и предусматривает меры ответственности за наиболее опасное проявление терроризма – террористический акт. В этой связи к юридическому содержанию ст. 255 УК должны предъявляться высокие качественные требования, в том числе требования соответствия международно-правовым стандартам.

Анализ ст. 255 УК позволил выявить определенные недостатки в содержании нормы, препятствующие ее единообразному и четкому пониманию, что, в свою очередь, повышает вероятность юридических ошибок и в целом не способствует ее эффективному применению на практике.

Прежде всего, необходимо отметить положение п. 2 ч. 3 ст. 255 УК, предусматривающее ответственность за общественно опасные последствия террористического акта в виде причинения по неосторожности смерти человека или иных тяжких последствий.

Основываясь на формальной логике, а также на материалах практики противодействия терроризму в Республики Казахстан и в мире, можно сделать однозначный вывод – при совершении акта терроризма неосторожное отношение к общественно опасным последствиям невозможно.

В практике римского права в подобных случаях употреблялся распространенный термин – nonsense (лат. «нет смысла»), которым отмечались положения писанного права, или явления в правоприменительной практике, не имевшие смысла или сдержавшие непреодолимые противоречия [2, 30].

Так, если смоделировать ситуацию, когда при совершении акта терроризма способом взрыва, поджога или иных опасных действий, наступили последствия в виде смерти человека, уничтожения или повреждения имущества или иных тяжких последствий, предусмотренных п. 4 ст. 3 УК, становится очевидным, что форма вины может выражаться исключительно в виде косвенного умысла. Неосторожная форма вины практически невозможна.

Например, лицо, совершающее взрыв в общественном месте, даже при нежелании причинять смерть или вред здоровью человека (людей), осознает определенную степень вероятности данных последствий. В этом случае психическое отношение лица к деянию и его общественно опасным последствиям характеризуется косвенным умыслом. То есть, лицо осознает общественную опасность своих действий (бездействия), предвидит возможность наступления общественно опасных последствий, не желает, но сознательно допускает наступление этих последствий либо относится к ним безразлично (ч. 3 ст. 20 УК).

Гипотетически, можно предположить, что при совершении рассмотренных действий лицо, в отдельных случаях, может и не предвидеть возможности наступления общественно опасных последствий (смерти человека, причинения вреда здоровью человека, причинения имущественного ущерба и т.д.), либо предвидеть малую вероятность их наступления и самонадеянно рассчитывать на предотвращение последствий. То есть, речь идет о неосторожной форме вины (небрежности и самонадеянности) по отношению к общественно опасным последствиям акта терроризма в п. 2 ч. 3 ст. 255 УК. Например, на первый взгляд такая ситуация возможна когда взрыв совершается в окрестностях малонаселенной территории, в ночное время или при иных обстоятельствах, связанных с незначительными рисками наступления общественно опасных последствий. Как нам представляется, именно такая логика лежит в основе позиции законодателя.

Вместе с тем, слабость (несостоятельность) позиции сторонников неосторожной формы вины в п. 2 ч. 3 ст. 255 УК обусловлена качественной характеристикой общественно опасных действий, отраженной в диспозиции ч. 1 ст. 255 УК: «...совершение взрыва, поджога или иных действий, *создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий*». Соответственно, действия, не создающие опасности причинения данных последствий, хотя и связанные с совершением взрыва, поджога и т.д., не могут рассматриваться в качестве террористического акта (например, взрыв петард или других средств пиротехники, взрыв шумовых гранат специального оперативно-тактического или технического предназначения (за исключением случаев, когда такой взрыв совершается в целях создания массовой давки людей), поджог одиноко стоящих нежилых построек либо поджог костров или чучел сопровождающийся террористическими угрозами и др.).

На основании изложено следует единственный логически обоснованный вывод – психическое отношение лица, совершившего террористический акт, к наступлению общественно опасных последствий, предусмотренных п. 2 ч. 3 ст. 255 УК, может быть только умышленным. Причем, на наш взгляд, умысел может быть только косвенным.

Основной аргумент, подтверждающий наличие именно косвенного умысла в характеристике субъективной стороны деяния, связанного с причинением смерти человеку по п. 2 ч. 3 ст. 255 УК, состоит в том, что рассматриваемые последствия (причинение смерти человеку, значительного имуществ-

венного ущерба или иных тяжких последствий) не охватываются целью самого акта терроризма, предусмотренного ч. 1 ст. 255 УК.

Подытоживая вышесказанное, полагаем, что из текста п. 2 ч. 3 ст. 255 УК следует исключить указание на неосторожное отношение виновного к последствиям, а также исключить последствие в виде причинения смерти человеку, поскольку оно включено в общее понятие «тяжкие последствия», закрепленное в п. 4 ст. 3 УК.

При этом прямо указывать на косвенный умысел в диспозиции п. 2 ч. 3 ст. 255 УК считаем нецелесообразным. Не смотря на то, что прямое указание на косвенный умысел в диспозиции статьи Особенной части УК не содержит юридической ошибки, такой прием при конструировании уголовно-правовых норм в законодательной практике Республики Казахстан не используется (не имеет прецедента). В этой связи, считаем нецелесообразным нарушать устоявшуюся практику. Однако, с целью обеспечения правильного и единообразного понимания субъективной стороны деяния, предусмотренного п. 2 ч. 3 ст. 255 УК, разъяснение положений, связанных с наличием косвенного умысла в характеристике субъективной стороны данного террористического преступления, целесообразно закрепить на уровне нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан [3, 108].

Таким образом, п. 2 ч. 3 ст. 255 УК предлагается изложить в следующей редакции: «2) повлекли тяжкие последствия».

Соответственно, в случае, если в результате взрыва при совершении акта терроризма, насупила смерть человека или смерть нескольких людей, либо причинен значительный имущественный ущерб, содеянное должно квалифицироваться по п. 2 ч. 3 ст. 255 УК. Дополнительной квалификации по ст.ст. 99, 202 УК не требуется.

Другой проблемой, логически вытекающей из вышерассмотренных положений, является противоречивость между содержанием п. 2 ч. 3 ст. 255 УК (в предложенной нами редакции) и содержанием ч. 4 ст. 255 УК.

Так, умышленное причинение смерти человеку в результате террористического акта одновременно подпадает под действие как п. 2 ч. 3, так и ч. 4 ст. 255 УК.

Как было отмечено, причинение смерти человеку в результате акта терроризма, предусмотренного ч. 1 ст. 255 УК, с субъективной стороны может характеризоваться только косвенным умыслом.

В ч. 4 ст. 255 УК речь идет о посягательстве на жизнь человека. В теории уголовного права под посягательством понимается покушение на преступление или соответствующее оконченное преступление [4, 47]. В свою очередь, покушение на преступление с субъективной стороны всегда характеризуется прямым умыслом (ч. 3 ст. 24 УК). Соответственно, становится очевидным логический вывод о том, что и посягательство как самостоятельное уголовно-правовое понятие с субъективной стороны может характеризоваться исключительно прямым умыслом.

Таким образом, решение означенной проблемы, связанной с противоречивостью содержания п. 2 ч. 3 ст. 255 УК (в предложенной нами редакции) и

содержанием ч. 4 ст. 255 УК, на наш взгляд, заключается в прямом указании на форму вины в диспозиции ч. 4 ст. 255 УК.

Так, если в случае совершения акта терроризма посредством взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, лицо не желает причинения смерти человеку (людям) или иных тяжких последствий, но сознательно их допускает либо относится к ним безразлично, то при наступлении таких последствий виновный будет привлекаться к ответственности по п. 2 ч. 3 ст. 255 УК. В ином случае, когда при совершении акта терроризма указанными способами, виновное лицо желает причинить данные последствия (т.е. действует с прямым умыслом по отношению к последствиям), ответственность должна наступать по ч. 4 ст. 255 УК.

Не смотря на то, что с точки зрения юридической грамотности и общепринятых подходов к юридической технике в предложенном нами решении может усматриваться элемент тавтологии (дублирования понятий), в целях исключения фактов неверного, неоднозначного понимания правового смысла рассматриваемой нормы и исключения юридических ошибок в ее практическом применении, реализацию настоящего решения считаем необходимой.

Также следует отметить ряд других конструктивных недостатков ст. 255 УК.

На наш взгляд, в ч.ч. 1, 4 ст. 255 УК недостаточно полно выражены цели акта терроризма.

Цели акта терроризма (или специальные цели терроризма) перечислены в ч.ч. 1, 4 ст. 255 УК, п. 6) ст. 1 Закона Республики Казахстан от 13 июля 1999 года № 416 «О противодействии терроризму» и п. 6 нормативного постановления Верховного Суда. Цели терроризма в указанных нормативных правовых актах закреплены по принципу закрытого перечня (лат. «*numerus clausus*»). Соответственно, совершение действий, входящих в объективную сторону акта терроризма, с какой-либо другой целью не образует состава преступления, предусмотренного ст. 255 УК.

Так, в число целей акта терроризма входят:

- нарушение общественной безопасности;
- устрашение населения;
- оказание воздействия на принятие решений государственными органами Республики Казахстан, иностранным государством или международной организацией;
- провокация войны или осложнение международных отношений.

Вместе с тем, мировая практика терроризма свидетельствует о том, что акт терроризма может быть совершен в иных целях. Наиболее ярким примером тому служат взаимные террористические атаки между мусульманами суннитского и шиитского течений в Афганистане, Ираке, Саудовской Аравии и ряде других исламских государств. Данные террористические акты совершаются в условиях религиозной вражды между суннитскими и шиитскими общинами [5].

Данные преступления в большинстве случаев совершаются с целью демонстративного и жестокого уничтожения как можно большего количества представителей противоположной стороны. При этом более характерным и выраженным признаком субъективной стороны таких террористических актов являются мотивы: религиозная рознь и ненависть. В свою очередь, согласно п. 1) ст. 1 Закона Республики Казахстан от 18 февраля 2005 года № 31 «О противодействии экстремизму» в определении понятия «экстремизм» используется термин «экстремистские цели». Под экстремистскими целями, в частности, предусмотрено разжигание религиозной вражды или розни, в том числе связанной с насилием или призывами к насилию.

Таким образом, очевиден вывод, что совершение акта терроризма по мотивам религиозной ненависти и вражды, в каждом таком случае одной из первоочередных целей преследует разжигание (или усиление) религиозной вражды, связанной с насилием. Иными словами, мотив и цель в данном случае совпадают. Одновременно это свидетельствует о тесном родстве юридической природы экстремистских и террористических преступлений.

Важно отметить, что террористические преступления, зачастую, имеют сложную, множественную структуру цели. То есть целей может быть несколько. При этом на уровне уголовного закона отражаются только лишь юридически значимые цели, подчеркивающие характер и степень общественной опасности деяния.

По вышеприведенному примеру видно, что одной из целей террористических атак, совершаемых на почве религиозной вражды, безусловно, является устрашение и деморализация представителей враждебного религиозного течения. Однако, очевидно и то, что более высокое место в логической структуре формирования цели таких террористических актов занимает стремление к усилению вражды с представителями противоположного религиозного течения и их дальнейшее окончательное подавление.

Отсюда следует вывод, что стремление к разжиганию или усилению религиозной, а также расовой, национальной, родовой, социальной вражды следует рассматривать как самостоятельную цель акта терроризма в содержании ч.ч. 1, 4 ст. 255 УК. Если продолжить анализ экстремистских целей, отраженных в п. 1) ст. 1 Закона о противодействии экстремизму, аналогичный вывод также применим к таким целям, как:

- насильственное изменение конституционного строя, нарушение суверенитета Республики Казахстан, целостности, неприкосновенности и неотчуждаемости ее территории;
- подрыв национальной безопасности и обороноспособности государства;
- насильственный захват власти или насильственное удержание власти.

Так, в практике мирового терроризма одним из показательных с юридической точки зрения примеров террора в целях насильственного изменения конституционного строя, являются акты терроризма, совершенные при попытке военного переворота и насильственного захвата власти в Турции в июле 2016 года [6]. Ключевой целью данных террористических актов являлся именно не-

конституционный захват власти, а не устрашение населения, не нарушение общественной безопасности и т.д.

На наш взгляд, настоящие аргументы дают достаточные основания считать неполным перечень террористических целей по действующему законодательству.

Многочисленные примеры мировой практики противодействия терроризму свидетельствуют о том, что акт терроризма, зачастую, является средством достижения экстремистских целей. В этой связи, с учетом формальной логики, экстремистские цели могут в равной мере распространяться и на террористические преступления, в частности на акт терроризма.

Полагаем, что предлагаемая нами позиция по слиянию террористических и экстремистских целей и, соответственно, снятию жесткого разделительного барьера в понимании терроризма и экстремизма, не содержит противоречий и не повлечет серьезных затруднений в правоприменительной практике.

Так, исследование показало, что понятие «экстремизм» является более широким и охватывает собой понятие «терроризм». Терроризм и совершение актов терроризма – наиболее крайние проявления экстремизма, связанные с применением насилия, устрашением населения или причинением значительного материального ущерба.

Казалось бы, в УК составы террористических и экстремистских преступлений четко разграничены:

- составы террористических преступлений – деяния, предусмотренные статьями 170, 171, 173, 177, 178, 184, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 269 и 270 УК (п. 30 ст. 3 УК);

- составы экстремистских преступлений – деяния, предусмотренные статьями 174, 179, 180, 181, 182, 184, 258, 259, 260, 267, 404 (частями второй и третьей) и 405 УК (п. 39 ст. 3 УК).

Вместе с тем, УК содержит ряд составов, которые одновременно могут признаваться как террористическими, так и экстремистскими:

- диверсия (ст. 184 УК);
- финансирование террористической или экстремистской деятельности и иное пособничество терроризму либо экстремизму (ст. 258 УК);
- вербовка или подготовки либо вооружения лиц в целях организации террористической либо экстремистской деятельности (ст. 259 УК);
- прохождение террористической или экстремистской подготовки (ст. 260 УК).

Данный факт является еще одним аргументом в пользу того, что жесткое разделение понятий терроризм и экстремизм в действующем законодательстве является условным. В этой связи считаем вполне уместным и обоснованным предложение ввести в содержание ч.ч. 1, 4 ст. 255 УК термин «экстремистские цели».

Следует отметить еще один конструктивный недостаток ч.ч. 1, 4 ст. 255 УК, связанный с целями терроризма. На наш взгляд, цель акта терроризма «провокация войны или осложнение международных отношений» выглядит неполной, так как современные тенденции вооруженных боевых действий часто

протекают в виде локальных вооруженных конфликтов, не перерастая в полноценную войну в международно-правовом понимании данного термина.

Вооруженный конфликт отличается от войны [7, 98-99]:

- ограниченностью политических целей противоборствующих сторон;
- выдвиганием на первый план в качестве причинных факторов не коренных, а более частных противоречий между сторонами;
- количественным и качественным ограничением пределов применения военной силы;
- сравнительно небольшими территориальными масштабами противоборства;
- сравнительно меньшей продолжительностью или пульсирующим характером противостояния.

Одним из основных формальных признаков войны является участие в вооруженном конфликте независимых государств [7, 98-99].

В этой связи, цель провокации вооруженного конфликта следует предусмотреть как самостоятельную цель акта терроризма наряду с целью провокации войны.

Таким образом, на основании изложенного, предлагаем внести соответствующие изменения в диспозиции ч.ч. 1, 4 ст. 255 УК и изложить их в следующей редакции:

«1. Акт терроризма, то есть совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения, оказания воздействия на принятие решений государственными органами Республики Казахстан, иностранным государством или международной организацией, провокации войны, *вооруженного конфликта*, осложнения международных отношений *либо в экстремистских целях*, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях –».

«4. *Совершенное с прямым умыслом* посягательство на жизнь человека в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения, оказания воздействия на принятие решений государственными органами Республики Казахстан, иностранным государством или международной организацией, провокации войны, *вооруженного конфликта*, осложнения международных отношений *либо в экстремистских целях*, а равно посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в тех же целях, а также в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности *либо из мести за такую деятельность*, либо посягательство на жизнь человека, сопряженное с нападением на лиц или организации, пользующихся международной защитой, здания, сооружения, захватом заложника, зданий, сооружений, средств сообщения и связи, угоном, а равно с захватом воздушного или водного судна, железнодорожного подвижного состава *либо иного общественного транспорта*».

Уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за террористические преступления, с учетом их высокой социально-правовой значи-

мости, должны в полной мере отвечать международно-правовым стандартам, а также требованиям юридической точности и предсказуемости последствий, как того требует п. 2.8 Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года. В этой связи, предложенные нами корректировки в ст. 255 УК представляются актуальными и своевременными.

В научном обороте используются понятия «террористические преступления»[149], «преступления террористического характера»[150], «преступления террористической направленности»[151], «террористические проявления»[152]. С.У. Дикаев и И.Р. Диваева, например, в своем исследовании выделяют преступления террористического характера и преступления террористической направленности.

Иные авторы, помимо прямых статей, предусматривающих ответственность за формы террористической деятельности, выделяют до четырех десятков статей, диспозиции которых прямо не описывают террористические деяния, но «их совершение облегчает осуществление террористической деятельности или способствует достижению террористических целей»[153]. Это преступления против общественной безопасности, против основ конституционного строя и безопасности государства, против мира и безопасности человечества, против порядка управления и порядка военной службы, против безопасности движения и эксплуатации транспорта, экологические преступления, преступления в сфере компьютерной информации[154].

Все рассмотренные мнения имеют право на существование.

На наш взгляд, с целью обобщения имеющихся суждений, с учетом наличия преступлений и террористического характера, и террористической направленности, и связанных с терроризмом, целесообразно именовать данную категорию «террористические преступления».

Следует учитывать, что в основе всех террористических преступлений лежит сложное многогранное социально-политическое явление – терроризм, поэтому, по нашему мнению, основанием при квалификации конкретного деяния как преступления данной категории необходимо руководствоваться, прежде всего, наличием террористической цели, которую следует понимать как «запланированный и ожидаемый субъектами террористической деятельности результат этой деятельности»[155].

В параграфе 1.1. рассмотрено понятие терроризма, выраженное в совершении уголовно наказуемых деяний в политических целях. Данные цели будут являться террористическими, на основании которых возможно отграничить террористические преступления от иных противоправных деяний.

Изначально захват заложника являлся конкретной формой проявления терроризма, в последующем, под влиянием международно-правовых норм, стал рассматриваться в качестве самостоятельного преступления. «Захват заложника сближает с актом терроризма ситуации, когда он совершается общеопасным способом, а целью захвата выступает воздействие на принятие органами власти решения в пользу преступников».

Захват заложника, в отличие от террористического акта, в качестве цели помимо понуждения государства предусматривает понуждение организации

или гражданина совершить какое-либо действие либо воздержаться от его совершения.

Свидетельствует о формальном отсутствии террористической цели: требования выдвинуты близким родственникам, а не государственным органам, однако совершение данного преступления с целью дальнейшего финансирования терроризма дает возможность отнести рассматриваемый пример к преступлениям террористического характера.

В Уголовном кодексе Грузии в главе 23 «Преступления против прав и свобод человека» содержится статья 144 «Захват в качестве заложника», предусматривающая ответственность за захват лица в качестве заложника с целью понуждения организации или лица совершить либо не совершать то или иное действие как условие освобождения заложника. Помимо указанной статьи в УК Грузии в главе 38 «Терроризм» содержится статья 329 «Захват заложника в террористических целях», т.е. в целях понуждения государственной власти, международной или религиозной организации совершить какое-либо действие либо отказать от его совершения как условие освобождения заложника. Санкции ст. 329 по отношению к ст. 144 являются более строгими [156]. Тем самым законодатели Грузии разграничили совершение общеуголовного захвата заложника от политически мотивированного путем указания на террористическую цель – понуждение к действиям или отказу от них государственных органов, международных или религиозных организаций. В УК Грузии также содержится статья 330 «Захват или блокирование объектов стратегического или особого значения в террористических целях» [157].

Аналогичный подход имеется и в США, где в законе о борьбе с терроризмом и применении смертной казни 1996 г. «законодатель дает относительно широкий перечень ранее криминализированных деяний (более 30), которые могут быть автоматически отнесены к разряду террористических, если они совершены с целью оказания давления на правительство США, в качестве мести ему или для затруднения его нормальной деятельности» [158].

Сущность терроризма проявляется через его классификацию, имеющую важное теоретическое и прикладное значение.

С этимологической точки зрения классификация происходит от французского «classe» – класс и латинского «facio» – делаю [159].

В словаре В. Даля классифицировать – «размещать, распределять, разделять на разряды и порядки» [160]. В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова классифицировать – «распределять по группам, разрядам, классам» [161]. Классифицирование, по мнению Ю.С. Томашевского, «построение родо-видовой понятийной структуры посредством логических операций конкретизации и обобщения». Результатом классифицирования является классификация [162].

Классификация представляет собой способ упорядочения и является элементом распределения совокупности на определенные классы, категории, группы, разряды, в ней «конкретизируются существенные свойства, связи и отношения предметов и явлений».

В то же время классификация обладает целостностью и закономерностями, для нее «важно установить типичные объективные признаки, на основе которых можно группировать классифицируемые объекты, определить их место во множестве классифицируемых объектов».

С практической и теоретической позиций наибольшее значение имеет научная классификация, так как она позволяет группировать явления и предметы в зависимости от различных потребностей познавательной человеческой деятельности, обеспечивая тем самым решение разнообразных теоретических и практических задач.

Одним из видов научной классификации является классификация терроризма – метод структурирования разнообразных его акций по тем или иным видам, на основании чего осуществляется моделирование соответствующей системы противодействия терроризму.

Выделение основных признаков при классификации терроризма «позволяет глубже понять сущность рассматриваемого общественно опасного явления и является важнейшей предпосылкой для создания системы мер противодействия деятельности террористов».

Многоликость и многогранность терроризма порождают различные основания его классификации. Ю.М. Антонян выделяет следующие виды: криминальный, государственный, военный, политический, корыстный, религиозный, «идеалистический», националистический, партизанский терроризм[163].

В.И. Замковой, М.З. Ильчиков классифицируют терроризм на субверсивный и репрессивный, селективный и слепой, революционный и контрреволюционный, физический и духовный, «провокационный», «превентивный», криминальный, военный.

При этом авторы смешивают понятия «терроризм» и «террор»[164]. Также в научной литературе предлагается классифицировать терроризм по восьми основаниям: «главные субъекты (акторы) политического терроризма, объекты, уровень распространения, направленность, идейно-идеологическое обоснование, средства поражения, сферы применения, виды применения»[165].

Некоторыми авторами выделяются весьма специфичные виды терроризма. Так, Клаус Ланге, директор Института транснациональных исследований (Германия), указывает на наличие нового вида – «симбиотического терроризма», предполагающего сотрудничество и слияние террористов, террористических групп, структур и организованной преступности[166].

С.И. Мукашев указывает на существование глобального терроризма, или так называемого супертерроризма, который, в отличие от классического, нацеленного на решение политических вопросов, преследует неограниченные цели¹⁶⁷.

Деяния терроризма, являясь уголовно наказуемыми, содержат в себе объективную и субъективную характеристики, и в зависимости от того, какими субъектами они совершаются и на какие объекты направлены, должны планироваться мероприятия превентивного воздействия.

Поэтому в качестве классификационных рядов терроризма возможно выделить субъект и субъективные признаки, объект и объективные признаки.

Субъектами терроризма могут являться физические лица, группы людей или организации.

По данному основанию терроризм можно структурировать на следующие категории:

- в зависимости от степени организованности субъектов терроризма: групповой и одиночный.

В научной литературе указано, что степень опасности терроризма одиночек ввиду отсутствия финансовой и материальной базы, стратегических целей, кадровых возможностей, стихийности и случайности представляется невысокой.

Более опасным является терроризм групповой, имеющий признаки профессионализации, осуществляемый сплоченными группами в решении конкретных задач.

«Современный терроризм, как правило, совершается организованными преступными вооруженными формированиями, причем не местными, а региональными, межрегиональными и даже транснациональными, международными»[168];

- в зависимости от национальной принадлежности субъектов терроризма: албанский, арабский, армянский, итальянский, китайский, палестинский, русский, сирийский, японский и т.д.

В группе субъективных признаков в зависимости от мотивационной составляющей акции терроризма классифицируются на псевдорелигиозные, националистические, сепаратистские и т.д.

Аналогичным образом структурируется терроризм в зависимости от целей, достижение которых преследуется террористами.

Объекты и предметы посягательств терроризма позволяют классифицировать его по следующим основаниям:

- в зависимости от определенности объекта посягательства: адресный (объект строго определен, характерно для «старого» терроризма) и массовый (слепой, безадресный, характерно для ряда современных акций терроризма);

- в зависимости от нацеленности субъекта на объект террористических актов, включая промежуточные цели: против государства и государственных органов, терроризм против общественных, политических, религиозных объединений и организаций, коммерческих фирм и иных юридических лиц, терроризм против физических лиц (индивидов);

- в зависимости от объектной ориентации: терроризм с «левой» ориентацией, целью которого является приближение некоего светлого будущего, и терроризм с «правой» ориентацией, сетующий за возврат светлого прошлого.

Объективная сторона терроризма позволяет классифицировать его следующим образом:

- в зависимости от средств (орудий), используемых в качестве предмета посягательств на объекты: ядерный, химический, биологический, информационный, бомбовый, ракетный и т.д.;

- в зависимости от обстановки, в которой совершаются акции терроризма: наземный, воздушный, морской, кибертерроризм и т.д.;

- в зависимости от способа воздействия: управляющий, имеющий целью изменение поведенческих действий объекта, эксцитативный, привлекающий внимание к какому-либо объекту, и показательный, демонстрирующий силу террористов либо возникающий как ответная реакция (например, на ведение предварительного расследования в отношении членов террористических организаций);

- в зависимости от методов, используемых террористами: физический (применение непосредственного насилия в отношении индивидов) и психологический терроризм (применение насилия к индивидам путем уничтожения материальных объектов либо применение угроз, шантажа и прочее).

«Всякая классификация – относительна», поэтому приведенные классификационные виды, а также многие другие, носят условный характер. Практически ни один вид терроризма не существует обособлено от других.

Так, найти в чистом виде псевдорелигиозный или кибертерроризм на практике довольно сложно. Но создание классификации терроризма позволяет более эффективно решать задачи, направленные на выработку эффективных мер противодействия.

С правовых позиций наиболее важной и дискуссионной является классификация терроризма по международному признаку.

Многие исследователи в своих работах выделяют международный терроризм. Ю.С. Горбунов, систематизируя виды терроризма, выделяет международный и внутригосударственный терроризм, а в качестве родового ряда классификации – террористическую деятельность против государства, организации или индивида[169].

Профессор Е.Г. Ляхов, изучив многочисленные определения международного терроризма, пришел к выводу, что они значительно отличаются друг от друга, во многих из них происходит смешивание дефиниций «терроризм» и «международный терроризм».

При этом, по мнению ученого, ряд положений, например, о признании особо опасного характера международного терроризма, об отнесении его к категории международных преступлений и др., может учитываться при выработке общепризнанного понятия «международный терроризм»[170].

О.М. Хлобустов полагает, что международный терроризм представляет собой террористическую деятельность, осуществляемую:

- на территории более одного государства или наносящую ущерб интересам более одного государства;

- гражданами одного государства в отношении граждан или на территории другого государства;

- за пределами территории государств, к которым относятся террористы и жертвы террористических атак;

- против субъектов и объектов, пользующихся международной защитой;

- в одном государстве, но подготовка осуществляется в другом;

- на территории одного государства, но террорист скрывается на территории другого государства и встает вопрос о его выдаче[171].

По мнению авторов учебника «Международное уголовное право», «для квалификации содеянного по международному уголовному праву как террористического преступления достаточно установить, что деяние нарушило интересы основ общественной безопасности в двух и более государствах»[172].

М.Ф. Мусаелян указывает, что понятие международного терроризма является собирательным и более широким, чем понятие «террористический акт»: «понятию международного терроризма в УК соответствует не только террористический акт, но и другие преступления, содействующие террористической деятельности, которые, однако, не сформулированы законодателем как международный терроризм».

Таким образом, автор идентифицирует понятия «терроризм» и «международный терроризм».

Также в правовой доктрине международный терроризм (террористический акт) рассматривается как преступление международного характера, «противоречащее требованиям современного международного права насильственные действия физического лица (группы лиц, организации), направленные на подрыв сложившегося международного правопорядка, стабильности международного сотрудничества, на нарушение прав человека и других охраняемых международным правом общечеловеческих ценностей в целях принуждения конкретных политических сил (государства или группы государств) к выполнению определенных политических требований»[173].

М.А. Саркисян в своем диссертационном исследовании указывает, что международный терроризм является международным преступлением, и его следует рассматривать как целостное понятие, «а не исключительно в рамках отдельного преступления со своим собственным составом и в качестве преступления международного характера». Международное преступление терроризма как международное преступное деяние, по мнению автора, «затрагивает интересы всего мирового сообщества в целом».

При этом исследователь делает акцент на необходимости глобального сотрудничества государств в борьбе с данным видом терроризма[174].

Налицо неоднозначный подход в исследовательской литературе к понятию «международный терроризм».

Путаница в дефинициях может возникнуть в связи с наличием в правовой доктрине двух схожих понятий: международное преступление и преступление международного характера.

Международными преступлениями являются наиболее опасные деликты¹⁷⁵, посягающие на международный правопорядок[176] и затрагивающие интересы международного сообщества в целом, возникающие в результате нарушения наиболее существенных норм международного права[177], приводящие в действие преступную политику государства[178], преследуемые исключительно международной юстицией, и, соответственно, имеющие значение для обеспечения безопасности всего мира.

«Борьба с такими преступлениями попадает в сферу компетенции Совета Безопасности ООН, который несет главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности...

Субъектами международных преступлений являются, прежде всего, государства, а также физические лица, выступающие от его имени и лично совершившие такие преступления»[179].

От международных преступлений отличаются преступления международного характера.

Преступления международного характера – это «деяния, предусмотренные международными договорами, не относящиеся к преступлениям против человечества, мира и безопасности, но посягающие на нормальные отношения между государствами, наносящие ущерб мирному сотрудничеству в различных областях отношений (экономической, социально-культурной, имущественной и т.п.), а также организациям и гражданам, наказуемые либо согласно нормам, установленным в международных договорах, либо согласно нормам национального уголовного законодательства в соответствии с этими договорами»[180]. Аналогичного мнения относительно дефиниции «преступление международного характера» придерживаются и иные исследователи[181].

Преступления международного характера «посягают на национальный правопорядок, затрагивают интересы международного сообщества, хотя и не столь существенные.

Иногда эти преступления называют конвенционными, поскольку сотрудничество государств в борьбе с конкретными преступлениями международного характера осуществляется в рамках многосторонних договоров»[182].

Как отмечает И.М. Нурбеков, «представление, что преступление международного характера – это всегда продукт деятельности организованной преступной группы, является неверным»[183].

Так, например, «нельзя исключать возможность подготовки проведения DDoS-атаки одним лицом, однако такое должно обладать высоким уровнем профессиональных знаний в сфере программирования»[184].

«Неверно говорить и о корыстной направленности всей преступности международного характера, например терроризм может не носить корыстной природы»[185].

В связи с изложенными позициями следует констатировать, что международные преступления и преступления международного характера – деяния разного уровня: если первые посягают в целом на международную безопасность, совершаются лицами от имени государства и относятся к юрисдикции Международного уголовного суда, то вторые затрагивают интересы нескольких государств, и лишь косвенно посягают на интересы международного сообщества, совершаются индивидами или группами лиц (организациями) ради достижения личной противоправной цели, осуществление которых не связано с выражением какой-либо государственной деятельности.

Степень опасности первых гораздо выше, чем вторых.

Международный терроризм как международное преступление – наиболее опасный из всех видов терроризма.

«Особую опасность международный терроризм представляет... для международного правопорядка и международных отношений в целом»[186].

В первоначальной редакции Римского статута¹⁸⁷ значился пункт «е» - прочие преступления, т.е. преступные деяния в соответствии с международными договорами (так называемые конвенционные преступления).

В окончательную редакцию данный пункт включен не был, что вызывает определенные сомнения. Многие конвенционные преступления, такие, как международный терроризм и торговля наркотиками, несомненно, находятся в одном ряду с упомянутыми в Статуте преступлениями: геноцида, военными, против человечности.

Некоторые государства, в том числе Республика Казахстан, Российская Федерация, Республика Кыргызстан, Республика Таджикистан, поддержали включение преступления терроризма в Статут.

Мотивами исключения международного терроризма из окончательной редакции Римского статута явились отсутствие единого, универсального определения, а также наличие национального законодательства для преследования террористов. При этом было рекомендовано в будущем выработать приемлемое определение терроризма и включить его в перечень преступлений, относящихся к юрисдикции Международного уголовного суда (далее МУС).

Однако данное предложение было отвергнуто и в ходе первой конференции по обзору Римского статута МУС, прошедшей в 2010 г.¹⁸⁸

В исследовательской литературе существует мнение, что включение преступления терроризма в юрисдикцию МУС может обесценить значимость международного уголовного права и возложить на него функции преследования транснациональной преступности.

Акции терроризма расцениваются исследователями как общеуголовные преступления, считается, что они не являются настолько серьезными, чтобы преследовать их на международном уровне, а само распространение юрисдикции может послужить основанием для конкуренции национальных законодательств и международного уголовного права¹⁸⁹.

Если рассматривать международный терроризм «как преступление против человечности (при обстоятельствах, когда преступное деяние совершается физическим лицом) и... как преступление агрессии (при обстоятельствах, когда в совершении преступного деяния участвуют государства)»¹⁹⁰, то, несомненно, МУС имеет полномочия по расследованию преступлений международного терроризма.

Однако это не решает проблему уголовного преследования и наказуемости в целом акций международного терроризма, так как он не относится ни к одному из перечисленных в Статуте преступлений.

Между тем «Международный уголовный суд как независимый и постоянный орган международной уголовной юстиции... ориентирован на обеспечение принципа неотвратимости наказания по всему параметру международных преступлений, включая и преступление международного терроризма»^[191]. Полагаем, что состав преступления международного терроризма должен дополнить систему преступлений, относящихся к юрисдикции МУС.

С целью исключения дублирования национального и международного права компетенция МУС должна действовать лишь в исключительных случаях,

когда международный терроризм затрагивает интересы всего мирового сообщества или посягает на безопасность подавляющего большинства государств мира.

Терроризм международного характера является отдельным классификационным элементом терроризма и отличается от международного терроризма по степени общественной опасности.

По мнению американского исследователя Е. МакВинней [192], российского автора В.Ю. Федянина [193], наказуемость виновных в совершении преступлений терроризма международного характера должна определяться в соответствии с национальным законодательством и рассматриваться национальными судами. Решающее значение в противодействии имеет активное межгосударственное сотрудничество, строящееся в рамках региональных политико-правовых институтов.

Интересным представляется вопрос соотношения понятий «преступление международного характера» и «транснациональное преступление».

«Понятие транснационального преступления заимствовано из иностранной правовой доктрины и является буквальной языковой калькой с соответствующего англоязычного понятия «transnational crime», что равнозначно преступлению международного характера» [194].

И.И. Лукашук указывает, что транснациональными преступлениями являются «общеуголовные преступления, подпадающие под юрисдикцию двух и более государств. В одних случаях такие преступления совершаются в одном государстве, а последствия проявляются в другом. В других случаях часть преступных действий совершается в одном государстве, а часть – в другом... Эффективная борьба с ними возможна лишь в результате сотрудничества государств.

К транснациональным преступлениям применяется право суда, который их рассматривает» [195].

В настоящее время понятие «транснациональное преступление» не закреплено в законодательстве, однако имеется в международных соглашениях.

В научной литературе указывается, что терроризм относится к числу транснациональных преступлений [196], ряд авторов в своих исследованиях выделяют транснациональный терроризм. С.И. Грачев, рассуждая о международном терроризме, подразделяет его на транснациональный и государственный.

По мнению ученого, «транснациональный терроризм являясь разновидностью международного терроризма, посягает на международный правопорядок, использует применение (или угрозу применения) организованного насилия, направленного на устранение политических, идеологических (идейных), религиозных противников, т.н. «изменников» движения (идеи), на территории целого ряда государств, организуемого и осуществляемого лицами или группами лиц, объединенными в организации, самостоятельно, независимо от каких-либо государств и государственных структур, включая специальные службы» [197].

Г. Дэникер, исследуя виды терроризма, указывает, что:

а) международный – это терроризм, когда смешанные или единые по национальному составу группы террористов осуществляют акты терроризма в любой другой стране;

б) транснациональный терроризм – это противоправные действия граждан одного государства против соотечественников, но находящихся на территории другого государства;

в) внутренний терроризм – действия, осуществляемые гражданами одного государства против граждан того же государства в рамках своей же территории¹⁹⁸.

На официальном сайте АТЦ СНГ содержится следующее определение транснационального терроризма – «это террористическая деятельность, осуществляемая на территории двух и более государств»[199].

На основании вышеизложенного следует констатировать, что международный терроризм и транснациональный терроризм – это явления разного уровня, однако имеются случаи, когда международный и транснациональный терроризм отождествляются[200], но чаще всего транснациональный терроризм не выделяется вовсе.

Данная позиция представляется неверной и приводит к подмене одного понятия другим.

С целью разграничения двух понятий, с точки зрения эффективного противодействия и юридического преследования, террористические преступления международного характера целесообразно именовать транснациональными террористическими преступлениями, а соответствующее явление – транснациональным терроризмом.

Таким образом, с авторских позиций, *международный терроризм* представляет собой вид терроризма, выраженный в осуществлении или угрозе осуществления наиболее опасных насильственных преступных деяний, направленных на достижение конечных политических целей терроризма, затрагивающих интересы международного сообщества в целом, совершаемых лицами, находящимися у власти, либо лицами от имени государства, либо на обширной мировой территории, юрисдикция которых должна определяться Международным уголовным судом либо иным органом, имеющим международно-правовую юрисдикцию.

Транснациональный терроризм представляет собой вид терроризма, выраженный в совершении преступных деяний индивидами и группами индивидов вне деятельности государства, для достижения конечных политических целей терроризма, непосредственно не направленных на подрыв международной стабильности, но наносящих определенный ущерб национальной и региональной безопасности, подготавливаемых, осуществляемых или имеющих последствия на территории нескольких государств, преследуемых в рамках национального законодательства, эффективность реализации которого обусловлена сотрудничеством на межгосударственном уровне.

Внутренний (внутригосударственный) терроризм – вид терроризма, выраженный в подготовке и осуществлении преступлений на территории отдельного государства для достижения политических целей терроризма внутри этого

государства, противоправность и наказуемость которых определяется национальным законодательством страны.

С предложенной авторской классификацией терроризма связан другой значимый вопрос. Многие авторы, производя классификацию терроризма, чаще всего выделяют государственный терроризм[201].

Данный подход требует некоторых уточнений.

Террористическое деяние – это, прежде всего, преступное деяние, ответственность за которое предусмотрена уголовным законодательством разных стран. Субъектом преступления являются физические лица, наказание за его совершение строится по принципу индивидуализации.

Государство же является формой организации политической власти, действующей в общественных интересах, юрисдикция которой распространяется на определенную территорию. Обвинение государства в каких-либо террористических действиях имеет опасность его распространения на всех лиц, проживающих на территории данной страны.

Согласно международному уголовному праву, государства могут нести ответственность, но данная ответственность является не уголовно-правовой, а международно-правовой.

Кроме того, уголовно наказуемым является не терроризм в целом как явление, а конкретные его проявления – акции терроризма.

При осуществлении государственной политики терроризма ответственность будут нести лица, стоящие во главе государства либо совершившие конкретные действия.

Акции терроризма со стороны лиц, стоящих во главе государства, могут быть подразделены на акции, проводимые в отношении собственных граждан и на собственной территории, и акции, осуществляемые в отношении лиц, находящихся на территории иностранных государств.

В первом случае подобные акции являются актами государственного террора, во втором – деяниями международного терроризма.

С этой точки зрения совершенно верно в научной литературе выделяется террор государственный и терроризм международный[202].

В связи с вышеизложенным следует констатировать отсутствие оснований для выделения категории «государственный терроризм».

Корректнее было бы говорить о причастности государства к терроризму, что может выражаться в финансовой и организационной помощи, предоставлении политического убежища террористам, в их подготовке, тренировке и обучении, осуществлении актов терроризма сотрудниками спецслужб и т.д.[203]

2.2. Сравнительный анализ и перспективы унификации уголовного законодательства Республики Казахстан и государств – членов ОДКБ в сфере противодействия терроризму

Терроризм, став острой проблемой современности, требует соответствующих уголовно-правовых мер реагирования. «Уголовное законодательство по-прежнему выполняет важнейшую функцию, определяя признаки преступле-

ний террористического характера и оказывая превентивное воздействие на лиц, вставших на путь подготовки террористических акций»[204].

Важным аспектом в уголовном противодействии является гармонизированное и унифицированное законодательство. На необходимость унификации и гармонизации уголовного законодательства государств – участников СНГ, большинство из которых являются членами ОДКБ, как на средство повышения эффективности борьбы с терроризмом в своих исследованиях указывают многие авторы[205].

Наказуемость деяний, в том числе террористических, на территории государств – членов ОДКБ устанавливается национальными уголовными кодексами²⁰⁶. Основной состав преступления, отражающий суть терроризма, содержится в кодексах всех государств – членов ОДКБ и обозначается следующими нормами: ст. 217 «Терроризм» УК Республики Армения (далее УК РА), ст. 289 «Акт терроризма» УК Республики Беларусь (далее УК РБ), ст. 255 «Акт терроризма» УК Республики Казахстан (далее УК РК), ст. 226 «Акт терроризма» УК Кыргызской Республики (далее УК КырР), ст. 205 «Террористический акт» УК Российской Федерации (далее УК РФ) и ст. 179 «Терроризм» УК Республики Таджикистан (далее УК РТ). Следует обратить внимание, что статьи называются по-разному.

Позиция законодателей Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и России представляется более верной, так как терроризм является многогранным сложным социально-политическим явлением, а действия, предусмотренные ст. 217 УК РА, ст. 289 УК РБ, ст. 233 УК РК, ст. 226 УК КырР, ст. 205 УК РФ и ст. 179 УК РТ, являются лишь одним из возможных его проявлений, наряду с захватом заложника, финансированием террористической деятельности и др.

Ситуация, когда часть носит наименование, идентичное целому, как это представлено в кодексах Республик Армения и Таджикистан, представляется неверной и противоречащей логике. Относительно используемых в кодексах Республик Беларусь, Казахстан, Кыргызской республики и Российской Федерации словосочетаний «акт терроризма» и «террористический акт» следует отметить, что, хотя в некоторых литературных источниках они и толкуются как различные категории[207], на наш взгляд, это не более чем игра слов, а этимология рассматриваемых дефиниций сходна.

Для удобства лексического оборота при анализе указанных выше статей уголовных кодексов мы будем использовать термин «акт терроризма», как это представлено в ст. 177 Модельного уголовного кодекса для государств – участников СНГ (далее МУК СНГ).

Анализ диспозиций норм рассматриваемых статей позволяет говорить, что акт терроризма с объективной стороны с небольшими различиями выражен в совершении взрыва, поджога или иных действий: создающих опасность гибели людей (УК РБ, УК РК, УК КырР, УК РТ); устрашающих население и создающих опасность гибели человека (УК РФ).

Опасность гибели человека как одно из обязательных условий квалификации акта терроризма выделяет МУК СНГ. Данная позиция является более предпочтительной, так как выделение признака объективной стороны в виде

опасности гибели людей означает обязательную опасность гибели двух и более лиц и исключает квалификацию деяния как акт терроризма при наличии опасности для одного человека.

В качестве альтернативных последствий законодатели Республик Казахстан, Таджикистан, Кыргызской Республики выделили причинение значительного имущественного ущерба и наступление иных общественно опасных последствий. Кодекс Республики Беларусь в качестве альтернативных последствий указывает на причинение тяжких телесных повреждений и наступление иных тяжких последствий, кодекс Российской Федерации – на наступление иных тяжких последствий и причинение значительного имущественного ущерба.

Неординарный подход к описанию объективной стороны акта терроризма предприняли законодатели Армении.

В качестве такового признаются действия, направленные на причинение смерти или тяжкого телесного повреждения гражданскому лицу или лицу, активно не участвующему в военных действиях во время вооруженного столкновения, а также любое иное действие, считающееся терроризмом в соответствии с международными договорами Республики Армения, за исключением деяний, предусмотренных ст. 218 «Захват заложника» УК РА.

Таким образом, в кодексе Армении установлен главный признак акта терроризма – его совершение в отношении мирных граждан, а также предпринята попытка охватить нормы международного законодательства.

Объективная сторона акта терроризма в уголовных кодексах государств ОДКБ заключается также в угрозе его совершения (УК РА, УК РК, УК КырР, УК РФ, УК РТ).

Однако законодатель Республики Беларусь выделил угрозу совершения акта терроризма в отдельную ст. 290 «Угроза совершением акта терроризма» УК РБ, представляющую собой преступление менее тяжкое, в то время как акт терроризма является тяжким преступлением.

В правовой доктрине не раз указывалось, что рассматриваемые преступные деяния различаются по степени общественной опасности [208].

На основании изложенного государствам – членам ОДКБ следует более детально рассмотреть вопрос о выделении в уголовных кодексах отдельного состава преступления «Угроза совершением акта терроризма» и отнесение его к категории преступления средней тяжести (менее тяжким).

Мирзоахмедов Ф.А. в диссертационном исследовании предлагает угрозу совершения акта терроризма выделить в ч. 4 ст. 179 УК РТ, отнеся его к категории преступлений средней тяжести, в то время как ч. 1-3 статьи отнесены автором к преступлениям тяжким и особо тяжким [209].

Данная точка зрения имеет право на существование, но, по нашему мнению, наиболее правильно угрозу совершения выделить в отдельную норму, что позволяет определить также квалифицированные составы преступления.

Субъективная сторона акта терроризма выражается в цели его совершения, которая отражена в кодексах государств ОДКБ, в нарушении обществен-

ной безопасности, либо устрашении населения, либо оказании воздействия на принятие решений или воздержания от него:

- органами, обладающими властными полномочиями (УК РТ);
- органами власти или международными организациями (УК Кыргыз);
- органами, обладающими властными полномочиями, международной организацией или иностранным государством (УК РК);
- государственным органом, международной организацией или должностным лицом (УК РА).

В УК Республики Казахстан в качестве альтернативных целей также указывается на провокацию войны либо осложнение международных отношений. Как ряд альтернативных действий рассматривают цель и законодатели Республики Беларусь, выделяя: оказание воздействия на принятие решений властными органами, воспрепятствование политической и иной общественной деятельности, устрашение населения, дестабилизацию общественного порядка.

В научной литературе имеется мнение о необходимости аннулирования в законодательном определении «акт терроризма» указания на взрыв и поджог как не обладающих достаточной идентификационной определенностью, в качестве альтернативы предлагается заменить их словосочетанием «действие или бездействие, устрашающее население»[210].

По аналогии, указание на затопление в УК Республики Беларусь и стрельбу из огнестрельного оружия в УК Республики Таджикистан обладают тем же статусом неопределенности с идентичными последствиями. Так, законодатели Республики Армения в 2014 г. изменили формулировку ч. 1 ст. 127 УК, указав в качестве идентифицирующего признака акта терроризма на действие в целом, без конкретизации содержания в виде взрыва, поджога или иных действий[211].

Следует согласиться с мнением В.М. Лебедева, что указание на взрыв и поджог позволяет понимать иные действия как «общественно опасные действия, которые могут вызвать такие же последствия, как при взрыве или поджоге (например, провоцирование обвала горных пород, затопление объектов жизнеобеспечения путем разрушения ирригационных сооружений, плотин, шлюзов, отравление источников водоснабжения, запасов продовольствия, захват объектов атомной энергетики, школ, больниц, театров, блокирование транспортных коммуникаций, средств связи, распространение радиоактивных, отравляющих веществ, эпидемий, эпизоотий и т.д.)»[212], что указывает на масштабность и значительность действий.

Законодательство изучаемых государств, помимо Республики Беларусь, единообразно подошло к решению вопроса относительно субъекта акта терроризма. Им может быть вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности.

Однако возраст ответственности в Кодексах определен по-разному: лицо подлежит ответственности с 14 лет согласно Кодексам Республик Казахстан, Таджикистан, Кыргызской Республики и Российской Федерации, с 16 лет по УК Республик Беларусь и Армения.

«Необходимость установления в законе минимального возраста уголовной ответственности обусловлена, прежде всего, тем, что это обстоятельство неразрывно связано со способностью лица осознавать значение своих действий и руководить ими»[213]. Иными словами, «возраст является... свидетельством того, что лицо достигло либо не достигло такого уровня своего развития, при котором может осознанно отдавать отчет своим действиям или руководить ими»²¹⁴.

Полагаем, что позиция законодателей Республик Казахстан, Таджикистан, Кыргызской Республики и Российской Федерации более верная, так как с учетом осведомленности населения относительно террористической угрозы и повышенной степени общественной опасности, лицо в возрасте 14 лет может понимать сущность своих действий и осознавать опасность их последствий[215]. Исключения составляют лица, находящиеся в состоянии психовозрастной несубъектности[216].

Анализ санкций за основной состав преступления позволяет говорить, что государства – члены ОДКБ относят его к категории тяжких (УК РА, УК РК, УК РТ) и особо тяжких (УК РБ, УК Кыргыз, УК РФ), сконструировав санкции за основной состав только в виде лишения свободы, в некоторых случаях с конфискацией имущества (УК РА, УК РК, УК Кыргыз) или без таковой (УК Кыргыз).

Конструирование признаков квалифицированных и особо квалифицированных составов преступления «Акт терроризма» имеет в государствах – членах ОДКБ разнообразные подходы. Квалифицирующими признаками являются:

- совершение деяния группой лиц по предварительному сговору (УК РА, УК РБ, УК Кыргыз, УК РФ, УК РТ) или организованной группой (УК РФ);
- с применением оружия или его предметов, взрывчатых веществ или взрывных устройств (УК РК), ядовитых, отравляющих, радиоактивных веществ или ядерного, химического, биологического или других видов оружия массового поражения (УК Кыргыз);
- повторно или неоднократно[217] (УК РБ, УК РК, УК РТ);
- лицом, ранее совершавшим преступления террористического характера (УК РБ);
- сопряженные с причинением тяжких телесных повреждений (УК РБ);
- на стратегических объектах (УК Кыргыз);
- повлекшие по неосторожности смерть человека (УК РФ);
- повлекшие причинение значительного имущественного ущерба или наступление иных тяжких последствий (УК РФ).

Особо квалифицирующими признаками состава «Акт терроризма» являются деяния, предусмотренные частями 1 или 2 соответствующих статей уголовных кодексов государств – членов ОДКБ, если они:

- совершены организованной группой (УК РА, УК РБ, УК Кыргыз, УК РТ);
- соединенные с применением оружия массового поражения или массового уничтожения (включая токсические, химические, биологические, ядерные, атомные, радиоактивные вещества и материалы) (УК РФ) или иных действий, способных вызвать массовые человеческие жертвы (УК РБ, УК РТ), а также с угрозой применения указанных материалов и веществ (УК РК);

- повлекшие по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия (УК РА, УК РК, УК Кыргыз, УК РТ);
- сопряженные с убийством человека (УК РБ) или умышленным причинением смерти человеку (УК РФ);
- совершены при особо опасном рецидиве (УК РТ);
- посягательство на жизнь человека, в том числе сопряженное с нападением на лиц, организации, пользующиеся международной защитой, угоном воздушного, водного, железнодорожного транспорта либо посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенные в террористических целях (УК РК).

Таким образом, законодатели государств по-разному подошли к определению степени опасности идентичных деяний и границ их наказуемости.

Особо следует отметить криминализацию в уголовных кодексах государств – членов ОДКБ, помимо Республики Армения, деяний терроризма, сопряженных с использованием особо опасных материалов. Так, Кодексы устанавливают повышенную ответственность за акт терроризма, сопряженный с:

- применением объектов использования атомной энергии либо с использованием радиоактивных веществ или ядерных материалов, сильнодействующих, токсичных химических или биологических веществ (УК РБ);
- применением или угрозой применения оружия массового поражения, радиоактивных материалов и совершением или угрозой совершения массовых отравлений, распространения эпидемий или эпизоотий, а равно иных действий, способных повлечь массовую гибель людей (УК РК);
- применением ядовитых, отравляющих, радиоактивных веществ или ядерного, химического, биологического и других видов оружия массового поражения; на стратегических объектах (УК Кыргыз);
- использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ (УК РФ);
- угрозой применения оружия массового поражения, радиоактивных материалов и совершения иных действий, способных повлечь массовую гибель людей (УК РТ).

До изменений, внесенных 21 июня 2014 г., УК Республики Армения криминализировал совершение акта терроризма, соединенного с угрозой применения оружия массового поражения или радиоактивных веществ либо совершения иных действий, способных повлечь массовые человеческие жертвы²¹⁸.

Как указано в научной литературе, криминализация использования или угрозы использования оружия массового поражения необходима и целесообразна [219]. Однако опасность представляет не только использование указанных предметов и материалов в террористических актах, но и террористические посягательства на объекты, где непосредственно производятся, хранятся, перерабатываются, используются или по которым (с помощью которых) транспортируются ядерные, химические, биологические, бактериологические, токсические и другие материалы, представляющие собой повышенную опасность и способные вызвать гибель людей, экологическую катастрофу или общественное бед-

стве. Между тем только в п. «а» ч. 3 ст. 205 УК РФ установлена уголовная ответственность за террористические посягательства на объекты использования атомной энергии, что не охватывает всю массу объектов, связанных с производством повышенной опасности или серьезного экологического риска[220]. УК Кыргызской Республики криминализует акт терроризма на стратегических объектах, не оговаривая при этом, относятся ли к ним объекты производства ядерных материалов, радиоактивных веществ, источников радиоактивного излучения и т.д.

С целью повышения эффективности противодействия терроризму, верной квалификации деяний с учетом степени их опасности для личности, общества и государства, представляется целесообразным дополнить статьи «Акт терроризма» («Террористический акт», «Терроризм») государств – членов ОДКБ соответствующими пунктами следующего содержания: «сопряженные с посягательством на объекты производства, хранения, использования и транспортировки ядерных, химических, биологических, атомных и иных материалов и веществ повышенной опасности, способных вызвать гибель людей, экологическую катастрофу или общественное бедствие».

Что касается санкций за квалифицированный и особо квалифицированный составы статей «Акт терроризма» («Террористический акт», «Терроризм»), то степень наказуемости первого ниже, чем второго. При этом, за исключением квалифицированного состава Республики Казахстан, все рассмотренные составы относятся к особо тяжким преступлениям. Особо следует отметить, что уголовные кодексы некоторых государств в качестве санкции допускают наиболее строгие меры ответственности: пожизненное лишение свободы (УК Кыргыз, УК РФ), смертную казнь (УК РТ), либо пожизненное лишение свободы или смертную казнь (УК РБ, УК РКаз). Данное обстоятельство указывает на отнесение акта терроризма к опасным видам преступлений с наиболее строгими мерами ответственности.

Анализируемые статьи «Акт терроризма» государств – членов ОДКБ содержат примечание об освобождении лица, участвовавшего в подготовке акта терроризма, от уголовной ответственности, если оно способствовало предотвращению осуществления акта терроризма. УК Республик Армения, Казахстан, Таджикистан, Кыргызской Республики и Российской Федерации, в отличие от Кодекса Республики Беларусь, оговаривают дополнительное условие освобождения от уголовной ответственности: если в действиях лица не содержится иного состава преступления[221].

Большинство уголовных кодексов государств – членов ОДКБ рассматривают освобождение от уголовной ответственности за подготовку к акту терроризма как разновидность освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, заключающемся в явке с повинной, способствовании раскрытию и расследованию преступления, возмещению причиненного ущерба и заглаживанию вреда. В связи с изложенным становится понятна логика авторов МУК СНГ, который содержит более широкий перечень оснований освобождения от уголовной ответственности за акт терроризма, и помимо уведомления органов власти о своих деяниях по подготовке к акту терроризма, лицо должно

активно способствовать раскрытию преступления, возместить ущерб или иными способами загладить причиненный вред.

«Освободить от уголовной ответственности можно только в том случае, если имеется основание для применения уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ)»[222], а само «освобождение от уголовной ответственности не меняет юридической природы содеянного. Оно так и остается преступлением»[223]. На наш взгляд, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, возмещение причиненного ущерба и заглаживание вреда являются эффективными средствами восстановления социальной справедливости при прекращении действий по подготовке к террористическому акту. Однако данная проблема требует отдельного более глубокого изучения.

Что касается сроков давности привлечения к ответственности за акт терроризма, то в уголовных кодексах всех государств – членов ОДКБ предусмотрена также возможность освобождения от уголовной ответственности за преступление в связи с истечением сроков давности. Но только законодательным актом Республики Казахстан, по аналогии с нормой МУК, сроки давности не применяются к террористическим преступлениям. Согласно нормативным актам Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Российской Федерации сроки давности не применяются к большинству преступлений, являющихся террористическими. Согласно Кодексам остальных государств – членов, сроки давности не применяются за совершение преступлений против мира и безопасности человечества (УК РТ, УК РБ), а также: военные преступления (УК РБ) или в отношении лиц, совершивших преступления международно-договорного характера, к которым договорами сроки давности не применяются (УК РА). Также законодатель оставил на усмотрение суда применение сроков давности к преступлению, наказуемому пожизненным лишением свободы (УК РА, УК КырР) или смертной казнью (УК РТ).

Позиция Республики Казахстан, Российской Федерации, Кыргызской Республики и разработчиков Модельного уголовного кодекса СНГ представляется более верной по следующим основаниям.

Ст. 29 Римского статута устанавливает, что сроки давности не применяются к преступлениям, отнесенным к юрисдикции МУС, т.е. преступлениям, затрагивающим интересы всего мирового сообщества. Акты терроризма к юрисдикции МУС в настоящее время не отнесены. Однако исследователями совершенно верно указывается, что «терроризм... является одним из наиболее опасных преступлений. В международной классификации он составляет тяжкое преступление против человечества»[224].

В законодательстве государств – членов ОДКБ преступление, предусмотренное статьей «Акт терроризма», относится к преступлениям против общественной безопасности либо общественного порядка, а не против человечества. Ответ, по нашему мнению, следует искать в периоде, когда разрабатывались уголовные кодексы, и угроза совершения актов терроризма воспринималась именно как угроза нарушения общественной безопасности. В последние годы явление терроризма приобрело глобальные транснациональные и международные масштабы, все более угрожая спокойствию и безопасности уже не отдель-

ного государства, а ряда государств и человечества в целом. В данных условиях, в целях защиты интересов личности, общества, государства и мирового сообщества, целесообразно сроки давности к преступлениям террористического характера не применять. Актуальность данного положения возрастает в связи с решением вопросов выдачи виновных лиц для наказания.

Раздел 3. Криминологические проблемы противодействия терроризму

3.1. Криминологический анализ современных террористических угроз

Актуальность проблемы терроризма с каждым годом увеличивается. По данным исследования, проведенного в 44 странах мира с участием 40 тыс. респондентов в августе-сентябре 2017 г., 19 % населения Земли беспокоила проблема терроризма, которая находилась во главе списка среди таких мировых проблем, как глобальное потепление, нехватка воды и продовольствия, глобальный экономический кризис, гражданские войны в арабских странах и распространение ядерного оружия.

При этом в 2017 г. 44 % опрошенных в мире опрошенных высказались за то, что в течение 3-х лет проблема террористических актов усилится [225]. Выводы мировой общественности в настоящее время подтвердились.

В Республике Казахстан за период 2004-2018 гг. зарегистрированы 1677 преступлений. Наибольшее количество преступлений террористического характера зарегистрировано в республике в 2005 г., в 2006-2010 гг. наблюдается снижение рассматриваемого показателя, в 2011 г. – увеличение в 2 раза, с последующим снижением в 2012-2013 гг. и увеличением в 2014-2015 гг. до 79 и 193 преступлений соответственно.

В Казахстане за период 2004-2015 гг. выявлены 659 лиц, совершивших преступления террористического характера, при этом в 2015 г. произошел прирост данных преступлений на 62,2 %.

Динамика зарегистрированных преступлений экстремистской направленности в Республике Казахстан также выглядит неоднозначно: периодические спады и увеличения. С 2012 г. происходит постоянный рост количества экстремистских преступлений. И если в 2012 г. зарегистрировано 77 преступлений, то в 2015 г. уже 142. Всего в республике в 2005-2015 гг. выявлены 257 лиц, совершивших преступления экстремистской направленности, 50 из них – в 2015 г.

На основании изложенного следует констатировать, что для Республики Казахстан проблема распространения террористических угроз является актуальной. С учетом причин: географических – близость к Северному Кавказу и иным террористически беспокойным государствам Центральной Азии, культурно-религиозных – начавшийся после распада Советского Союза процесс «исламского возрождения», связанный, в том числе, с наличием радикальных и фундаменталистских течений [226], и экономических – безработица и расслоение населения, – масштаб данных угроз, скорее всего, в последующие годы будет только возрастать. На прогнозируемое возрастание угрозы распространения терроризма в Казахстане в обозримом будущем указывается и в иных исследованиях [227].

На сегодняшний день в структуре детерминант (причин и условий) терроризма в Республике Казахстан и в Центральноазиатском регионе в целом, существенную роль играет фактор транснациональной террористической активности. Прежде всего, речь идет о деятельности активных международных

террористических организаций. Это деятельность террористических организаций «Исламское государство» и «Джабхат-ан-Нусра», куда были завербованы «сотни молодых людей из Таджикистана ... и Киргизии и более 1 тыс. из Казахстана», вступающих целыми отрядами[228]. Возращение данных лиц на родину послужит еще одним фактором дестабилизации обстановки, хотя, по мнению отдельных экспертов, пока «Исламское государство» не представляет явной опасности для государств Центральной Азии[229].

В этом смысле вполне справедливо в научной литературе подчеркивается направление деятельности ОДКБ – противодействие вызовам, угрозам и рискам, прежде всего, в центрально-азиатском регионе компетенции Организации[230].

На наш взгляд, следует согласиться с мнением С. Агапова: «Преступность – продукт общества, следствие объективно существующих в нем противоречий, задача ее полной ликвидации, окончательного искоренения ее причин и условий является нереалистичной»[231]. Это высказывание в полной мере относится и к террористической преступности, то есть терроризму в целом.

Преступность «следует лишь удерживать в определенных рамках, не давая ей захлестнуть общество... в этом и заключается задача борьбы с преступностью»[232]. В науке подобный подход именуется также «управлением преступностью»[233].

Применительно к удерживанию преступности в определенных рамках в науке используется несколько терминов: «борьба с преступностью»[234], «предупреждение преступности»[235], «противодействие преступности»[236] и т.д. Чаще всего указанные понятия используются как синонимы, однако единства мнений по данному поводу нет. Некоторые авторы аргументированно полагают, что, например термины «борьба» и «противодействие» не являются тождественными[237].

В исследовательской литературе указано, что термин «противодействие» включает в себя «и предупреждение преступности, и борьбу с преступностью, и профилактику преступности, и выявление, и пресечение, а также раскрытие и расследование преступлений»[238].

Следует согласиться с мнением, что «наиболее адекватным термином для обозначения полного комплекса средств воздействия на терроризм является словосочетание «противодействие терроризму», которое представлено в виде системы мер социальной профилактики, компенсаторно-восстановительных мер, мер ответственности и мер безопасности»[239].

Основным направлением, по мнению Ю.М. Антоняна, является профилактика преступлений[240], выражающаяся в совокупности специальных мер, «направленных на минимизацию криминогенных факторов, выявление лиц, склонных к совершению преступлений, а также причин и условий возникновения и распространения отдельных видов (форм) преступной деятельности»[241].

Также, в зависимости от характера и масштаба принимаемых мер, Ю.М. Базарбаев различает следующие виды мер профилактики:

1. общесоциальные меры, включающие решения, которые не направлены на непосредственное предупреждение преступности, но в силу своей значимости влияют на нее. Это решения в области экономики, социального обеспечения, образования, политики и т.д.;
2. общеспециальные меры, направленные на непосредственную борьбу с преступностью, не имея в виду конкретных адресатов. Это принятие новых и совершенствование существующих уголовно-правовых норм, реформирование пенитенциарной системы и т.д.;
3. индивидуальные меры, адресованные конкретным лицам, в первую очередь, в силу условий жизни и вредного влияния, склонных совершать преступления[242].

Тесная взаимосвязь терроризма и экстремизма обуславливает единые общесоциальные меры их профилактики. При этом Ю.М. Антонян указывает, что «своевременная борьба с экстремистскими проявлениями представляет собой важную антитеррористическую профилактическую меру»[243]. Аналогичного мнения придерживается и В.В. Лунеев[244]. 48 % опрошенных сотрудников правоохранительных органов в качестве эффективной меры противодействия терроризму указали на противодействие экстремизму.

Криминологическим детерминантом обоих рассматриваемых явлений служат неразрешенные конфликты, в том числе межнационального характера. Анализ тенденций распространения очагов терроризма и экстремизма указывает, что все они находятся в районах повышенной межнациональной и межэтнической конфликтности, определенной столкновениями на политической, экономической, а чаще на религиозной почве. «Религия по-прежнему остается силой, представленной в межэтнических и межнациональных конфликтах в качестве основного компонента, во многом предопределяющей остроту их проявлений»[245].

Насильственное разрешение конфликтов ведет к тупиковому пути развития. На общесоциальном уровне необходима разработка системы ненасильственного предотвращения и предупреждения конфликтов[246] путем просвещения граждан «в духе уважения и терпимости к иным социокультурным, этническим, национальным и религиозным традициям и особенностям разных народов»[247], «главное направление системы предупреждения превращения личности в преступника-террориста – это формирование в общественном сознании установок на неприятие экстремистских взглядов»[248].

Стратегическую основу профилактики конфликтов должно составлять воспитание гражданского самосознания в патриотическом направлении[249].

На необходимость патриотического воспитания молодых людей в качестве эффективной меры противодействия терроризму и экстремизму указали 55 % компетентных сотрудников правоохранительных органов.

Помимо нравственного воспитания важно учитывать социальную составляющую в противодействии терроризму. Безработица и бедность как основные угрозы социальной стабильности общества являются весомыми факторами развития терроризма.

Одни исследователи в качестве основной причины терроризма указывают на мировой экономический кризис и говорят о прямой связи между ростом безработицы и повышением количества совершенных террористических актов[250]. Другие авторы ставят под сомнение существование прямой зависимости между терроризмом, бедностью и безработицей, признавая при этом, что «проблема терроризма действительно остро ощущается в странах с высоким уровнем бедности и безработицы»[251].

Данные судебной практики также подтверждают наличие связи между безработицей, бедностью и терроризмом.

По результатам изученных иных уголовных дел, из 58 лиц, осужденных за преступления террористического характера, 60,3 % являлись безработными. Кроме того, 48,3 % осужденных имели среднее или неполное среднее образование, 31 % – среднее специальное образование и только 22,4 % были лицами с высшим или неоконченным высшим образованием.

Таким образом, неразрешенность материальных проблем населения продолжает оставаться значимым фактором в развитии терроризма. Решение проблемы представляется в улучшении социально-экономического климата, повышении количества и качества предоставленных рабочих мест, в особенности для молодежи. Также государству следует обратить внимание на досуговую занятость молодых людей, повысить финансирование молодежных программ развития культуры и спорта, увеличить количество предоставляемых бюджетных мест в высших и средних специальных учебных заведениях лицам из семей со сложной жизненной ситуацией либо неблагоприятным влиянием. Возможно формирование отдельных групп в учебных заведениях из указанных лиц, требующих более активной работы и повышенного внимания.

Что касается общеспециальных мер, то традиционно полагается, что наиболее простой и действенный способ противодействия терроризму – ужесточение уголовной ответственности.

Около трети опрошенных сотрудников компетентных правоохранительных органов в качестве эффективной меры противодействия указали на ужесточение мер уголовной ответственности, вплоть до введения смертной.

Мнение законодателей совпадает с мнением граждан и сотрудников правоохранительных органов.

В последнее время наметилась тенденция ужесточения уголовной ответственности за террористические и экстремистские преступления: отменены сроки давности по отношению к террористическим преступлениям, и экстремистской направленности, усилена ответственность за незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, исключены из рассмотрения суда присяжных заседателей уголовные дела по преступлениям террористического характера, установлены новые обеспечительные меры, связанные с конфискацией имущества и т.д.

Безусловно, «только неотвратимость наказания удерживает сегодня многих от совершения преступления»[252], это является универсальным принципом государственной политики по отношению к терроризму[253].

Но наличие только факта принятия уголовно-правовой нормы не дает возможности влиять на состояние и тенденции преступности, необходимы также средства ее эффективной реализации.

В качестве подобных эффективных средств может рассматриваться деятельность правоохранительных органов, установление их взаимодействия с населением.

Данные социологических исследований свидетельствуют о существующем недоверии населения к правоохранительной деятельности.

По данным социологического исследования, проведенного в ходе диссертационной работы, 45 % опрошенных сотрудников МВД указали, что граждане, проживающие на подведомственной территории, редко сообщают либо вообще не сообщают о своих подозрениях о готовящихся террористических актах, подозрительных гражданах – потенциальных террористах, подозрительных предметах т.д..

Таким образом, необходимо решить первостепенные задачи повышения доверия населения к правоохранительным органам, а также активизации взаимодействия между ними.

Роль участкового уполномоченного полиции в предупреждении и пресечении преступлений террористического характера и экстремистской направленности значительна, круг полномочий и должностных обязанностей в данной деятельности довольно широк[254].

В настоящее время выявлен еще один важный аспект деятельности участковых уполномоченных полиции в сфере противодействия терроризму.

В ходе изучения нами уголовно-следственной практики установлено, что большинство встреч лидеров и участников незаконных формирований экстремистской и террористической направленности под видом спортивных занятий, религиозного просвещения и религиозных обрядов проходят на съемных квартирах и в частных домов, по месту жительства лидеров и членов незаконных формирований.

В июле 2016 г. миссионерская деятельность религиозных организаций запрещена в жилых помещениях. Работа участковых уполномоченных полиции по выявлению мест сбора членов террористических и экстремистских формирований, проведения агитационных бесед крайне важна в предупреждении терроризма.

Одной из эффективных профилактических мер, относящихся к компетенции участковых уполномоченных полиции, является проведение бесед с гражданами. Однако 39 % опрошенных нами участковых уполномоченных указали, что беседы с гражданами, в ходе которых разъясняют и обсуждают вопросы противодействия терроризму, проводят крайне редко, 29 % вообще подобные беседы не проводят.

Из тех сотрудников, которые проводят беседы на указанную тематику, более половины опрошенных не смогли указать темы бесед.

Возможной причиной низкой активности работы участковых уполномоченных полиции в рассматриваемом направлении является личная неосведомленность в вопросах терроризма. Из 52 опрошенных участковых уполномочен-

ных 8 % оценили свой уровень знаний и подготовки по вопросам противодействия терроризму как высокий, 42 % – как удовлетворительный, 44 % – как низкий, 6 % – затруднились ответить.

При этом 60 % опрошенных не смогли дать определение термину «терроризм» и только 40 % указали в анкете собственное определение. Среди ответов встречались такие, как: «терроризм – это плохо», «терроризм – это лица, которые совершают терроризм», «терроризм – это смерть мирных граждан». На вопрос «какие признаки современного терроризма Вам известны?» 75 % опрошенных указали, что подобные признаки им не известны, и только 25 % указали на различные признаки терроризма, как правило, на насильственный характер, устрашение населения, уголовную наказуемость, использование потенциала средств массовой информации и т.д.

Низкий уровень подготовки участковых уполномоченных полиции в вопросах противодействия терроризму в большей степени является следствием отсутствия обучения. 31 % опрошенных участковых уполномоченных полиции указали, что занятия по теоретическим и практическим вопросам противодействия терроризму в их служебной деятельности не проводятся, 44 % – проводятся, но крайне редко, 15 % указали, что занятия проводятся, но нерегулярно, 10 % указали на регулярность проведения занятий. Из тех сотрудников, которые указали, что занятия на работе с ними проводятся, подавляющее большинство – 89 % – не смогли указать тематику 3-4 последних проведенных занятий, 11 % указали тематику одного занятия. Относительно контроля уровня знаний подавляющее большинство респондентов – 83 % – ответили, что подобный контроль не проводится.

Таким образом, необходимо более активное проведение обучения с участковыми уполномоченными полиции по вопросам профилактики терроризма, а также ведение контроля полученных знаний. 62 % опрошенных участковых уполномоченных высказались о необходимости дополнительных занятий по теоретическим и практическим вопросам противодействия терроризму, 17 % – об отсутствии такой необходимости, 21 % – затруднились ответить.

Среди желаемых тем для изучения анкетированные указали на такие, как общие вопросы терроризма, законодательные новеллы и освещение событий, методики распознавания террористов, психология террориста и т.д.

В научной литературе указывается, что «эффективность индивидуальной профилактики в значительной степени обуславливается мероприятиями общесоциального и специально-криминологического характера, однако идеологическое, духовное здоровье нации складывается из позитивных проявлений каждой конкретной личности»[255].

А так как любая личность, за некоторыми исключениями, формируется в семье, в качестве индивидуальных мер противодействия терроризму, в первую очередь, необходима работа с институтом семьи. Семья – «это первый коллектив, в котором человек учится считаться с другими, соизмеряя свои потребности с возможностями.

Роль семьи может быть положительной или отрицательной, она не является устойчивой и неизменной на протяжении всей жизни человека»[256]. Не-

обходимо выявление неблагополучных семей, дезадаптированных детей и подростков, склонных к совершению противоправных деяний, и оказание им своевременной помощи.

В научной литературе также указывается на возможность создания информационного банка о лицах, виктимных к вовлечению в террористическую деятельность[257].

3.2. Взаимодействие правоохранительных органов государств – членов ОДКБ в сфере противодействия терроризму

Противодействие терроризму и экстремизму является общей задачей личности, общества, государства и международного сообщества. Главнейшую роль при разработке и реализации криминологических и уголовно-правовых аспектов противодействия играют правоохранительные органы. «Деятельность правоохранительных органов является важнейшей составной частью всей системы уголовно-политического воздействия на преступность»[258].

Несмотря на обыденность применения понятия «правоохранительные органы», оно относится к ряду спорных научно-теоретических категорий.

В большинстве случаев к правоохранительным органам относятся суды, прокуратура, Министерство внутренних дел, служба безопасности, Совет безопасности, Служба внешней разведки, а также ряд негосударственных органов: адвокатура, третейский суд, нотариат, особые физические лица и т.д.[259] Однако, по мнению ряда исследователей, например, адвокатура[260] и нотариат[261] не являются правоохранительными органами. Также в научной литературе присутствует мнение, что правоохранительными являются только государственные органы[262].

Следует согласиться с мнением, что «критерием определения того или иного органа как правоохранительного является... возложенная на конкретный орган, независимо от его статуса, законом задача защиты прав и законных интересов граждан и организаций... и осуществляемая этим органом соответствующая правоохранительная функция»[263].

Речь следует вести «о такой деятельности, которую эти органы осуществляют на профессиональной основе, как основную форму своей деятельности» [264].

Исходя из вышеизложенного определения, *правоохранительные органы в сфере противодействия терроризму* – это специально уполномоченные государством или международной организацией органы, выполняющие возложенные на них национальным законодательством, двусторонними либо многосторонними соглашениями функции противодействия терроризму.

Взаимодействие правоохранительных органов в антитеррористической деятельности имеет первостепенное значение.

Взаимодействие как философская категория отражает процессы «воздействия различных объектов друг на друга, их взаимную обусловленность, изменение состояния, взаимопереход, а также порождение одним объектом другого»[265].

Не вызывает сомнений и эффективность совместной внутригосударственной деятельности правоохранительных органов во время проведения специальных антитеррористических операций²⁶⁶ или оперативных разработок²⁶⁷.

В настоящее время влияние террористических преступных формирований вышло за пределы национальных границ отдельных государств, акции терроризма готовятся и осуществляются на территории нескольких стран. Как следствие возрастает потребность в укреплении взаимодействия правоохранительных органов как на национальном, так и на межгосударственном и международном уровнях.

Необходимость взаимодействия компетентных правоохранительных органов и силовых структур государств постсоветского пространства продиктована объективной необходимостью.

По мнению Н.А. Силаевой, эффективное противодействие преступлениям, посягающим на политическую систему, внутри одного государства не гарантирует безопасность населения, если на территории соседних государств политические преступники имеют возможность укрыться, избежать уголовной ответственности и наказания²⁶⁸.

При определении взаимодействия правоохранительных органов государств особое внимание следует обратить на ОДКБ, так как данная организация определяется экспертами как «перспективное действующее лицо» в контексте развития механизмов безопасности^[269].

В целях борьбы с терроризмом и экстремизмом в ОДКБ созданы контингенты вооруженных сил и формирований специального назначения, механизм реального функционирования которых отлаживается в ходе регулярно проводимых совместных комплексных учений.

На основании решения Совета коллективной безопасности ОДКБ в 2001 г.^[270] созданы Коллективные силы быстрого развертывания (КСБР), основным назначением которых является борьба с террористическими и экстремистскими проявлениями в Центрально-азиатском регионе, в том числе проведение совместных контртеррористических операций.

Отработка механизмов функционирования и взаимодействия контингентов КСБР проводится в ходе ежегодных комплексных оперативно-тактических учений «Рубеж», нацеленных на обучение многонационального состава сил слаженной работе при ведении совместных операций.

Главным элементом ОДКБ, осуществляющим непосредственную силовую борьбу с терроризмом, являются Коллективные силы оперативного реагирования (далее КСОП), решение о создании которых принято 4 февраля 2009 г.^[271]. КСОП представляет собой универсальный силовой потенциал Организации, способный проводить совместные специальные операции по укреплению безопасности государств ОДКБ на фоне существующих и потенциальных угроз: террористических атак, насильственных экстремистских проявлений, каналов наркотрафика, чрезвычайных ситуаций и т.д. «Сформированные Коллективные силы оперативного реагирования ОДКБ становятся важным фактором безопасности в зоне ответственности ОДКБ, в том числе сдерживания экстре-

мистских и террористических устремлений по периметру внешних границ государств – членом Организации»[272].

Структурно КСОР состоит из двух частей: подразделений вооруженных сил и подразделений сил специального назначения.

В последние входят представители органов чрезвычайного реагирования, органов безопасности и спецслужб, специальные антитеррористические подразделения органов внутренних дел (полиции) и Федеральной службы войск национальной гвардии: СОБР, ОМОН, спецназ государств – членом ОДКБ.

Впервые контингент КСОР был задействован при проведении учений в октябре 2009 г. в Казахстане, в ходе которых отрабатывались действия при блокировании бандгрупп, захвативших химкомбинат, и освобождении заложников. В активной фазе учений принимали участие сотрудники спецподразделений МВД России и Казахстана.

Совершенствование практических навыков войск и подразделений, входящих в состав КСОР, в поиске и уничтожении террористов осуществляется в рамках учений «Кобальт», проходящих с 2010 г. В 2013 г. учения проведены по тематике: «Применение сил и средств правоохранительных органов в составе КСОР ОДКБ по разоружению и ликвидации незаконных вооруженных формирований, пресечению деятельности террористических групп».

Также с 2010 г. войска и подразделения спецназначения КСОР ОДКБ принимают участие в ежегодном учении «Взаимодействие».

Основная тематика учений – локализация вооруженного конфликта в одном из государств – членом, в том числе связанного с терроризмом.

С 2012 г. с участием сотрудников и военнослужащих подразделений антинаркотических служб и ведомств, внутренних войск и органов внутренних дел (полиции), входящих в состав КСОР ОДКБ, проводятся масштабные учения «Гром» по отработке совместных действий при подготовке операции по пресечению деятельности преступных групп, перекрытию каналов контрабандных поставок наркотических средств и психотропных веществ на территории одного из государств – членом ОДКБ.

Помимо прямых угроз, для государств ОДКБ особые террористические опасности содержат в себе плечущие конфликты[273]. Для урегулирования конфликтов и снижения напряженности в 2011 г. сформированы Коллективные миротворческие силы (далее КМС) ОДКБ, состоящие из специально подготовленных военных специалистов, сотрудников органов внутренних дел (полиции) и гражданского персонала государств – членом ОДКБ. С 2012 г. с участием войск и полицейских контингентов КМС проводятся учения «Нерушимое братство». В 2015 г. учения проведены на территории Армении, в 2016 г. – Беларуси.

Взаимодействие войсковых формирований и правоохранительных органов государств – членом ОДКБ реализуется также в ходе проводимых совместных операций по борьбе с сопутствующими терроризму явлениями: с целью противодействия распространению наркотических средств и психотропных веществ проводится операция «Канал», для пресечения каналов нелегальной миграции и торговли людьми предназначена операция «Нелегал», на борьбу с не-

законным оборотом оружия, взрывчатых и отравляющих веществ нацелена операция «Арсенал», борьба с преступностью в сфере высоких технологий осуществляется в ходе операции «Прокси».

Таким образом, в ОДКБ созданы механизмы успешного взаимодействия приданных правоохранительных органов в противодействии терроризму, реализация которых происходит, как правило, путем проведения совместных антитеррористических учений и операций. Однако в рамках ОДКБ отсутствуют значимые механизмы взаимодействия национальных правоохранительных органов государств – членов при осуществлении повседневной антитеррористической и антиэкстремистской деятельности.

69 % опрошенных нами сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих противодействие экстремизму и терроризму, указали на отсутствие как такового взаимодействия между правоохранительными органами различных государств. 45 % респондентов высказались за установление механизмов взаимодействия правоохранительных органов в рамках деятельности ОДКБ.

На практике правоохранительные органы различных государств чаще всего взаимодействуют в рамках единых антитеррористических структур и подразделений регионального и международного уровней.

Подобное взаимодействие является перспективным, создает условия для эффективной совместной деятельности в сфере противодействия терроризму, оперативного обмена опытом и информацией между компетентными органами блоковых государств.

Исследователями отмечается наличие возможности создания глобального международного антитеррористического органа. Например, А.С. Куликов полагает, что в качестве указанного органа может выступить международная полицейская организация Интерпол.

При этом, по мнению автора, положения учредительных документов организации следует соотнести с положениями Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, предусматривающими создание следственно-оперативных групп и проведение международных агентурных оперативных мероприятий [274].

К сожалению, в настоящее время международного органа, объединяющего усилия всех государств и правоохранительных органов, не создано.

По мнению Б.А. Мыльникова, целесообразно учреждать региональные антитеррористические структуры, учитывая специфику соответствующих региона либо группы стран [275].

На региональном уровне немаловажный опыт противодействия терроризму имеется у европейских государств.

Так, 6 апреля 2009 г. Советом ЕС принято Решение о создании Европейского полицейского ведомства (далее Европола) [276], основными задачами которого являются практическое содействие в улучшении качества работы правоохранительных органов государств – членов и повышение эффективности их взаимодействия в борьбе с опасными формами преступности, в том числе терроризмом и организованной преступностью.

Ведомство осуществляет свою работу, если преступными деяниями затронуты интересы двух и более государств – членов. Ввиду отсутствия у Европола общего уголовного законодательства составы преступлений формулируются на основе национальных правовых норм государств со ссылками на международные определения, создавая тем самым возможности гармонизации национальных законодательств.

В необходимых случаях предусмотрена возможность создания государствами совместных следственных групп с участием представителей Европола.

Региональные антитеррористические механизмы выражены также в деятельности Антитеррористического подразделения Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (далее ОБСЕ), основными задачами которого являются содействия программам и инициативам Организации по наращиванию усилий в сфере противодействия терроризму и укрепление взаимоотношений между учреждениями и организациями, занимающимися проблемами безопасности. Структурно Антитеррористическое подразделение входит в Департамент по транснациональным угрозам Секретариата ОБСЕ.

В настоящее время вопросы координации и объединения усилий государств – членов ОДКБ в борьбе с терроризмом, экстремизмом, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, организованной транснациональной преступностью и нелегальной миграцией относятся к компетенции Управления противодействия вызовам и угрозам Секретариата ОДКБ. Консультативная функция антитеррористической направленности в рамках ОДКБ реализуется в деятельности рабочей группы экспертов по вопросам борьбы с терроризмом при Комитете секретарей Советов безопасности ОДКБ, основная цель деятельности которой – выработка целевых предложений в сфере борьбы с терроризмом на региональном уровне, координация мер по их нейтрализации и исключение параллелизма в деятельности ОДКБ и иных организаций, функционирующих на постсоветском пространстве.

На основании позитивного опыта, учитывая, что ОДКБ занимается непосредственным решением вопросов противодействия терроризму, с целью реализации механизмов взаимодействия национальных правоохранительных органов государств – членов при выполнении повседневных служебных задач назрела необходимость создания постоянно действующего координирующего института, именуемого *Контртеррористический орган ОДКБ*.

При этом органе, помимо присоединения существующей рабочей группы экспертов по вопросам борьбы с терроризмом, в качестве постоянно действующего органа целесообразно учредить *Комитет правоохранительных органов*, в состав которого будут входить руководители и представители антитеррористических правоохранительных структур государств – членов.

Данное нововведение может позволить обеспечить скоординированную деятельность разнопрофильных правоохранительных ведомств, а также их совещательную функцию. При необходимости на территории государств – членов возможно учреждение национальных отделов Контртеррористического органа ОДКБ.

При формировании нормативно-правовой базы создаваемых структур первостепенным представляется закрепление приемлемых для государств – членов дефиниции терроризма, определение каналов и форм взаимодействия, механизмов оперативного обмена информацией и прочих аспектов, необходимых для создания надежной платформы многостороннего сотрудничества правоохранительных органов в антитеррористической деятельности.

Правовой регламентацией совместной деятельности национальных правоохранительных органов будет являться межгосударственное *Соглашение о взаимодействии правоохранительных органов государств – членов ОДКБ в противодействии терроризму и экстремизму*.

В качестве правовой помощи в рамках Соглашения целесообразно установить в необходимых случаях возможность процессуального допуска к участию в производстве следственных действий и оперативных мероприятий официальных представителей заинтересованной стороны, возможность поручить проведение полностью или частично расследования и оперативно-розыскных мероприятий другой стороне с ее согласия.

В данном случае устанавливается возможность создания совместных оперативно-следственных групп, что имеет первостепенное значение в области противодействия транснациональному терроризму.

Создание Контртеррористического органа ОДКБ также предоставляет возможность говорить об облегчении процесса экстрадиции. «Особое значение институты выдачи и передачи... приобретают в условиях глобализации, интеграции, миграции населения и роста транснациональной преступности». На важность и значимость экстрадиции в противодействии в целом преступности и в частности терроризму[277] неоднократно указывалось и в научно-исследовательской литературе.

Кроме того, в число функций Контртеррористического органа целесообразно включить оперативное руководство антитеррористическими учениями и операциями сил и средств ОДКБ.

Нормативное оформление данной функции возможно путем принятия *Положения о совместном проведении антитеррористических мероприятий*.

Кроме того, создание Контртеррористического органа ОДКБ и иных предложенных механизмов совместной деятельности позволяет решить одну из главных проблем, стоящих перед сотрудниками правоохранительных органов в антитеррористической и антиэкстремистской деятельности – создание единых информационных систем и баз данных, оперативный обмен информацией и получение упреждающих сведений. Р.Р. Каримов в качестве одного из основных направлений противодействия терроризму выделяет «создание эффективной единой информационной системы... в задачи которой должна входить консолидация сведений о террористических организациях, группах, и отдельных лицах, об источниках и каналах финансирования террористических организаций»[278].

В научной литературе также указано, что «одно из основных условий повышения результативности борьбы с терроризмом – получение упреждающей информации о планах террористических организаций по совершению террори-

стических актов, деятельности по распространению идеологии терроризма, источниках и каналах финансирования, снабжения оружием, боеприпасами, иными средствами для осуществления террористической деятельности»[279]. При этом высказывается неординарное предложение о возможности отождествления человека в подобных базах данных «не только по традиционному имени, но и по присвоенному числовому коду»[280].

В ходе проведенного нами анкетирования сотрудников правоохранительных органов на вопрос «какие аспекты в совместной деятельности правоохранительных органов различных государств для Вас являются наиболее важными» 76 % ответили, что важным является обмен сведениями и получение сведений, 78 % - оперативное получение информации, 81 % - качество получаемой информации.

14 октября 2016 г. в г. Ереване главами государств – членов подписано решение о создании Центра кризисного реагирования ОДКБ, в функции которого входят информационно-аналитическое и организационно-техническое сопровождение принятия уставными органами решений, обмен информацией в режиме реального времени. Исходя из представленных функций, Центр создан для решения общеорганизационных вопросов в деятельности Организации, а базы данных, образование которых предлагается нами в рамках Контртеррористического органа ОДКБ, будут непосредственно направлены на осуществление превентивных мер противодействия терроризму и экстремизму.

В связи с вышеизложенным актуальным является установление в рамках ОДКБ механизмов прямого обмена информацией между национальными правоохранительными органами, а также создание объединенного банка, содержащего значимые сведения о деятельности зарубежных и национальных экстремистских и террористических группировок на территории государств – членов ОДКБ, различных благотворительных фондах и финансовых структурах, имеющих отношение к поддержке терроризма, сайтах, пропагандирующих и распространяющих идеологию терроризма и экстремизма, миграционных потоках потенциально опасных лиц, включая аналитическое и прогнозное обеспечение деятельности ОДКБ в сфере противодействия терроризму и иные сведения.

Создание Контртеррористического органа ОДКБ выявляет проблему параллелизма в деятельности ОДКБ и иных организаций безопасности, действующих на территории постсоветского пространства: Содружества Независимых Государств и Шанхайской организации сотрудничества.

В рамках СНГ существует созданный в 2000 г. Антитеррористический центр (далее АТЦ), который является самостоятельным отраслевым органом Содружества и предназначен для обеспечения координации взаимодействия специальных компетентных органов: спецслужб и правоохранительных органов государств – участников СНГ в сфере противодействия международному терроризму и иным проявлениям экстремизма. В научной литературе отмечено, что «Положением об АТЦ СНГ роль и место Центра в антитеррористической деятельности в СНГ сведены к консультативной функции координатора, не говоря уже об оперативном руководстве антитеррористическими операциями»²⁸¹.

7 июня 2002 г. на основании Соглашения между государствами ШОС создана Региональная антитеррористическая структура (далее РАТС). По аналогии с АТЦ СНГ, РАТС является постоянно действующим органом ШОС и предназначена для координационной деятельности и организации взаимодействия компетентных органов государств – членов в борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом. Эксперты в области исследования деятельности ОДКБ и ШОС указывают, что ШОС, несмотря на регулярное проведение антитеррористических учений «Мирная миссия», в настоящее время перепрофилируется из сферы безопасности, для целей которой была сформирована, в общеполитическую, экономическую и в некоторой степени гуманитарную структуру[282]. И если в рамках ШОС «сотрудничество ограничивается в основном обменом информацией и согласованием общих подходов», то ОДКБ «реальный и наиболее эффективный эпицентр сотрудничества в сфере безопасности на постсоветском пространстве»[283].

В качестве способа исключения параллелизма в деятельности ОДКБ и ШОС эксперты предлагают разделение функций организаций по принципу «китайской формулы»: работа с «корнями» (социально-экономические проблемы) и «ветвями» (угрозы и вызовы безопасности) проблем[284].

Таким образом, «ШОС может взять на себя ответственность за улучшение социально-экономической ситуации, борьбу с бедностью, которая становится причиной экстремистских настроений и подталкивает людей к участию в нелегальном трафике. ОДКБ же имеет достаточно эффективные механизмы для борьбы непосредственно с новыми вызовами и угрозами безопасности – наркотрафиком, экстремизмом, нелегальной миграцией из третьих стран»[285].

Заключение

В настоящей диссертационной работе исследованы уголовно-правовая и криминологическая характеристики терроризма и террористической преступности с учетом специфики их развития и существования в Казахстане и иных государствах – членах ОДКБ. Раскрыты наиболее дискуссионные вопросы, связанные с изучением данного общественно опасного явления, выражена авторская позиция по ним. Проведенная исследовательская работа позволила сформулировать наиболее значимые выводы, составившие основу положений, выносимых на защиту и изложенных во введении к исследованию, в самой работе, с их теоретическим и эмпирическим обоснованием.

По результатам диссертационного исследования возможно сформулировать следующие основные выводы:

1. Общепризнанное понятие «терроризм» отсутствует.
2. Терроризм представляет собой явление, отличающееся от схожего явления террора по специфике действий, субъекту, объекту и конечным целям преступных посягательств.
3. Термин «терроризм» является собирательным и представляет собой синтез составляющих: социально-конфликтной, психологической, политической и нормативно-правовой.
4. Современный терроризм тесно связан с экстремизмом как часть и целое. Оба явления посягают на безопасность личности, общества и государства и международную безопасность.
5. Современный терроризм носит признаки институциональной организованности.
6. Признаки современных террористических преступных формирований во многом совпадают с признаками классических организованных преступных формирований, но отличаются от них постановкой иной цели.
7. С правовых позиций в качестве оснований для классификации терроризма возможно выделить субъект и субъективные признаки, объект и объективные признаки.
8. Разграничение международного терроризма и терроризма международного характера производится по аналогии существующих различий международного преступления и преступления международного характера. Применительно к террористическим преступлениям международного характера целесообразно использовать термин «транснациональные террористические преступления», а к соответствующему явлению – «транснациональный терроризм».
9. В настоящее время следует констатировать отсутствие оснований для выделения категории «государственный терроризм». Корректнее говорить о причастности государства к терроризму, которая может выражаться в финансовой и организационной помощи, предоставлении политического убежища террористам, в их подготовке, тренировке и обучении и т.д.
10. В действующем законодательстве отсутствуют понятие «террористические преступления» и перечень преступлений данной категории.

11. Антитеррористическое законодательство государств – членов ОДКБ отличается друг от друга, что вызывает необходимость привести его к единообразию, т.е. гармонизировать и унифицировать.

12. Анализ статистических данных за 2003-2018 гг. свидетельствует об увеличении числа зарегистрированных террористических и экстремистских преступлений, а также количества выявленных лиц по ним, на территории Центральноазиатских государств – членов ОДКБ: Республиках Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан. С учетом особенностей расположения и процессов, происходящих в указанных странах, прогнозируем дальнейший рост рассматриваемых показателей в данных государствах.

13. Для охвата всего комплекса мер воздействия на терроризм целесообразно использовать термин «противодействие».

14. В качестве повышения эффективности общесоциальных криминологических мер профилактики терроризма следует рассматривать противодействие экстремизму; ненасильственное предотвращение и предупреждение конфликтов путем просвещения граждан в духе уважения и терпимости, воспитания патриотического гражданского самосознания; улучшение социально-экономического климата в стране, досуговой и трудовой занятости молодежи, поддержки бюджетного образования лиц из семей со сложной жизненной ситуацией либо неблагоприятным влиянием.

15. Совершенствование общеспециальных мер включает повышение уровня доверия населения к органам, осуществляющим антитеррористическую деятельность; активизацию и регулирование системы взаимодействия населения с правоохранительными органами в духе выполнения гражданского долга в антитеррористической деятельности; активизация проведения обучения участковых уполномоченных полиции по вопросам противодействия терроризму, контроль уровня полученных знаний.

16. Наиболее важным направлением индивидуальных мер является работа с семьей, выявление неблагополучных семей, дезадаптированных детей и подростков, склонных к совершению противоправных деяний, оказание им своевременной помощи.

17. Правоохранительными органами в сфере противодействия терроризму являются специально уполномоченные государством или международной организацией органы, выполняющие возложенные на них национальным законодательством, двусторонними либо многосторонними соглашениями функции противодействия терроризму.

18. В ОДКБ созданы механизмы взаимодействия приданных правоохранительных органов в сфере противодействия терроризму – совместная деятельность в рамках контингентов вооруженных сил при проведении совместных комплексных учений и операций. Однако отсутствуют значимые механизмы взаимодействия национальных правоохранительных органов государств – членов ОДКБ в повседневной антитеррористической деятельности, что является одним из препятствий к осуществлению эффективной антитеррористической деятельности.

Внедрение изложенных в работе рекомендаций и положений в сфере противодействия терроризму может повысить ее эффективность. Подготовленное диссертационное исследование охватило лишь некоторые проблемные вопросы, связанные с правовыми и организационными контрмерами рассматриваемого явления, и открывает возможности для дальнейших поисков решений, направленных на противодействие терроризму и его спутнику – экстремизму.

Список использованных источников

- 1 Quenivet N. The world after september 11: has it really changed? // The European journal of international law. – 2005. – Vol. 16. № 3. – P. 562.
- 2 Борьба с терроризмом: теория и практика: учебное пособие / Б.И. Кофман [и др.]. – М.: ЦОКР МВД России, 2015. – С. 5.
- 3 Мусаелян М.Ф. Понятие «терроризм» и его соотношение с понятием «террор» и «террористический акт» // Журнал российского права. – 2019. – №1. – С. 58.
- 4 Кибальник А. Оценка «антитеррористических» новелл уголовного закона // Уголовное право. – 2006. – № 5. – С. 50; Российская криминологическая энциклопедия. Преступность и борьба с ней в понятиях и комментариях / А.И. Алексеев [и др.]; под общ. ред. А.И. Долговой. – М.: Инфра-М, 2018. – С. 724.
- 5 Бриллиантов А., Бурковская В. К вопросу о направлениях унификации законодательств государств-участников СНГ о борьбе с терроризмом и захватом заложника // Уголовное право – 2013. – №1. – С. 105.
- 6 Андреев М.В. Международный терроризм и международная безопасность нового качества // Закон и право. – 2008. – № 8. – С. 7.
- 7 Матчанова З.Ш. Понятие терроризма в современном российском законодательстве // История государства и права. – 2007. – № 23. – С. 2.
- 8 Более подробно см.: Фарвазова Ю.Р. Историческая ретроспектива и составляющие элементы в определении социально-политического явления терроризм // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2013. – № 3. – С. 119–124; Сидоренко А.Г., Тихомиров Ю.В. Терроризм и антитеррористическая безопасность в контексте истории и современной геополитики. – М.: Кучково поле, 2015. – С.10–71; Горбунов Ю.С. Терроризм и правовое регулирование противодействия ему. – М.: Молодая гвардия, 2018. – С. 15-71; Терроризм в современном мире: монография / В.Л. Шульц [и др.]; под ред. В.Л. Шульца. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2011. – С. 21–34; Дихтиевский П.В., Лихолат И.А. Терроризм в Российской империи. Факторы, обуславливающие появление терроризма // Закон и право. – 2012. – № 5. – С. 113; Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX в.). – М.: Российская политическая энциклопедия, 2000. – 399 с.
- 9 Терроризм в современном мире ... С. 13.
- 10 Уголовный кодекс Грузии / науч. ред. З.К. Бигвава; перевод с грузинск. И. Мериджанашвили. – Спб.: Юридический центр Пресс, 2012. – С. 27–28.
- 11 Веселовский С.С. Многостороннее сотрудничество в борьбе с транснациональным терроризмом: учебное пособие. – М.: Навона, 2019. – С. 24.
- 12 Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов: принята в г. Гааге 16 декабря 1970 г. (с изм. от 10.09.2010): ратифицирована указом Президиума ВС СССР от 4 августа 1971 г. № 2000-VIII с оговоркой по пункту 1 статьи 12 // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций,

---

заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XXVII. – М., 1974. – С. 292–296. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».

13 Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом: принята в г. Нью-Йорке 16 декабря 1997 г. резолюцией 52/164 Генеральной Ассамблеи ООН: ратифицирована федеральным законом от 13 февраля 2001 г. № 19-ФЗ с заявлениями // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 35. – Ст. 3513.

14 Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма: принята в г. Нью-Йорке 13 апреля 2005 г. резолюцией 59/290 Генеральной Ассамблеи ООН: ратифицирована федеральным законом от 2 октября 2006 г. № 158-ФЗ с заявлениями // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 33. – Ст. 3819.

15 Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства: принята в г. Риме 10 марта 1988 г.: ратифицирована федеральным законом от 6 марта 2001 г. № 22-ФЗ с оговоркой // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 48. – Ст. 4469.

16 Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации: принята в г. Монреале 23 сентября 1971 г.: ратифицирована указом Президиума ВС СССР от 27 декабря 1972 г. № 3719-VIII с оговоркой // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XXIX. – М., 1975. – С. 90-95. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».

17 Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (CETS № 196): заключена в г. Варшаве 16 мая 2005 г.: ратиф. федер. законом от 20 апреля 2006 г. № 56-ФЗ с заявлениями // Собр. законодательства РФ. – 2009. – № 20. – Ст. 2393. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».

18 Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма: заключена в г. Нью-Йорке 9 декабря 1999 г.: ратифицирована федеральным законом от 10 июля 2002 г. № 88-ФЗ с заявлениями // Бюллетень международных договоров. – 2003. – № 5. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».

19 Резолюция 1566 (2004): принята Советом Безопасности ООН на 5053-м заседании 8 октября 2004 г. // Официальный сайт Совета Безопасности ООН. – URL: [http://www.cbr.ru/today/anti_legalisation/un/s-res-1566\(2004\).pdf](http://www.cbr.ru/today/anti_legalisation/un/s-res-1566(2004).pdf) (дата обращения: 11.02.2017).

20 Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов: принята в г. Токио 14 сентября 1963 г.: ратифицирована указом Президиума ВС СССР от 4 декабря 1987 г. № 8109-XI // Сборник международных договоров СССР. – Вып. XLIV. – М., 1990. – С. 218-225. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».

21 На отсутствие универсального международно-правового определения терроризма указано и в иных исследованиях. Напр., Амиров А.Э. Международно-правовые аспекты реализации глобальной

контртеррористической стратегии ООН: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2016. – С. 8.

22 Анищенко А., Ларина А., Малышко В. Контроль финансовых операций: закручивание гаек продолжается // Практический бухгалтерский учет. – 2019. – № 8. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».

23 Сочнев Д.В., Абасов М.М. Основные виды и наиболее распространенные формы международного терроризма // ВВ: Российское полицейское право. – 2013. – №2. – URL: http://www.e-notabene.ru/pm/article_801.html (дата обращения: 17.02.2019).

24 Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. – М.: Щит-М, 1998. – С. 11.

25 Байрамов Г.И. Борьба с политическим терроризмом: международно-правовое регулирование: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – С. 22, 52.

26 Мирский Г. Современный терроризм в контексте глобализации // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – № 3. – С. 37; Рожков С.В. Терроризм как неконвенциональная форма политического участия: социальные основы, специфика, технологии и возможности локализации: дис. ... канд. политич. наук. – М., 2005. – С. 44.

27 Замковой В.И., Ильчиков М.З. Терроризм – глобальная проблема современности. – М.: Институт международного права и экономики, 1996. – С. 9.

28 По данному вопросу см. также: Фарвазова Ю.Р. Проблема выработки юридических дефиниций «экстремизм», «терроризм», «террор», «террористический акт» // Профилактика экстремистских проявлений среди несовершеннолетних в современных условиях: сб. материалов Межведом. круг. стола 30 нояб. 2012 г. – Казань: КЮИ МВД России, 2013. – С. 82-83.

29 Байрамов Г.И. Борьба с политическим терроризмом ... С. 22.

30 Магомедов Д.Д. Противодействие финансированию терроризма: значение зарубежного опыта для законодательства: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2005. – С. 21–22.

31 Baxi U. The «war on terror» and the «war of terror»: nomadic multitudes, aggressive incumbents, and the «new» international law. Prefatory remarks on two «wars» // Osgoode hall law journal. – 2005. – Vol. 43, № 1-2. – P. 22.

32 Blöcher D. Terrorism as an international crime. The definitional problem // Eyes on the International crime court. – 2011–2012. – Vol. 8:1. – P. 108.

33 Дикаев С.У. Терроризм и преступления террористического характера (опыт системного анализа): монография / под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2004. – С. 43.

35 Валеева А.С. Разграничение понятий террор, терроризм, террористический акт // Российский следователь. – 2012. – № 14. – С. 33.

35 В научной литературе указывается, что деление на «террор» и «терроризм» является условным. См.: Терроризм в современном мире ... С. 10; Горбунов Ю.С. Об определении понятий «террор» и «терроризм» // Журнал российского права. – 2010. – № 2. – С. 31-40.

---

36 На различие понятий «террор» и «терроризм» в своих исследованиях указывает: Мусаелян М.Ф. Понятие «терроризм» и его соотношение с понятием «террор» и «террористический акт»... С. 56-64.

37 Никитин А.В. Терроризм как форма девиантного поведения (криминологический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. – Спб., 2003. – С. 19; Сафаров Х.С. Терроризм: проблемы законодательного закрепления и квалификации (на материалах Республики Таджикистан и стран СНГ): дис. ... канд. юрид. наук. – Москва-Душанбе, 2005. – С. 15; Пешков М.С. Меры безопасности в системе противодействия терроризму: дис. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2006. – С. 13; Лунев А.А. Терроризм как объект криминологического изучения: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2004. – С. 13 и др.

38 Дерюгина Ю.Н. Терроризм: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001. – С. 14-15; Серкерев С.Э. Криминологические проблемы международного терроризма (по материалам Республики Дагестан): дис. ... канд. юрид. наук. – Махачкала, 2004. – С. 21-22; Сафаров Х.С. Терроризм: проблемы законодательного закрепления и квалификации ... С. 15; Петрянин А.В. Соотношение экстремизма и терроризма: законодательство и доктрина // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века.-Counter-terrorism. – 2012. – № 3. – С. 30.

39 Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л.И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – М.: Мир и Образование, 2013. – С. 637.

40 Даль В. Толковый словарь живого русского языка: в 4 т. Т. 4. – М.: «Универс», 1994. – С. 754.

41 Большой юридический словарь / В.А. Белов [и др.]; под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Инфра-М, 2000. – С. 621.

42 Jenkins B. The Who, What, When, Where, How, and Why of Terrorism // Paper presented at the Detroit Police Department Conference on «Urban Terrorism: Planning or Chaos?». – Detroit, 1984. – November. – P. 56.

43 Laqueur W. The Age of Terrorism. – Boston: Little, Brown, 1987. – P.72.

44 Требин М.П. Терроризм в XXI веке / под. общ. ред. А.Е. Тараса. – Минск: Харвест, 2004. – С. 21–22.

45 Там же.

46 Пфаль-Трауберг А. Правый терроризм в ФРГ // Актуальные проблемы Европы. – 1997. – № 4. – С. 130–135.

47 Терроризм: психологические корни и правовые оценки: круглый стол журнала «Государство и право» // Государство и право. – 1995. – № 4. – С. 24.

48 Авдеев Ю.И. Терроризм как социально-политическое явление // Современный терроризм: состояние и перспективы / отв. ред. Е.И. Степанова. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 37.

49 Горбунов К.Г. Терроризм: история и современность. Социально-психологическое исследование. – М.: Форум, 2012. – С. 18.

-
- 50 По вопросу составляющих элементов терроризма см. также: Фарвазова Ю.Р. Проблематика формулирования дефиниции «терроризм» в уголовно-правовой доктрине // Научный портал МВД России. – 2014. – № 3. – С. 91.
- 51 Депривация (лат. – потеря, лишение) – психическое состояние, при котором люди испытывают недостаточное удовлетворение своих потребностей.
- 52 Горбунов К.Г. Терроризм: история и современность ... С. 20.
- 53 Валеева А.С. Терроризм: «каинова печать» или «наследие Робеспьера»: методологические проблемы определения термина // История государства и права. – 2012. – № 5. – С. 32.
- 54 Княжев В.Б., Киреев М.П. Борьба с терроризмом и права человека // Пробелы в Российском законодательстве. – 2013. – № 2. – С. 198.
- 55 Соснин В.А., Нестик Т.А. Современный терроризм: социально-психологический анализ. – М.: Институт психологии РАН, 2008. – С. 53.
- 56 Криминология: учебник для вузов / А.Ф. Агапов [и др.]; под ред. В.Д. Малкова. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Юстицинформ, 2010. – С. 298.
- 57 Хлобустов О.М. О некоторых понятиях и терминах в сфере борьбы с современным терроризмом // Российский следователь. – 2006. – № 5. – С. 42.
- 58 Алауханов Е.О. Криминология: учебник. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2013. – С. 41.
- 59 Гаврилин Ю.В., Смирнов Л.В. Современный терроризм: сущность, типология, проблемы противодействия: учебное пособие. – М.: Книжный мир, 2003. – С. 26; Сочнев Д.В., Абасов М.М. Основные виды и наиболее распространенные формы международного терроризма ... URL: http://www.e-notabene.ru/pm/article_801.html (дата обращения: 17.02.2019); Терроризм в современном мире ... С. 18-19.
- 60 Кабанов П.А. Политический терроризм. Криминологическая характеристика и меры сдерживания. Нижнекамск: Гузель, 1998. – 40 с.; Гаврилин Ю.В., Смирнов Л.В. Современный терроризм ... С. 20, 25–26; Сочнев Д.В., Абасов М.М. Основные виды и наиболее распространенные формы международного терроризма ... URL: http://www.e-notabene.ru/pm/article_801.html (дата обращения: 17.02.2019); Байрамов Г.И. Борьба с политическим терроризмом ... С. 59.
- 61 Устинов В.В. Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика. – М.: Юрлитинформ, 2002. – С. 14.
- 62 Сидоренко А.Г., Тихомиров Ю.В. Терроризм и антитеррористическая безопасность в контексте истории и современной геополитики ... С. 150.
- 63 Сергун Е.П. Экстремизм в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2009. – С. 39.
- 64 Горбунов Ю.С. Об определении понятий «террор» и «терроризм» ... С. 39.
- 65 Мусаелян М.Ф. К вопросу о политизированности уголовно-правовых определений терроризма // Российский следователь. – 2004. – № 12. – С. 19–22.
- 66 Дзалиев М.И. Международный терроризм как социально-политический феномен // Безопасность Евразии. – 2002. – № 3. – С. 576.

---

67 О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 27 января 1999 г. (в ред. ППВС РФ № 9 от 3 марта 2015 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1999. – № 3.

68 Андреев М.В. Проблемы противодействия терроризму в международно-правовой доктрине // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2013. – № 2. – С. 19.

69 Дело №2-27/2006 // Архив Верховного суда Республики Татарстан.

70 Мусаелян М.Ф. Цель как признак террористического акта // Законность. – 2010. – № 6. – С. 39.

71 В процессе исследования определение терроризма подвергалось изменениям в целях совершенствования, в связи с чем в приложении 2 представлена первоначальная авторская редакция дефиниции «терроризм».

72 Фридинский С. Терроризм как крайняя форма проявления экстремизма // Уголовное право. – 2008. – № 3. – С. 120.

73 Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом: заключена в г. Шанхае 15 июня 2001 г. // Собр. законодательства РФ. – 2003. – № 41. – Ст. 3947.

74 Там же.

75 Галкина Е.В. Противодействие политическому экстремизму и терроризму: новый взгляд // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 1. – URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/1/politika/galkina.pdf (дата обращения: 17.02.2019).

76 Максина С.В. Терроризм: криминологические и уголовно-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2003. – С. 9.

77 Горбунов Ю.С. Терроризм и правовое регулирование противодействия ему ... С. 50.

78 Антонян Ю.М. Криминология: учебник для бакалавров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2012. – С. 401.

79 Карасев Д.В. Проблема разграничения и классификации понятий «экстремизм» и «терроризм» // Актуальные проблемы международных отношений в начале XXI века: материалы 11-й науч.-практ. конф. молодых ученых / под ред. Т.А. Закаурцевой. – М.: Восток-Запад, 2009. – С. 64.

80 Устинов В.В. Международный опыт борьбы с терроризмом ... С. 17.

81 Долгова А.И., Гуськов А.Я., Чуганов Е.Г. Проблемы правового регулирования борьбы с экстремизмом и правоприменительной практики. – М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2010. – С. 80.

82 Фридинский С. Терроризм как крайняя форма проявления экстремизма ... С. 123.

83 Меркурьев В.В., Богачевская Е.А. Пенитенциарные горизонты борьбы с международными террористическими и экстремистскими организациями // Вестник Владимирского юридического института. – 2012. – № 3 (24). – С. 106.

84 Терроризм в современном мире ... С. 47.

---

85 Белявский Д.Г. Последствия совершения террористических актов для личности, общества и государства // Закон. – 2006. – № 12. – С. 113.

86 Дзалиев М.И., Иззатдуст Э.С., Киреев М.П. Современный терроризм: социально-политический облик противника / под общ. ред. В.В. Гордиенко. – М.: Academia, 2007. – С. 471-472.

87 Бадушева Д.А. Уголовно-правовая характеристика преступлений против общественной безопасности, связанных с устрашением населения и оказанием воздействия на принятие решения органами власти: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2010. – С. 10.

88 Алимов А.А. Государство как объект безопасности // Закон и право. – 2011. – № 9. – С. 86.

89 Белявский Д.Г. Последствия совершения террористических актов для личности, общества и государства ... С. 112.

90 Макарова Т.В. Основания классификация жертв терроризма // NB: Вопросы права и политики. – 2014. – № 4. – URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_9328.html (дата обращения 17.02.2019).

91 Паненков А.А. Криминологические подходы к решению проблем борьбы с терроризмом и его финансированием и особенности прокурорского надзора. Некоторые предложения по оптимизации борьбы с терроризмом и его финансированием на основе научных исследований // NB: Национальная безопасность. – 2013. – №3. – URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_8754.html (дата обращения: 17.02.2017).

92 Григорьев А.А. Терроризм как форма организованной преступности // Чиновник. – 2007. – № 5 (51). – URL: <http://chinovnik.uara.ru/ru/issue/2007/05/18/> (дата обращения: 17.02.2017).

93 Терроризм в современном мире ... С. 16.

94 Об аспектах американской внешней политики по вопросам борьбы с терроризмом см. также: Acharya U. International lawlessness, international politics and the problem of terrorism: a conundrum of international law and U.S. foreign policy // Denver journal of international law & policy. – 2012. - Vol. 40:1-3. – P. 144-166.

95 Терроризм в современном мире ... С. 6.

96 Шестаков В. Террор – мировая война. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2003. – С. 233.

97 Комиссаров В.С. Терроризм, бандитизм, захват заложника и другие тяжкие преступления против общества по новому УК РФ. – М.: Кросна-Лекс, 1997. – С. 23.

98 Мусаелян М.Ф. Экстремизм как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Журнал российского права. – 2009. – № 3. – С. 24.

99 Ильин И.В., Ильин А.Е. Вопросы необходимости использования оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел по подрыву экономических основ организованных преступных групп // Актуальные проблемы экономики и права. – 2014. – № 3 (31). – С. 218.

---

100 Омелин В.Н. Организационно-правовые меры по борьбе с организованной преступностью // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2014. – № 2 (30). – С. 38.

101 Гуров А.И. Организованная преступность – не миф, а реальность (социальные, правовые и криминологические аспекты борьбы с организованной преступностью: пособие для слушателей народных университетов. – М.: Знание, 1992. – С. 47.

102 Мохов Е.А. Организованная преступность и национальная безопасность: монография. – М.: Вузовская книга, 2002. – С. 39.

103 Элязян А.Ш. Организованная преступность и национальная безопасность (социологический аспект): автореф. дис. ... канд. социолог. наук. – М., 2004. – С. 13.

104 Злотникова Е.В. Влияние организованной преступности на политическую безопасность: дис. ... канд. политич. наук. – М., 2011. – С. 9–10.

105 Устинов В.В. Обвиняется терроризм. - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. - С. 57.

106 Гуров А.И. Организованная преступность – не миф, а реальность ... С. 57-58.

107 Терроризм в современном мире ... С. 7.

108 Григорьев А.А. Терроризм как форма организованной преступности ... URL: <http://chinovnik.uara.ru/ru/issue/2007/05/18/> (дата обращения: 17.02.2019).

109 Терроризм в современном мире ... С. 52-53.

110 Гуров А.И. Организованная преступность – не миф, а реальность ... С. 8.

111 Гуров А.И. Организованная преступность – не миф, а реальность ... С. 19-21.

112 Гуров А.И. Организованная преступность – не миф, а реальность ... С. 25.

113 Нафиков И.С. Теневая экономика и организованная преступность в условиях крупного города: монография / под ред. В.П. Малкова. – Казань: Познание, 2012. – С. 64–67.

114 Глухова А.А. Криминологический словарь. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2011. – С. 39–40.

115 Гуров А.И. Организованная преступность – не миф, а реальность ... С. 11–16, 47.

116 Григорьев А.А. Терроризм как форма организованной преступности ... URL: <http://chinovnik.uara.ru/ru/issue/2007/05/18/> (дата обращения: 17.02.2017).

117 Ильин И.В., Ильин А.Е. Вопросы необходимости использования оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел ... С. 217–218.

---

118 Предупреждение преступлений и административных правонарушений: учебное пособие / С.И. Иванова [и др.] – Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2012. – С. 122.

119 Алешин Ю.Н. Национальная безопасность новых независимых государств на постсоветском пространстве (на материалах стран Центральной Азии): дис. ... канд. политич. наук. – Бишкек, 2011. – С. 9–10.

120 Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 10 мая 2006 г. // Гарант. – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/89457/> (дата обращения: 17.02.2017).

121 Никитин А. Развитие военно-политической интеграции в ОДКБ и вопросы отношений с ЕС и НАТО // Год планеты: ежегодник / Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН; вып. 2006 г.: экономика, политика, безопасность / гл. ред. В.Г. Барановский. – М.: Наука, 2007. – С. 88; 183.

Айманбетова А.С. Меры доверия в рамках Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, Организации Договора о коллективной безопасности и Шанхайской организации сотрудничества // Международное публичное и частное право. – 2004. – № 6 (21). – С. 29–30; Бордюжа Н. Организация Договора о коллективной безопасности // Международная жизнь. – 2003. – № 3 – С. 73; Рекута А.Л. Организация Договора о коллективной безопасности: проблемы и пути развития по предотвращению угроз безопасности в Центрально-Азиатском регионе // Военная мысль. – 2006. – № 11. – С. 2; Пугачев А.В. Организация Договора о коллективной безопасности как фактор военно-политической интеграции стран СНГ // Научные труды Московского гуманитарного университета: выпуск 53. – М., 2005. – С. 48.

122 Баширов Л.А. ОДКБ в системе региональных структур безопасности // Мир и согласие. – 2005. – № 1. – С. 141.

123 Кругликов Л.Л. Сравнительное уголовное право: учебное пособие. – Ярославль: ЯрГУ, 2013. – С. 11.

124 Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования ... С. 15-16.

125 Щерба С.П., Бриллиантов А.В. Законодательство стран СНГ в области борьбы с терроризмом и проблемы его гармонизации (сравнительно-правовой анализ и предложения) // Прокурорская и следственная практика. – 2004. – № 3–4. – С. 143; Бриллиантов А., Бурковская В. К вопросу о направлениях унификации законодательств государств-участников СНГ о борьбе с терроризмом и захватом ... С. 105.

126 Казаков Р.Ю. Регулирование уголовной ответственности за терроризм в государствах-участниках СНГ // Терроризм в России и проблемы системного реагирования / под ред. А.И. Долговой. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2004. – С. 158.

127 Бачило И.Л. Проблемы гармонизации в законодательстве // Журнал российского права. – 2000. – № 8. – С. 89.

---

128 Кругликов Л.Л., Смирнова Л.Е. Унификация норм уголовного законодательства: сравнительно-правовой аспект // Пробелы в законодательстве и пути их преодоления: сб. науч. стат. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. 14–15 сент. 2007 г.; под науч. ред. С.В. Изосимова, В.И. Кандыгина, А.Ю. Чупровой. – Н. Новгород: Нижегород. акад. МВД России, 2008. – С. 282.

129 Кругликов Л.Л. Проблемы теории уголовного права: избранные статьи, 2000-2009 гг. – Ярославль: ЯрГУ, 2010. – С. 195.

130 Модельный уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств (с изм. от 16 ноября 2006 г.) // Информационный бюллетень Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ. – 1996. – № 10.

131 Бачило И.Л. Проблемы гармонизации в законодательстве ... С. 84.

132 Тихомиров Ю.А. Коллизионное право: учебное и научно-практическое пособие. – М.: Юринформцентр, 2000. – С. 238.

133 Рекомендации по унификации гармонизации национального законодательства государств-участников СНГ в сфере борьбы с терроризмом: приняты Межпарламентской ассамблеей государств-участников СНГ 16 ноября 2006 г. – URL: <http://www.cisatc.org/135/154/253> (дата обращения: 16.02.2017).

134 Егоров Е.Н. Противодействие терроризму и религиозному экстремизму: опыт государств Центральной Азии: автореф. дис. ... канд. политич. наук. – СПб., 2015. – С. 10.

135 Бачило И.Л. Проблемы гармонизации в законодательстве ... С. 89.

136 Герасимов С.И. Взаимодействие правоохранительных органов стран СНГ в борьбе с преступностью (опыт и проблемы) // Прокурорская и следственная практика. – 2000. – № 3–4. – С. 43.

137 Щерба С.П., Бриллиантов А.В. Законодательство стран СНГ в области борьбы с терроризмом и проблемы его гармонизации ... С. 142.

138 Рекомендации по унификации гармонизации национального законодательства государств-участников СНГ в сфере борьбы с терроризмом ... URL: <http://www.cisatc.org/135/154/253> (дата обращения: 16.02.2019).

139 Бачило И.Л. Проблемы гармонизации в законодательстве ... С. 84.

140 Устав Организации Договора о коллективной безопасности: принят в г. Кишиневе 7 октября 2002 г.: ратиф. федер. законом от 26 мая 2003 г. № 56-ФЗ (с изм. от 10 декабря 2010 г.) // Собр. законодательства РФ. – 2004. – № 3. – Ст. 163. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».

141 Концепция сближения и гармонизации законодательства государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности в сфере коллективной безопасности: приложение к постановлению Парламентской Ассамблеи ОДКБ от 3 декабря 2009 г. № 3-5 // Официальный сайт Парламентской Ассамблеи ОДКБ. – URL: http://www.paodkb.ru/upload/iblock/f74/kontseptsiya-sblizheniya-i-garmonizatsii-zakonodatelstva-gosudarstv-_chlenov-odkb-v-sfere-kollektivnoy-bezopasnosti.pdf (дата обращения: 16.02.2017).

---

142 Более подробно о деятельности Парламентской Ассамблеи ОДКБ см.: Фарвазова Ю.Р. Аспекты совершенствования деятельности Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности // Сборник трудов молодых ученых и преподавателей КЮИ МВД России. Выпуск 9 / под ред. С.Н. Миронова. – Казань: КЮИ МВД России, 2014. – С. 91-94.

143 О борьбе с терроризмом: закон Республики Армения от 19 апреля 2005 г. № 3Р-79. – URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2282&lang=rus> (дата обращения: 16.02.2017); О борьбе с терроризмом: закон Республики Беларусь от 3 января 2002 г. № 77-3 (с изм. от 30.06.2016 г. № 388-3). – URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1891 (дата обращения: 16.02.2017); О противодействии терроризму: закон Республики Казахстан от 13 июля 1999 г. № 416-І (с изм. от 28.12.2016 № 36-VI). – URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1013957#sub_id=40200 (дата обращения: 16.02.2017); О противодействии терроризму: закон Кыргызской Республики от 8 ноября 2006 г. № 178 (с изм. от 02.08.2016 № 162). – URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1971> (дата обращения: 16.02.2017); О противодействии терроризму: федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (с изм. от 06.07.2016 № 374-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. – 2006. – № 11. – Ст. 1146. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс»; О борьбе с терроризмом: закон Республики Таджикистан от 16 ноября 1999 г. № 845 (с изм. от 25.12.2015 № 1266). – URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?Rgn=2195 (дата обращения: 16.02.2017).

144 О противодействии терроризму: модельный закон государств-участников СНГ. Принят в г. Санкт-Петербурге 3 декабря 2009 г. Постановлением 33-18 на 33-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. – 2010. – № 46. – С. 256–283.

145 Горбунов Ю.С. К вопросу о правовом регулировании противодействия терроризму // Журнал российского права. – 2007. – № 2. – С. 38.

146 Кузнецова Н.Ф. О международном уголовном праве // Пробелы в законодательстве и пути их преодоления: сб. науч. стат. по итогам Междунар. науч.-практ. конф., 14-15 сент. 2007 г. / под науч. ред. С.В. Изосимова, В.И. Кандыгина, А.Ю. Чупровой. – Н. Новгород: Нижегор. акад. МВД России, 2008. – С. 318.

147 Баранов В.М., Пшеничных М.А. Гармонизация законодательства России ... С. 50.

148 Антонян Ю.М. Криминология ... С. 14.

149 Щерблякина И.В. Террористические преступления: проблемный характер оценки террористических угроз в Российской Федерации // Научный портал МВД России. – 2013. – №1. – С. 72–76.

-
- 150 Артюшина О.В. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений террористического характера: научно-практическое пособие. – Казань: КЮИ МВД России, 2009. – 105 с.; Криминология. Особенная часть: учебник / Ф.Н. Багаутдинов [и др.]; под общ. ред. Ф.К. Зиннурова. – Казань: КЮИ МВД России, 2011. – С. 150.
- 151 Маршакова Н.Н. Принципы уголовной политики в области противодействия преступлениям террористической направленности // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 3. – С. 114–121; Ильин Е.П. Система противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации: становление и перспективы развития // Вестник Национального антитеррористического комитета. – 2010. – № 2. – С. 22.
- 152 Выступление заместителя директора ФСБ России, руководителя аппарата Национального антитеррористического комитета генерал-полковника В.Г. Кулишова // Вестник Национального антитеррористического комитета. – 2010. – № 2. – С. 12.
- 153 Терроризм в современном мире ... С. 73.
- 154 Там же.
- 155 Словарь терминов // Официальный сайт АТЦ СНГ. – URL: <http://www.cisatc.org/134/159/202> (дата обращения: 17.02.2019).
- 156 Уголовный кодекс Грузии ... С. 190, 338.
- 157 Там же. С. 339.
- 158 Более подробно см.: Терроризм в современном мире ... С. 285.
- 159 Москвин А.Ю. Большой словарь иностранных слов. – М.: Центрполиграф, 2001. – С. 238.
- 160 Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. – М.: «Универс», 1994. – С. 283.
- 161 Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка ... С. 233.
- 162 Томашевский Ю.С. Типологизация и классифицирование культур в трудах М.С. Кагана: к проблеме способов упорядочивания // Общество. Среда. Развитие. (TERRA HUMANA). – 2013. – № 4. – С. 75.
- 163 Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование ... С. 34–42.
- 164 Замковой В.И., Ильчиков М.З. Терроризм – глобальная проблема современности ... С. 9–50.
- 165 Политов С.И. Современный международный терроризм как угроза национальной безопасности России: дис. ... канд. политич. наук. – М., 2007. – С. 15.
- 166 Фитуни Л.Л. Экономика международного терроризма. – М.: Институт Африки РАН, 2009. – С. 197.
- 167 Мукашев С.И. Международно-правовое сотрудничество государств в борьбе с международным терроризмом // Московский журнал международного права. – 2008. – № 3. – С. 116.
- 168 Терроризм в современном мире ... С. 52.

-
- 169 Горбунов Ю.С. Терроризм: виды и систематизация // Закон и право. – 2007. – № 3. – С. 8–9.
- 170 Ляхов Е.Г. Политика терроризма – политика насилия и агрессии. – М.: Международные отношения, 1987. – С. 31–37.
- 171 Хлобустов О.М. О некоторых понятиях и терминах в сфере борьбы с современным терроризмом ... С. 47.
- 172 Международное уголовное право: учебник для вузов / А.В. Наумов [и др.]. – М.: Юрайт, 2013. – С. 248–249.
- 173 Мансуров Т.Т. Правовые основы международного сотрудничества в борьбе с преступлениями международного характера: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – С. 5.
- 174 Саркисян М.А. Международный терроризм как преступное деяние по международному праву: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – С. 9.
- 175 Левандовская М.Г. Современное понятие военного преступления // Право: теория и практика. – 2005. – № 9. – С. 28.
- 176 Василенко В.А. Ответственность государств за международные правонарушения: монография. – Киев: Вища шк., 1976. – С. 89.
- 177 Князькина А.К., Чучаев А.И. Конвенционные преступления ... С. 33.
- 178 Курс международного права. В 7 т. Т. 6: Отрасли международного права / И.Н. Арцибасов [и др.]; отв. ред. И.И. Лукашук. – М.: Наука, 1992. – С. 187.
- 179 Каламкарян Р.А., Мигачев Ю.И. Международное право: учебник. – М.: Эксмо, 2004. – С. 408.
- 180 Международное уголовное право: учебное пособие / И.П. Блищенко [и др.]; под общ. ред. В.Н. Кудрявцева. – М.: Наука, 1999. – С. 149.
- 181 См. напр. Мансуров Т.Т. Правовые основы международного сотрудничества в борьбе с преступлениями международного характера ... С. 5.
- 182 Международное право: учебник / А.А. Баталов [и др.]; под ред. Л.Н. Шестакова. – М.: Юридическая литература, 2005. – С. 284.
- 183 Нурбеков И.М. Тактико-организационные особенности взаимодействия при расследовании преступлений международного характера: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – С. 99.
- 184 Самошина З.Г., Фурсова Е.Ю. DdoS-атаки как способ совершения преступлений // Вестник криминалистики. – 2007. – № 2. – С. 37.
- 185 Нурбеков И.М. Тактико-организационные особенности взаимодействия при расследовании преступлений международного характера ... С. 99.
- 186 Терроризм в современном мире ... С. 17.
- 187 Римский статут Международного уголовного суда – международный договор, учредивший Международный уголовный суд с подведомственностью четырех видов преступлений: геноцид, военные преступления, преступления против человечности и агрессия. Принят на дипломатической конференции в Риме 17 июля 1998 г. (документ А/CONF.183/9), вступил в силу 1 июля 2002 г. В настоящее время договор подписали 139 государств, ратифицировали - 122.

---

188 Более подробно см.: Богуш Г. Обзорная конференция по Римскому статуту: новые горизонты международного уголовного правосудия // Сравнительное конституционное обозрение. – 2010. – № 5. – С. 87-95.

189 Каюмова А.Р. Транснациональные преступления и Римский статут международного уголовного суда // Федеральный правовой портал «Юридическая Россия». – URL: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1226218> (дата обращения: 17.02.2019); Богуш Г. Обзорная конференция по Римскому статуту ... С 88.

190 Саркисян М.А. Международный терроризм как преступное деяние по международному праву ... С. 9.

191 Там же. С. 11.

192 McWhinney E. International Law-based Responses to the September 11 International Terrorist Attacks // Chinese Journal of International Law. – V. 1. – 2002. – № 1. – P. 284.

193 Федянин В.Ю. Актуальные вопросы обеспечения ответственности за терроризм в международном уголовном праве // Московский журнал международного права. – 2001. – № 3. – С. 161–162.

194 Нурбеков И.М. Тактико-организационные особенности взаимодействия при расследовании преступлений международного характера ... С. 91.

195 Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: БЕК, 2000. – С. 337–338.

196 Витковский А.И. Международное сотрудничество в борьбе с терроризмом: состояние и основные направления повышения эффективности // Аналитический вестник Совета Федерации. Антитеррористическая правовая система: тенденции, особенности и пути совершенствования. – 2010. – № 15 (401). – С. 63.

197 Грачев С.И. Характеристика транснационального терроризма как одного из видов международного терроризма // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2008. – № 1. – С. 194–195.

198 Цит. по: Метелев С.Е. Современный терроризм и методы антитеррористической деятельности: монография. – Омск, 2008. – С. 117.

199 Словарь терминов // Официальный сайт АТЦ СНГ. – URL: http://www.cisatc.org/134/159/202_ (дата обращения: 17.02.2017).

200 Алехнович С.О. Терроризм и антитерроризм: актуальный вопрос // Российский следователь. – 2007. – № 3. – С. 26.

201 См, напр: Сидоренко А.Г., Тихомиров Ю.В. Терроризм и антитеррористическая безопасность в контексте истории и современной геополитики ... С.164-168; Гаврилин Ю.В., Смирнов Л.В. Современный терроризм ... С. 24.; Буркин А.И., Возжеников А.В., Синеок Н.В. Национальная безопасность России в контексте современных политических процессов / под общ. ред. А.В. Возженикова. – 2-е изд., доп. – М.: РАГС, 2008. – С. 276–288; Сочнев Д.В., Абасов М.М. Основные виды и наиболее распространенные формы международного терроризма ... URL: <http://www.e->

---

notabene.ru/pm/article_801.html (дата обращения: 17.02.2019); Терроризм в современном мире ... С. 15.

202 Хлобустов О.М. О некоторых понятиях и терминах в сфере борьбы с современным терроризмом ... С. 47.

203 По данному вопросу см. также: Фарвазова Ю.Р. Некоторые проблемы классификации современного терроризма // Актуальные проблемы юридической науки: теория и практика: сб. материалов 1-й Междунар. науч.-практ. конф. 30 апр. 2013 г. – М.: Перо, 2013. – С. 90.

204 Терроризм в современном мире ... С. 296.

205 Щерба С.П., Бриллиантов А.В. Законодательство стран СНГ в области борьбы с терроризмом и проблемы его гармонизации ... С. 143; Бриллиантов А., Бурковская В. К вопросу о направлениях унификации законодательств государств-участников СНГ о борьбе с терроризмом и захватом заложника ... С. 105; Казаков Р.Ю. Регулирование уголовной ответственности за терроризм в государствах-участниках СНГ ... С. 158.

206 Уголовный кодекс Республики Армения от 29 апреля 2003 г. (с изм. от 16.12.2016 № ЗР-7). – URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=arm> (дата обращения: 16.02.2017); Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. (с изм. от 19.07.2016 № 407-3). – URL: http://etalonline.by/?type=text&regnum=hk9900275#load_text_none_1_ (дата обращения: 16.02.2017); Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. (от 28.12.2016 № 36-VI). – URL: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252#sub_id=4670000 (дата обращения: 16.02.2017); Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 1 октября 1997 г. (с изм. от 24.11.2016 № 188). – URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/568?cl=ru-ru> (дата обращения: 16.02.2017); Уголовный кодекс Российской Федерации 13 июня 1996 г. (с изм. от 07.02.2017 № 8-ФЗ). – URL: <http://www.consultant.ru/popular/ukrf/> (дата обращения: 16.02.2017); Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. (с изм. от 14.11.2016 № 1359). – URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 16.02.2017).

207 Хлобустов О.М. О некоторых понятиях и терминах в сфере борьбы с современным терроризмом ... С. 47; Словарь терминов // Официальный сайт АТЦ СНГ. – URL: <http://www.cisatc.org/134/159/202>; <http://www.cisatc.org/134/159/197> (дата обращения: 17.02.2019).

208 Коновалова А.Б. Террористический акт в форме угрозы и заведомо ложное сообщение об акте терроризма как проявления информационного терроризирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Киров, 2008. – С. 7-9; Дерюгина Ю.Н. Терроризм: уголовно-правовой и криминологический аспекты ... С. 10; Гриб Н.Н. Криминологические аспекты противодействия терроризму в современной России: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2005. – С. 9; Гаухман Л.Д. Уголовно-правовая борьба с терроризмом // Законность. – 2000. – № 5. – С. 6; Дикаев С.У. Терроризм: феномен, обусловленность и меры противодействия

(уголовно-правовое и криминологическое исследование): дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2004. – С. 11–12.

209 Мирзоахмедов Ф.А. Уголовная ответственность за терроризм по законодательству Республики Таджикистан и Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2016. – С. 9–10.

210 Коновалова А.Б. Террористический акт в форме угрозы и заведомо ложное сообщение об акте терроризма как проявления информационного терроризирования ... С. 8.

211 Изменения в Уголовный кодекс внесены Законом Республики Армения от 21 июня 2014 г. № ЗР-114 «О внесении изменений и дополнений Уголовный кодекс Республики Армения». – URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=5036&lang=arm> (дата обращения: 16.02.2017).

212 Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации ... С. 562.

213 Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / Н.Н. Белокобыльский [и др.]; под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. – 2-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2014. – С. 277.

214 Уголовное право России. Общая часть: учебник / Д.И. Аминов [и др.]; под ред. В.П. Ревина. – 2-е изд., исп. и доп. – М.: Юстицинформ, 2010. – С. 165.

215 Данная позиция также была высказана в литературе: см. Бриллиантов А., Бурковская В. К вопросу о направлениях унификации законодательств государств-участников СНГ о борьбе с терроризмом и захватом заложника ... С. 105; Щерба С.П., Бриллиантов А.В. Законодательство стран СНГ в области борьбы с терроризмом и проблемы его гармонизации ... С. 144; Казаков Р.Ю. Регулирование уголовной ответственности за терроризм в государствах-участниках СНГ ... С. 159.

216 Более подробно о психовозрастной несубъектности см.: Благоев Е.В. Уголовное законодательство: текст, комментарии, судебная практика (общая часть). – М.: Проспект, 2015. – С. 51-52.

217 Законодатели Республик Беларусь и Таджикистан оперируют понятием «повторность», тождественным понятию «неоднократность» Республики Казахстан.

218 Изменения в Уголовный кодекс внесены Законом Республики Армения от 21 июня 2014 г. № ЗР-114 «О внесении изменений и дополнений Уголовный кодекс Республики Армения».

219 Бриллиантов А., Бурковская В. К вопросу о направлениях унификации законодательств государств-участников СНГ о борьбе с терроризмом и захватом заложника ... С. 105-106.

220 Петрищев Е.В. Защита объектов террористического посягательства и проблемы информационного противоборства // Организованный терроризм и организованная преступность: сборник / ред. кол. А.И. Долгова (отв. ред.), В.В.

Астанин, Д.И. Дзюба, Р.Ю. Казаков. – М.: Рос. криминолог. ассоц., 2002. – С. 35.

221 В научной доктрине возникают вопросы относительно применения примечания к статьям о террористических преступлениях. См., напр. Рарог А.И., Войтович А.П. К вопросу о необходимости совершенствования системы примечаний в УК РФ // Традиции криминалистических школ Казанского университета и современные тенденции противодействия преступности: материалы Всероссийск. науч.-практ. конф., 29-30 нояб. 2007 г. / науч. ред. Ф.Р. Сундуrow, Н.В. Бахарев. – Казань, 2008. – С. 97–98.

222 Уголовное право. Общая часть: учебник / А.Ф. Мицкевич [и др.]; отв. ред. А.Н. Тарбагаев. – М.: Проспект, 2012. – С. 387.

223 Сундуrow, Ф.Р., Талан М.В. Уголовное право России. Общая часть: учебно-методическое пособие. – Казань: Казанский университет, 2010. – С. 78.

224 Морозов Г.И. Терроризм – преступление против человечества (международный терроризм и международные отношения). – М.: ИМЭМО РАН, 1997. – С. 5.

225 Мир беспокоят теракты и глобальное потепление // Официальный сайт исследовательской компании «Ромир». – URL: http://romir.ru/studies/515_1383681600/ (дата обращения: 17.02.2017).

226 Более подробно см.: Суинова А.С., Газизов Т.Ж. Религиозный экстремизм и терроризм в Республике Казахстан: ивент – анализ 2011 года // Вестник Карагандинского университета. Серия: История. Философия. – 2012. – № 3 (67). – С. 82–91.

227 Кужабаева Г.Т. Пенитенциарная профилактика распространения терроризма в Республике Казахстан: монография / под общ. ред. А.Б. Бекмаганбетова. – Костанай: Костанайский филиал ФГБОУ ВПО «ЧелГУ», 2011. – С. 3.

228 Иванов С. Проблемы и особенности борьбы с террористической группировкой «Исламское государство» // Зарубежное военное обозрение. – 2016. – № 6 (831). – С. 7.

229 Евграфов А. Средняя Азия: внутренние угрозы гораздо актуальнее // Исламское государств»: сущность и противостояние: аналитический доклад / Под общей редакцией Я.А. Амелиной, А.Г. Арешева. – Владикавказ: Кавказский геополитический клуб, 2015. – С. 137.

230 Альмяшев И.И. Взаимодействие ОДКБ с глобальными и региональными организациями в сфере безопасности // Национальная безопасность России: проблемы и пути обеспечения: сб. науч. статей. Выпуск 4 (13) / под общ. ред. С.В. Смутьского. – М.: РАГС, 2011. – С. 5.

231 Криминология: учебник для вузов / А.Ф. Агапов [и др.] ... С. 117.

232 Антонян Ю.М. Криминология: учебник для бакалавров ... С. 179.

233 Боков А.В. Криминологические основы управления деятельностью органов внутренних дел по борьбе с преступностью и обеспечению безопасности граждан: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2004. – С. 9-10.

---

234 Криминология: учебник для вузов / С.В. Ванюшкин [и др.]; под общ. ред. А.И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2005. – С. 380.

235 Криминология: учебник / А.И. Гуров [и др.]; под науч. ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – С. 185; Криминология: учебник для вузов / А.Ф. Агапов [и др.] ... С. 116–118; Криминология: учебник / Ю.М. Антонян [и др.]; под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова.. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2009 . – С. 286–287.

236 Майоров А.В. Противодействие преступности – приоритетное направление в уголовной политике государства // Вопросы современной юриспруденции: сб. стат. по материалам XXXIV Междунар. науч.-практ. конф. 24 фев. 2014 г. – Новосибирск: СибАК, 2014. – С. 128–133.

237 Вишневецкий К.В., Трофименко С.В. О терминах «борьба» и «противодействие» в уголовно-правовой лексике // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 3. – С. 225–230.

238 Майоров А.В. Противодействие преступности-приоритетное направление в уголовной политике государства ... С. 129.

239 Пешков М.С. Меры безопасности в системе противодействия терроризму ... С. 8.

240 Антонян Ю.М. Криминология ... С. 181.

241 Шалагин А.Е. О приоритетных направлениях деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений и административных правонарушений // Вестник экономики, права и социологии. – 2014. – № 2. – С. 154.

242 Антонян Ю.М. Криминология ... С. 183.

243 Там же. С. 401.

244 Терроризм в современном мире ... С. 48.

245 Хромов И.Л. Религиозный экстремизм как ресурсная база терроризма: проблемы противодействия // Вестник Владимирского юридического института. – 2012. – № 3 (24). – С. 157.

246 Более подробно о теоретических и практических аспектах ненасильственного разрешения конфликтов см.: Смагоринский Б.П., Анисимов П.В., Кальченко Н.В. Органы внутренних дел и российское общество: этические и правовые аспекты обучения сотрудников милиции: учебное пособие. – Волгоград: Волгоградский юрид. институт МВД России, 2000. – С. 110–206.

247 Терроризм в современном мире ... С. 69.

248 Бучаев С.М. Проблемы противодействия процессу превращения личности в преступника – террориста // Бизнес в законе. – 2014. – № 1. – С. 73.

249 Более подробно см.: Васнецова А.С. Патриотическое воспитание граждан в системе противодействия экстремистской и террористической деятельности: общефедеральные и региональные аспекты // Вопросы безопасности. – 2013. – № 5. – URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_9517.html (дата обращения: 17.02.2019).

---

250 Антонян Ю.М. Особо опасный преступник. – М.: Проспект, 2013. – С. 170–171; Базаркина Д.Ю. Угроза терроризма в современном мире: коммуникационный аспект // Личность и медиа: сборник статей факульт. журналистики МГГУ им. М.А. Шолохова / составители Т.Н. Владимирова, И.В. Жилавская. – М.: РИЦ, 2011. – С. 74–76; Терроризм в современном мире ... С. 5, 44.

251 Рязанов Д.С. Бедность и безработица как факторы терроризма // Политика. – 2011. – № 4 (63). – С. 109.

252 Сафаров А.А. Закат казанского феномена ... С. 347.

253 Терроризм в современном мире ... С. 64.

254 Более подробно см.: Тарабрин С. В. Роль участкового уполномоченного милиции в предупреждении и пресечении преступлений террористического характера и экстремистской направленности // Российский следователь. – 2010. – № 24. – С. 29–33; Мамаев М.А. Профилактические мероприятия по противодействию терроризму и экстремизму, проводимые подразделениями участковых уполномоченных полиции с учетом специфики региона // Актуальные проблемы деятельности участковых уполномоченных полиции: материалы внутриведомств. «круглого стола». – Домодедово: ВИПК МВД России, 2012. – С. 47–50; Предупреждение преступлений и административных правонарушений ... С. 129.

255 Максина С.В. Терроризм: криминологические и уголовно-правовые аспекты ... С. 10.

256 Галустян С.А., Сысоев А.М. Основные направления пенитенциарного воздействия на лиц, осужденных за преступления экстремистской направленности и террористического характера // Преступление. Наказание. Исправление. Вестник Вологодского института права и экономики ФСИН. – 2010. – № 11. – С. 21.

257 Бучаев С.М. Проблемы противодействия процессу превращения личности в преступника ... С. 74.

258 Комиссаров В.С. Борьба с преступностью мерами уголовного права (понятие, сущность, содержание): учебное пособие. – М.: МГУ, 1989. – С. 56.

259 См., напр.: Юридическая энциклопедия / Беляева З.С. [и др.]; отв. ред. Б.Н. Топорнин. – М.: Юрист, 2001. – С. 815-816; Правоохранительные органы России: учебник для бакалавров / В.П. Божьев [и др.]; под ред. В.П. Божьева. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2013. – С. 24–25; Авдонкин В.С. Правоохранительные органы в схемах с комментариями: учебное пособие. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2010. – 288 с.

260 Правоохранительные органы России: учебник для бакалавров ... С. 25; Гуськова А.П., Шамардин А.А. Правоохранительные органы (судоустройство): учебник. – М.: Юрист, 2005. – С. 16.

261 Правоохранительные органы России: учебник для бакалавров ... С. 25.

262 Никитин А.Ф. Юридический словарь. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2005. – С. 417.

---

263 Газетдинов Н.И. Значение понятия «правоохранительные органы» для образовательного процесса и юридической практики // Российская юстиция. – 2014. – № 4. – С. 65.

264 Там же. С. 66.

265 Философский энциклопедический словарь / А.Л. Геркулова [и др.]; гл. ред. Л.Ф. Ильичев [и др.] – М.: Советская энциклопедия, 1983. – С. 81.

266 Алимов Т. В Татарстане при задержании террористов ранены полицейские // Российская газета. – 2014. – 1 мая. – URL: <http://www.rg.ru/2014/05/01/reg-pfo/fsb-anons.html> (дата обращения: 17.02.2017).

267 Сафаров А.А. Закат казанского феномена ... С. 254.

268 Силаева Н.А. Предупреждение преступлений, посягающих на политическую систему государства (некоторые специальные меры) // NB: Вопросы права и политики. – 2013. – № 3. – URL: http://www.enotabene.ru/1r/article_542.html (дата обращения: 17.02.2017).

269 ОДКБ: ответственная безопасность / С.А. Кулик [и др.]; под общ. ред. И.Ю. Юргенса. – М.: Экон-Информ, 2011. – С. 6.

270 О Коллективных силах быстрого развертывания Центральноазиатского региона коллективной безопасности: решение Совета коллективной безопасности ОДКБ: принято в г. Ереване 25 мая 2001 г. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».

271 Соглашение о Коллективных силах оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности (вместе с «Положением о Командовании КСОР», «Правилами применения силы КСОР»: заключено в г. Москве 14 июня 2009 г. // Собр. законодательства РФ. – 2011. – № 12. – Ст. 1556. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».

272 Заявление глав государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности по итогам сессии СКБ 15.09.2015 в г. Душанбе // Официальный сайт ОДКБ. – URL: http://odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=5403 (дата обращения: 17.02.2017).

273 Фарвазова Ю.Р. Конфликты как криминологические детерминанты терроризма в России и иных государствах –членах ОДКБ // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2013. – Спецвыпуск. – С. 273–276.

274 Цит. по: Снеговой А.В. Взаимодействие органов внутренних дел Российской Федерации с правоохранительными органами государств-участников СНГ в антитеррористической деятельности: монография. – М.: Академия управления МВД России, 2011. – С. 73.

275 Цит. по: Снеговой А.В. Взаимодействие органов внутренних дел Российской Федерации с правоохранительными органами государств-участников СНГ в антитеррористической деятельности ... С. 76.

276 О создании Европейского полицейского ведомства (Европол): решение № 2009/371/ПВД Совета Европейского Союза: принято в г. Люксембурге 6 апреля 2009 г. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».

---

277 Саркисян М.А. Международный терроризм как преступное деяние по международному праву ... С. 11; Мансуров Т.Т. Правовые основы международного сотрудничества в борьбе с преступлениями международного характера ... С. 5-6; Нигматуллин Р.В. Сотрудничество государств в борьбе с преступлениями международного характера в XX – начале XXI столетия (историко-правовой аспект): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2007. – С. 11.

278 Каримов Р.Р. Становление и развитие договорно-правового механизма сотрудничества государств в борьбе с терроризмом в XX – начале XXI столетий (историко-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Мытищи, 2009. – С. 7.

279 Терроризм в современном мире ... С. 71.

280 Тагиров З.И. Вопросы моделирования сетевых террористических структур // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века. – 2016. – № 4. – С. 35.

281 Снеговой А.В. Взаимодействие органов внутренних дел Российской Федерации с правоохранительными органами государств – участников СНГ в антитеррористической деятельности ... С. 20.

282 ОДКБ: ответственная безопасность ... С.32; Никитина Ю.А. Эволюция механизмов и международно-политических стратегий ОДКБ и ШОС: автореф. дис. ... канд. политич. наук. – М., 2008. – С. 14.

283 Никитина Ю.А. Эволюция механизмов и международно-политических стратегий ОДКБ и ШОС ... С. 15.

284 ОДКБ: ответственная безопасность ... С. 28.

285 Там же. С. 28-29.